

Екатерина В. Рахилина

Семантика или синтаксис?

К анализу частных вопросов
в русском языке

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

Екатерина В. Рахилина - 9783954791774

Downloaded from PubFactory at 01/10/2019 03:35:41AM

via free access

SLAVISTISCHE BEITRÄGE

BEGRÜNDET VON

ALOIS SCHMAUS

HERAUSGEGEBEN VON

HEINRICH KUNSTMANN

PETER REHDER · JOSEF SCHRENK

REDAKTION

PETER REHDER

Band 268

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN

Е. В. РАХИЛИНА

СЕМАНТИКА ИЛИ СИНТАКСИС ?

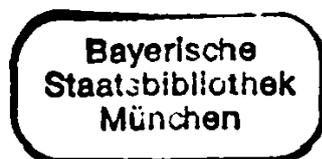
(К анализу частных вопросов в русском языке)

SEMANTICS OR SYNTAX ?

(Answering WH-Questions in Russian)

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN
1990

ISBN 3-87690-484-6
© Verlag Otto Sagner, München 1990
Abteilung der Firma Kubon & Sagner, München

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой незначительно переработанную и дополненную диссертацию, защищенную автором в апреле 1988 г. в Москве (диссертация была написана в основном в 1985-86 гг.). При подготовке к печати я, после некоторых колебаний, ограничилась главным образом тем, что сделала попытку учесть некоторые новейшие работы; кроме того, я сочла целесообразным добавить в качестве приложения одну более позднюю статью о причинных и целевых вопросах.

Основной идеей книги является демонстрация того, что успешный анализ вопросов (в том числе и с целью автоматического порождения ответов) невозможен без их детального **семантического** описания. Между тем, аппарат такого описания в лингвистике в настоящее время, насколько можно судить, не разработан; рассуждения по поводу того, каким мог бы быть этот аппарат, и составляют, наряду с иллюстрациями и анализом конкретного материала, центральную часть книги.

Мои занятия вопросительными словами начались в 1983 г., когда мы с Г. Е. Крейдлиным предприняли исследование русского *какой*, и в том числе *какой*-вопросительного. Эти исследования оказались необыкновенно увлекательными - не в последнюю очередь благодаря большой эрудиции и лингвистической проницательности Г. Е. Крейдлина. Наша

совместная статья (Изв. АН СССР, 1984, N 5) - она легла в основу второй главы настоящей работы - стала стимулом к моим дальнейшим самостоятельным исследованиям. В процессе работы я пользовалась поддержкой и помощью многих моих коллег; прежде всего, это мой научный руководитель Е. В. Падучева, идеи которой относительно семантического описания вопросов определили направление моих исследований. Пользуясь случаем, я хотела бы также поблагодарить всех, кто на разных этапах работы принимал участие в ее обсуждении и критике - в первую очередь, Н. Д. Арутюнову, И. М. Богуславского, Т. В. Булыгину, А. Е. Кибрика и М. А. Кронгауза.

В особенности же я хотела бы поблагодарить В. А. Плунгяна, многочисленные советы и неоценимая помощь которого касались не только содержательной, но даже и чисто технической стороны дела.

Кроме того, я хотела бы поблагодарить человека, прямого отношения к этой книге не имевшего. Это А. К. Поливанова, которой я обязана знанием некоторых общих принципов научного исследования (при этом я осознаю, что мне не удалось все же соблюсти эти принципы в полной мере).

Работа над диссертацией и книгой потребовала многих сил, прежде всего душевных; если бы не всемерная поддержка моих родителей, Л. И. Рахилиной и В. К. Рахилина, мне было бы очень трудно.

Надо сказать, что эта диссертация никогда не стала бы книгой, если бы не усилия и добрая воля Владимира Петровича Недялкова, рекомендовавшего ее к печати. И, конечно, я благодарна доктору Петеру Редеру, который счел возможным опубликовать ее в прекрасной серии "Slavistische Beiträge".

Москва, 15 августа 1990

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	V
ОГЛАВЛЕНИЕ	VII
ВВЕДЕНИЕ	1
ГЛАВА I. Логико-семантические средства описания вопросов на естественном языке	
§ 1. Характеристика исходного языкового материала	
1. Понятие вопросо-ответной пары	5
2. О классификации вопросов	11
§ 2. Синтаксический подход к построению ответов	13
§ 3. Логико-семантическое представление вопроса.	
Оператор вопроса и вопросительная переменная ..	17
§ 4. Место вопросительной переменной в семантической структуре вопроса	21
<u>Отступление.</u> О некоторых исходных понятиях	21
§ 5. Процедура замещения вопросительной переменной конкретным языковым выражением	29

ГЛАВА II. Логико-семантический анализ вопросов со словом
какой

Вводные замечания	38
§ 1. Место вопросительной переменной в структуре вопроса к отпредикатному имени	40
<u>Отступление.</u> О вопросах со словом как	46
§ 2. Место вопросительной переменной в структуре вопроса к предметному имени	50
I. Зона обязательной синтактики	51
II. Зона лексических функций	55
III. Зона энциклопедической информации	58
§ 3. Множество выбора и предметная область для вопроса с какой	62

ГЛАВА III. Логико-семантический анализ вопросов со словом
где

§ 1. Вопросительная переменная - актанта предиката P	68
§ 2. Вопросительная переменная - сирконстант предиката P	
I. Собственно-локативная интерпретация	77
II. Соотносительно-временная интерпретация	83
§ 3. Вопросы с партитивным ответом	86
§ 4. Глаголы движения в контексте вопросов локатив- ной семантики	
Вводные замечания	91
1. Классификация глаголов движения	91
2. Общее правило построения локативных вопросов. Глаголы с фиксированным актанта	99
3. Информация о положении наблюдателя	101

4. Особый случай синонимии локативных вопросов	104
5. Вопросы о направлении движения	107
6. Семантическая переменная 'вход/выход из замкнутого пространства'	108
7. Вопросы о траектории движения	113
8. Выводы	114
<u>Экскурс.</u> К типологии локативных вопросов	116
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Краткие выводы	 120
 ПРИЛОЖЕНИЕ I. Об одной разновидности локативных вопросов	 124
 ПРИЛОЖЕНИЕ II. К описанию вопросов о причине и цели	 138
<u>Отступление.</u> О причине-основании	153
 ENGLISH SUMMARY	 157
I. General information	158
II. Semantic analysis of WH-questions (theoretical principles)	
1. The concept of the question-answer pair	159
2. The syntactic approach and its weak points .	161
3. The logical tradition	165
4. Principles of the semantic analysis of WH-questions	167
5. Some difficulties	168
6. Some pragmatic aspects of answerhood	173
III. Questions with kakoj	175
1. Types of possible answers	175
2. Kakoj vs. čto za	177

IV. Locative questions	
1. Types of answers	179
2. Verbs of motion	180
V. Conclusion	183
ЛИТЕРАТУРА	185
УКАЗАТЕЛЬ ЛЕКСЕМ	199
УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ	204

В В Е Д Е Н И Е

В последние годы становятся все более актуальными задачи, связанные с обеспечением общения человека и машины на естественном языке. Среди многообразных аспектов этой проблематики (технических, логических, психологических и др.) особое место, бесспорно, принадлежит лингвистическому аспекту. Считается, что ближайшие поколения интеллектуальных информационных систем должны быть способны к диалогу с пользователем без помощи искусственного языка-посредника (типа языка программирования), на том из естественных языков, который удобен пользователю. Более того, такая система ближайшего будущего должна быть рассчитана не только на диалог со специалистом, имеющим определенную подготовку в соответствующей предметной области, но и на диалог с неподготовленным пользователем.

Решение подобных задач предполагает достижение некоторого нового уровня лингвистического обеспечения диалоговых (вопросо-ответных) систем, значительно более высокого, чем тот, который существует в настоящий момент. Однако достижение такого уровня невозможно, в свою очередь, без получения новых результатов в области лингвистической теории, в особенности теории диалога, лишь недавно получившей самостоятельное значение. Конечно, всякое

моделирование, в том числе моделирование естественного языка, неизбежно связано с определенным упрощением моделируемого объекта, с отвлечением от тех его аспектов, которые несущественны для конкретных задач исследователя. Например, ограничение определенной узкой предметной областью позволяет сосредоточить усилия исследователя на моделировании так называемого подъязыка, который существенно "беднее" естественного языка в целом, как в лексическом, так и в грамматическом отношении. Однако при сужении естественного языка до подъязыка можно пренебречь далеко не любым его фрагментом. В случае моделирования диалога к таким "неустрашимым" фрагментам относятся прежде всего структура диалога, то есть природа противопоставления вопросительных и невопросительных высказываний, а также отношения между вопросом и ответом. Действительно, можно, например, сузить предметную область, имея в виду некоторую конкретную информационную систему (по химии, биологии, транспорту и т. п.), но естественно предоставить пользователю (в особенности, если иметь в виду пользователя-неспециалиста) задавать вопросы в той форме, которая ему привычна, то есть используя те языковые средства, которыми располагает для этого его родной язык.

Под моделью диалога в данном случае понимается система правил, позволяющих сопоставить каждому заданному вопросу множество правильных ответов на него (о понятии правильного ответа на вопрос подробнее см. в Главе I). Основным компонентом такой модели должно быть, как показано ниже, логико-семантическое представление вопроса, то есть такое его формализованное представление, которое позволяет исчислить типы возможных ответов на этот вопрос.

Решение этой задачи оказывается наиболее трудным для вопросов, содержащих вопросительные слова - так называемых **частных вопросов**, так как именно в этом случае количество возможных ответов в

принципе не ограничено, в отличие от общих вопросов, предполагающих в ответе да или нет, или альтернативных, предполагающих выбор отвечающим одной из заданных альтернатив (подробнее см. Главу I). В то же время эта разновидность вопросов, с теоретической точки зрения наиболее трудная, представляет и самый значительный практический интерес - большая часть запрашиваемой информации в автоматизированных системах имеет такой характер, что ее удобно облекать именно в форму частных вопросов.

В настоящей работе в силу указанных причин основное внимание сосредоточено на вопросах с вопросительными словами. Именно на этот тип вопросов ориентировано предлагаемое в работе логико-семантическое представление. В ходе нашего исследования мы стремились показать, что на уровне логико-семантического представления частные вопросы обнаруживают гораздо больше общности, чем на поверхностном уровне, где они различаются уже морфолого-синтаксическими характеристиками соответствующих вопросительных слов. То или иное вопросительное слово, в сущности, лишь маркирует синтаксический тип вопроса, далеко не полностью определяя его семантические характеристики. Реальными же вопросительными элементами, на выявление которых должно быть ориентировано моделирование диалога, содержащего частные вопросы (то есть - если говорить о прикладном аспекте - те элементы, которые должна выделить машина при анализе вопроса, заданного человеком, для того, чтобы правильно ответить на него), - реальными вопросительными элементами являются не вопросительные слова, а компоненты логико-семантического представления вопроса.

Работа состоит из трех глав. В Главе I дается обзор существующих подходов к анализу вопросов с вопросительными словами и вводится понятийный аппарат, необходимый для построения логико-семантического представления вопроса. Глава II целиком посвящена

анализу вопросо-ответных пар с вопросительным *какой*. В Главе III рассматриваются вопросо-ответные пары, содержащие вопросы со словом *где*, в том числе в сопоставлении с другими вопросами локативной семантики (а именно, вопросами со словами *куда* и *откуда*).

Г Л А В А I.

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ ВОПРОСОВ НА ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Характеристика исходного языкового материала

1. Понятие вопросо-ответной пары.

В качестве минимальной единицы вопросо-ответного текста на естественном языке в настоящей работе принимается **вопросо-ответная пара**; тем самым, предполагается, что, в отличие от монологического текста, диалог членится не на отдельные предложения (высказывания), а на пары семантически связанных друг с другом предложений, одно из которых - вопрос, а другое - ответ на него. Такое решение естественно, если иметь в виду технические приложения этой области лингвистики, как, например, построение информационно-поисковых систем: в простейшем случае работа такой системы сводится к тому, что она получает запрос и выдает в ответ на него требуемую информацию. Что же касается собственно лингвистической традиции, то здесь принято рассматривать вопрос отдельно от ответа на него, так что вопросо-ответная пара не фигурирует как целое, как единица ди-

алогового текста(1). Показательно в этом отношении, в частности, то, что в соответствующих словарных статьях и грамматических разделах примеры вопросительных предложений никогда не сопровождаются ответами(2). Естественно, что такие примеры в значительной степени теряют ценность лингвистического материала.

Действительно, во-первых, не всякое вопросительное предложение содержит требование ответа, т.е. является собственно вопросом - вопросом стандартной семантики (о вопросах стандартной семантики см. [Hintikka 1978; Падучева 1981]; ср. также [Есперсен 1958, с. 351-354; Niž 1978a]). Есть риторические вопросы (*Знаете ли вы украинскую ночь?*), вопросы-просьбы (*Вы не передадите соль?*), вопросы-приглашения (*Ну что, пошли?*) и т.д. Так, предложение *Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?*, вопросительное по форме, не может быть понято как вопрос стандартной семантики именно потому, что на него невозможно дать ответ. Вопросо-ответная пара с этим предложением запрещена (см. Главу III, § 4). Очевидно, что множество допустимых и недопустимых вопросо-ответных пар говорит о семантике вопроса больше, чем списки грамматически правильных вопросительных предложений.

(1) Ср., однако, статью [Keenan, Hull 1973], в которой понятие вопросо-ответного соответствия используется для анализа пре-суппозиций вопроса.

(2) Ср., например, [Словарь 1948; Словарь 1981; Грамматика 1980, с. 386 и след.; Collins 1986; Larousse 1986]. Характерным образцом такого подхода может служить статья М. Д. Мальцева [1949], где собраны все (!) случаи употребления А. С. Пушкиным вопросительных предложений со значением причины и цели, однако ни одного ответа на вопрос не приводится.

Во-вторых, рассмотрение вопросов отдельно от ответов не дает удовлетворительных результатов по причине многозначности вопросов с вопросительными словами, ср.:

(1) - *Какой у вас телевизор?* (- Цветной; - "Рекорд").

(2) - *Где вы обнаружили ошибку?* (- В отчете; - На пятой странице; - По дороге на службу).

Без ответа или единственной интерпретации, приписанной ему в данном контексте, вопрос в большинстве случаев остается многозначным и не может служить материалом для дальнейшего лингвистического исследования(3).

И все же существует значительный круг лингвистических исследований, в которых используется понятие вопросо-ответной пары. Это работы, принимающие за основу логическое представление вопроса(4). Известно, что вопрос, в отличие, например, от утверждения, не имеет истинностной оценки, поэтому в логических теориях, для которых понятие истинностной оценки является центральным, значение вопроса предлагалось описывать как множество возможных ответов на него (этот подход представлен, в частности, в работах [Hamblin 1963; Cresswell 1965; Hiž 1978a; Белнап, Стил 1976; Karttunen 1978]; более подробную библиографию и критический анализ см. в работе [Па-

(3) Отметим, что сам поиск единственной интерпретации вопроса возможен только после того, как исчислено все множество допустимых ответов на вопрос.

(4) Особую позицию занимает, пожалуй, только Л. Оквист, ср.: "According to a widespread view, perhaps shared by every author on the subject except myself, any interrogative logic must be based on a specification of the question-answer relationship" [Aqvist 1972, p. 291].

дучева 1981, с. 92-96]).

В ходе дальнейших исследований семантики вопроса выяснилось, что сведение значения вопроса к множеству ответов не дает полностью адекватного представления о вопросе, и прежде всего потому, что игнорирует особенности вопроса как речевого акта [Падучева 1981]. Кроме того, вопрос семантически "богаче" множества своих ответов. Легко привести примеры вопросов, требующих разной семантической структуры, но в некоторых случаях допускающих одно и то же множество ответов; таковы, например, *почему-вопросы* и *причинные что-вопросы* типа *Что ты голову повесил?* (Примеры такого рода приводятся в работе [Ардентов 1973, с. 23]). Различия вопросо-ответных пар с причинным *что* и *почему* в том, что в первом случае (с причинным *что*) говорящий имеет презумпцию, что событие *P*, о котором идет речь в вопросе, не должно было бы иметь места, тогда как во втором случае (с *почему-вопросами*) такой презумпции может не быть. В принципе, ничто не мешает совпасть множеству ответов на вопросы о причине события с множеством ответов на вопрос о причине такого события, которое не должно, по мнению говорящего, иметь место; однако очевидно, что сами эти вопросы не тождественны. В частности, для них далеко не всегда верен тест на взаимозаменяемость, ср.:

(3а) *И почему она так надоедлива? => И что она так надоедлива?*

но:

(3б) *Почему она так надоедлива, а он так терпелив? => *Что она так надоедлива, а он так терпелив?*

Таким образом, простое сведение вопроса к множеству его ответов дает слишком грубую, упрощенную модель вопроса. Однако сама идея логико-семантического анализа вопросительного предложения "через ответы" на него оказалась чрезвычайно плодотворной. Продолжая эту традицию, мы будем в дальнейшем при исследовании семантики диалоговых структур опираться именно на понятие вопросо-ответной

пары(5).

Замечание. Минимальной единицей диалога может служить не всякая вопросо-ответная пара, а лишь, так сказать, **замкнутая** - то есть такая, в которой ответ на заданный вопрос оказывается достаточным, и спрашивающему нет необходимости продолжать диалог с целью выяснения той информации, о которой был задан вопрос. С другой стороны, вопрос в замкнутой вопросо-ответной паре должен быть максимально независим от предыдущего контекста; в частности, недопустимо, чтобы он являлся продолжением какого-то другого диалога, так как в этом случае он не может рассматриваться изолированно без потери существенной семантической информации. Такое ограничение множества вопросо-ответных пар, в частности, означает, что в наше поле зрения не будут входить вопросы с **неудачными, неполными и непрямыми** ответами (то есть такие, при которых возможно продолжение диалога, представленного данной вопросо-ответной парой), а также пары, содержащие **уточняющие** вопросы, которые всегда являются продолжением некоторого предшествующего диалога. Изучение перечисленных типов вопросо-ответных пар должно строиться на принципиально иных основаниях, нежели вопросо-ответных пар с удачными, полными и прямыми ответами, так как оно требует прежде всего внимания к

(5) В работе используются примеры из художественной прозы (в основном - пьесы, классические и современные), а также газетной периодики. В некоторых случаях примеры сконструированы автором. Сомнительные примеры отмечаются знаком "?" в начале, неправильные примеры - знаком "*"; в случае неправильности или сомнительности диалога в целом соответствующий знак ставится перед номером примера.

прагматическим аспектам диалогового общения(6).

Другими словами, замкнутая вопросо-ответная пара - это, если воспользоваться еще одним очень важным термином, вопрос с **правильным ответом** (direct answer). Более строгое в формальном отношении описание правильного ответа будет дано в § 5(7).

В дальнейшем мы будем исходить из допущения (несколько огрубленного, что, впрочем, для наших целей несущественно), что замкнутая вопросо-ответная пара равнозначна контекстно-независимому вопросу с удачным, полным и прямым ответом на него (ср. [Крейдлин, Рахилина 1984a]).

(6) Прагматическим аспектам диалога посвящено очень большое число лингвистических исследований. Полностью оставляя здесь эту проблему в стороне, мы отсылаем читателя к работам [Searle 1975; Gordon, Lakoff 1975; Conrad 1983; Grewendorf 1983]; специально на русском материале - [Падучева 1982a; 1982b; Разлогова 1989]; ср. также [Булыгина, Шмелев 1982; Баранов, Кобозева 1983] и статьи А. Е. Кибрика, О. Ю. Богуславской, И. А. Муравьевой и др. в сборнике [Взаимодействие 1985].

(7) К сожалению, не представляется возможным заимствовать в готовом виде предлагавшиеся ранее способы формализации этого и связанных с ним понятий (ср. *нормальный интеррогатив* [Aqvist 1965, p. 56], *отвечаемый интеррогатив* [Harrah 1963, p. 134 и след.], *"глупый"*, *рискованный интеррогатив* [Белнап, Стил 1976, с. 134], *прямые, элиминативные и корректирующие ответы* [Manor 1982] и др.), так как ориентация на задачу детального семантического описания вопросо-ответного соответствия в естественном языке требует, по-видимому, глубоких изменений аппарата описания в целом (подробнее см. также § 5).

2. О классификации вопросов.

Логико-семантическое представление вопроса варьируется в зависимости от типа моделируемого вопроса. Поэтому построению такого представления должна предшествовать некоторая классификация вопросов. Наиболее традиционной классификацией, как известно (подробнее см. , например, [Рестан 1968]), является следующая:

(I) альтернативные (разделительные) вопросы: *Ты плачешь или смеешься?*

(II) да/нет вопросы (общие вопросы): *Ты дремлешь?*

(III) вопросы с вопросительными словами (частные, или специальные вопросы): *Кто стучится в дверь ко мне? Где обедал, воробей? Почему фонарь погас?* и т. п.

Эта классификация основана на формальных различиях вопросительных предложений и сопровождающих их ответов - т. е. фактически является классификацией вопросо-ответных пар:

(I) вопросы, в которых уже перечислены возможные альтернативы ответов. Правильными ответами на них будут только те, которые выбраны из предложенного говорящим множества (ср. логико-семантическую формулу 'Сделай так, что я знаю либо что P_1 , либо что P_2 , либо что $P_3 \dots$ ');

(II) вопросы, которые требуют в ответе утверждения или отрицания положения, сформулированного в вопросе ('Сделай так, что я знаю, $P \vee \sim P$ ');

(III) вопросы, которые содержат вопросительные слова, кодирующие требование в ответе семантической информации особого рода - о времени, местоположении, причине и т. д. ('Сделай так, что я знаю X , такой, что $P(X)$ ').

Замечание. Эта классификация неоднократно пересматрива-

лась (ср. прежде всего [Балли 1965, с. 416 и след.]). В частности, предлагалось объединить альтернативные и частные вопросы в один класс на основании того, что перечень возможных ответов в обоих этих случаях в принципе бесконечен (в отличие от *да/нет* вопросов, где возможных ответов только два) - см. [Есперсен 1958; а также Зуев 1961]; ср. кроме того "пропозициональный подход", представленный в работах [Белнап, Стил 1976; Hausser, Zaefferer 1978]. Предлагалось также считать *да/нет* вопросы разновидностью альтернативных - "вырожденными" альтернативными вопросами, допускающими всегда только две альтернативы (подробнее см. [Bäuerle 1979; Kiefer 1983]).

Однако последующие исследования обнаружили, что такого рода упрощения принятой классификации все же пренебрегают существенными различиями между типами вопросо-ответных пар. Так, Д. Болинджер [Bolinger 1978a] убедительно показал, что, в отличие от альтернативных вопросов с равновероятными вариантами ответов, у общих, или *да/нет* вопросов одна из альтернатив обычно более предпочтительна - спрашивающий в таких случаях имеет какую-то собственную гипотезу; ср. *Джон, это ты?* (John, is that you?) - говорящий не знает точно, кто пришел, но предполагает, что пришел Джон.

В дальнейшем речь пойдет о семантическом представлении частных вопросов - т.е. вопросов с вопросительными словами. Для простоты мы исключили из рассмотрения предложения с несколькими вопросительными словами (multiple questions), такие как *Кому куда идти? Кто кого знает* и под. Напротив, предложения тип *Вы кто по профессии - инженер или врач-кардиолог?* мы, вслед за Е. В. Падучевой [Падучева 1981], считаем частными вопросами, к которым добавлены предположительные краткие ответы, и включаем в число анализируемых

примеров(8).

Итак, основным, исходным материалом для данной работы будут служить вопросо-ответные пары, в которых вопрос представляет собой вопросительное предложение, содержащее одно вопросительное слово (нас будут интересовать в основном вопросы со словами *какой* и *где*) и имеющее стандартную семантику, а ответ является удачным, полным и прямым.

§ 2. Синтаксический подход к построению ответов

При описании частных вопросов основное внимание уделяется синтаксическим правилам порождения этих конструкций и функционирования их в языке(9). Так, во многих работах обсуждаются синтаксические трудности, связанные с порождением частных вопросов из глубинных структур, содержащих относительные придаточные (см., напри-

(8) Вопросам с несколькими вопросительными словами (как одному из самых сложных синтаксических типов вопроса) уделяется особенно много внимания в литературе по генеративному синтаксису: см., например [Kuno, Robinson 1972; Bolinger 1978b; May 1985a; Tompa 1981 (на материале польского и чешского языков); Aoun 1986 (на материале китайского языка)]; ср. также [Крейдлих 1982], где производится анализ таких вопросов на материале русского языка.

(9) Ср. критику Я. Хинтиковой лингвистического подхода к вопросо-ответной проблематике: "Каковы бы ни были результаты, полученные лингвистами на уровне синтаксиса, я не усматриваю в этих результатах даже минимального приближения к семантике вопросов" [Хинтикова 1974, с. 303].

мер, [Baker 1970; Bresnan 1970], ср. также [Katz, Postal 1964], порядок слов в частно-вопросительных предложениях (см. [Halliday 1970; Frantz 1973; Grosu 1975; Sgall 1983; Aoun 1986] и др.) и т. д. Что же касается самой процедуры порождения ответа, то она при таком синтаксическом подходе сводилась лишь к операции субституции: для получения ответа вопросительное слово должно быть заменено на языковое выражение из определенного синтаксического класса, такое, что при этой замене получилось бы грамматически правильное предложение. Критерий выбора такого синтаксического класса определяется, например, следующим образом: "Удобным способом описания класса выражений, соответствующих вопросительным элементам ... является сопоставление этому классу неопределенного местоимения: считается, что в некоторый класс входят те выражения, которые могут быть замещены сопоставленным ему неопределенным местоимением" [Ильин и др. 1974, с. 14]; см. также определение "возможного ответа" (possible answer) в [Katz 1968, p. 467-468; 474], "структурное определение ответа" в [Conrad 1978, S. 27 и след] и др.

Ср. типичный пример вопросо-ответной пары, построенной по этой модели, из [Ильин и др. 1976, с. 70]:

(1) - *Какие цветы растут в саду?*

- *В саду растут красивые цветы.*

Таким образом, предполагается, что частный вопрос обязывает отвечающего воспроизвести в своей реплике синтаксическую структуру вопроса. Между тем, реально встречающиеся в текстах примеры диалогов говорят о том, что отвечающий вправе и совершенно игнорировать синтаксическую структуру вопроса, ср.:

(2) - *Скажите, маркиз, как я должен поступать по карточным правилам в таком странном случае?*

- *Сир, вам надлежит ударить его по физиономии подсвечником.*

(М. Булгаков)

(3) - *Да где же денег взять прикажете? Ведь восемь тысяч на улице не найдешь.*

- *Пускай твой господин продаст хоть тебя самого, а мне он заллотит в назначенное время.*

(М. Лермонтов)

Следовательно, модель, описывающая порождение ответов на частные вопросы с помощью операции субституции, дает существенное сужение класса правильных ответов - она не располагает аппаратом, способным объяснить возникновение ответов типа (2) и (3). С другой стороны, одновременно такая модель порождает и неоправданное расширение класса правильных ответов. Таков пример (1): в реальной ситуации, когда спрашивающему действительно необходимо знать, какие цветы растут в саду, такой ответ может быть воспринят только как нарочито неправильный. Правильными были бы ответы типа: - *Розы, тюльпаны и маки*, то есть ответы, морфологически не соотносящиеся с вопросительными местоимениями(10).

(10) В работе [Ильин и др. 1976], из которой заимствован пример (1), метод субституции провозглашен "общим подходом к определению отношения текст *T* может служить ответом на вопрос *Q*". Показательны и другие примеры, приводимые в этой работе в качестве иллюстраций правильно построенных вопросо-ответных пар:

(а) - *Сколько зерна привезли на склад?*

- *На склад привезли уйму зерна.*

(б) - *Как проявляют фотопленку?*

- *Фотопленку проявляют аккуратно.*

(в) - *Как называется соседняя деревня?*

- *Неудачно. (Так, что и не выговоришь.)*

(г) - *Как передать заряд от одного тела к другому?*

- *Передать заряд надо быстро и умело.*

Замечание. "Морфологическую несовместимость вопросительных местоимений с формами высказываний, на которые они направлены" [Булаховский 1958] отмечал еще А. М. Пешковский [1923], а позднее также М. Н. Петерсон [1940], Л. А. Булаховский [1958], М. И. Стеблин-Каменский [1954]. Ср. примеры из [Булаховский 1958, с. 35]: "В лесу шла в это время рубка дров (вопрос не *в чем*, а *где?*); Это человек крутого нрава (вопрос не *чего?*, а *какой?*)".

"Спасти" идею субституции, вообще говоря, можно было бы с помощью расширения самого понятия субституции. Такая попытка сделана в [Ильин и др. 1976] для вопросов со словом *какой*. Вводится понятие вопросительной компоненты предложения, которая подвергается субституции при построении ответа. Вопросительной компонентой предложения может быть не только вопросительное местоимение, но и именная группа, содержащая вопросительное местоимение. При последовательном описании в примерах типа (1) вопросительной компонентой должна признаваться, по-видимому, только именная группа вида *какой X*, где *X* - существительное, синтаксически подчиняющее *какой*, что позволяет избегать в таких случаях "признаковых" ответов (такое последовательное описание русского *какой* проведено, впрочем, только в работах Е. В. Падучевой - см., например, [Падучева 1985, с. 238]).

Однако, во-первых, описав таким образом один тип вопросо-ответных пар со словом *какой*, авторы оказываются перед проблемой описания других типов употребления этого слова (см. Главу II), а также других вопросительных слов, требующих, по-видимому, принципиально иных решений; ведь вопросительная компонента как специальное средство описания синтаксической структуры вопроса необходима далеко не для всякого типа частных вопросов. Например, для вопро-

сов с *где* без нее можно было бы обойтись, - однако и в этих вопросах простая подстановка вместо *где* именной группы из жестко заданного синтаксического класса не всегда дает правильный ответ на вопрос:

?(4а) - *Где он спит?*

- *Под одеялом.*

(ср. правильное:

(4б) - *Где он спрятался?*

- *Под одеялом.*)(11).

Во-вторых такое решение не дает ответа на вопрос о том, когда надо считать вопросительной компонентой предложения одно местоимение, а когда - целиком именную группу, - и, тем самым, фактически, как ответить на произвольный вопрос со словом *какой*.

§ 3. Логико-семантическое представление вопроса.

Оператор вопроса и вопросительная переменная.

Принципиально иным является подход к моделированию правильных ответов на вопросы с вопросительными словами, который основан на

(11) Такого рода примеры показывают, что подстановочная модель, в сущности, незаконно подменяет изучение механизмов построения правильных **ответов** на вопрос изучением правильно построенных (повествовательных) **предложений**. Легко видеть, что это два разных множества предложений, причем правильным ответом может быть только такое правильно построенное предложение, которое удовлетворяет некоторым (как будет показано ниже - прежде всего семантическим) условиям. Это последнее обстоятельство игнорируется при чисто синтаксическом подходе.

семантическом анализе вопросительного предложения. Логико-семантическое представление вопроса отличается от аналогичного глубинного представления повествовательного предложения в двух аспектах.

1. Во-первых, логико-семантическое представление вопроса содержит специальный оператор вопроса - ? (или Q), интерпретируемый как 'Сделай так, чтобы я знал'.

В исследованиях по эротетической логике в семантике оператора вопроса обычно выделяется два компонента - оператор побуждения I (или I_{np}), и эпистемический компонент 'Я знаю, что...', ср. [Åqvist 1965; 1971; 1972], а также [Хинтиikka 1974; Hintikka 1978; Хинтиikka 1980]. Эпистемический компонент, предложенный и разработанный Я. Хинтиикой (ср. также подробный семантический анализ предиката *знать* в этом контексте в [Падучева 1985, с. 242-244]), описывает то состояние, к которому стремится спрашивающий, задавая вопрос. Оператор побуждения призван отразить в формуле специфику вопроса как речевого акта, он интерпретируется как 'Сделай так, чтобы...' ('Bring it about, that...').

Замечание. Такой взгляд на семантику вопроса не раз подвергался критике, в особенности в работах Н. Д. Белнапа (см., например, [Belnap 1972; 1988]). Так, в качестве одного из аргументов против подхода Л. Оквиста выдвигается соображение о том, что спрашивающему не безразлично, каким образом он узнает то, что хочет узнать - речь должна идти именно о вербальном ответе, а не вообще о каком-то произвольном способе получить интересующую информацию. В этой связи Н. Д. Белнап предлагает свой оператор вопроса - он называет его "лингвистическим побуждением" (linguistic request), в отличие от "эпистемического побуждения" Оквиста-Хинтиики. Основным для Н. Д. Белнапа является не предикат *знать*, а предикат *сообщать* (tell): 'Либо скажи

me that S, or tell me that not-S)'. Вместе с тем, Н. Д. Белнап признает, что подход Оквиста-Хинтикки пролил существенный свет на проблематику вопроса [Belnap 1988, p. 270], хотя, с другой стороны, традиция описания косвенных вопросов, скорее, опирается на подход Н. Д. Белнапа.

Задача, которую мы решаем в настоящей работе, стоит несколько в стороне от дискуссии об интерпретации оператора вопроса. По ряду причин мы выбрали то представление, которое ближе к подходу Оквиста-Хинтикки. Заметим, впрочем, что для целей нашего исследования это не имеет большого значения.

2. Во вторых, в логико-семантическом представлении вопроса обязательно имеется так называемая **вопросительная** или **эротетическая** переменная - переменная, связанная самим оператором вопроса и выражающая неизвестное спрашивающему, т. е. то, о чем задается вопрос (ср. термин *queriable* в [Белнап, Стил 1976]). В самом общем виде логико-семантическая структура, например, вопроса *Где родился Чайковский?* выглядит как $'?X \langle \{X \mid X \in M\} (Чайковский \text{ родился в } X) \rangle'$, где "?" - оператор вопроса, X - вопросительная переменная, M - множество ее значений.

Попытку ввести аналог связанной семантической переменной в представление вопроса можно усмотреть уже в некоторых работах, начала 70-х гг., написанных в рамках модифицированной трансформационной теории [Baker 1970; Malone 1967]. Действительно, как известно, стандартное трансформационное представление вопроса [Chomsky 1957; Lees 1960; Klima 1964] с единственным символом *wh*, обеспечивающим трансформацию вопросов, было заменено модифицированным представлением, предложенным Дж. Катцем и П. Посталом [Katz, Postal 1964], с использованием двух символов: Q - как маркера вопроса в

целом, и *wh* - как маркера элемента в сфере действия *Q*. Это, однако, привело к дополнительным сложностям в описании синтаксиса (см. [Langacker 1974]). Поэтому, с одной стороны, были предприняты попытки упразднить символ *Q* (ср. [Jackendoff 1968; Bresnan 1970]), а с другой стороны, упразднить символ *wh* с помощью введения особого "индекса" *i*, маркирующего непосредственную составляющую, входящую в сферу действия *Q*. Это последнее решение (предложенное в работе [Baker 1970]) и можно считать своего упрощенным аналогом логического представления вопроса с вопросительным оператором и вопросительной переменной. См. специальный обзор С. Малоуна, посвященный этой проблематике - [Malone 1978].

Впоследствии, в работах, написанных в рамках теории "Government and Binding", появляется и понятие переменной как таковое, заимствованное из логики [Chomsky 1977; May 1977b; Aoun 1986].

По-видимому, роль переменной на уровне "логической формы" (Logical Form) в GB в принципе та же, что роль вопросительной переменной в логико-семантической структуре, принимаемой в настоящей работе: переменная кодирует класс элементов, объединяемых определенными свойствами, и связана оператором вопроса (вопросительным элементом *wh*). Однако в GB переменная - это "пучок" синтаксических и референциальных свойств, так или иначе определяющих поверхностную структуру вопроса. Для нас же важнейшими являются семантические характеристики ответа, и поэтому вопросительная переменная оказывается "пучком" ~~семантических~~ свойств, причем они, как будет показано в дальнейшем, в большой степени определяются семантикой предиката - синтаксического хозяина переменной. К слову сказать, работы направления GB как раз хороший пример исследований, ориентированных на правильно построенный вопрос, а не ответ или вопросо-ответную пару.

§ 4. Место вопросительной переменной в логико-семантической структуре вопроса

Дальнейшие исследования логической формулы вопроса в той их части, которая касается вопросительной переменной, обычно сводятся к изучению M - области значений переменных, типов денотативной соотнесенности, способов номинации, типов семантической структуры имен, заполняющих место X . Без внимания остается другая проблема - место X в структуре предиката P . Между тем, само выражение $P(X)$ заставляет искать связь вопросительной переменной с семантической структурой P и переменными в этой структуре - с лингвистической точки зрения, X в выражении $P(X)$ может быть проинтерпретирован только как одна из **семантических переменных** предиката P .

Отступление. О некоторых исходных понятиях

Последующее изложение невозможно без того, чтобы не остановиться на способе описания языковых единиц, принимаемом в настоящей работе. В целом наше представление о языковой модели опирается на концепцию, выработанную в Московской семантической школе (модель "Смысл \Leftrightarrow Текст", см. прежде всего работы [Мельчук 1974; Апресян 1974а]). Это многоуровневая модель представления языка. Она ориентирована преимущественно на синтез поверхностной структуры предложения (фонологический и/или орфографический уровни) из семантического представления этого предложения. В процессе синтеза используются также промежуточные уровни - глубинно-синтаксический, поверхностно-синтаксический, морфологический. На семантическом уровне есть только **семи** (ср. семантические примитивы А. Вежицкой [Wierzbicka 1972]), связанные простейшими семантическими отноше-

ями из крайне ограниченного набора. С помощью толково-комбинаторного словаря, составляющего необходимый компонент системы (ср. [ТКС 1974]), при переходе к глубинно-синтаксическому уровню из сем "собираются" лексемы, на поверхностно-синтаксическом уровне между ними устанавливаются синтаксические отношения, на морфологическом - выбираются правильно построенные словоформы, и т. д.

В рамках модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" разработан ряд важнейших теоретических понятий, удобных для описания лексикографических и семантических феноменов. Это прежде всего **семантическая валентность** и соответствующий ей **семантический актант** предиката [Мельчук 1974, с. 134 и след.], **лексическая функция** [Мельчук 1974, с. 78 и след.] и некоторые другие. Вместе с тем, для оптимального решения нашей задачи и представления данных из той области, которая нас в данный момент интересует, нам будут необходимы некоторые незначительные модификации. Речь идет прежде всего об уточнении характеристик того уровня представления предложения, на который мы будем опираться при построении вопроса. На этом уровне отдельные семы уже "собраны" в единицы, соответствующие лексемам конкретного языка, но информация о семантической структуре этих лексем доступна - как если бы вместо лексем выступали их семантические разложения. Все предикатные лексемы имеют набор семантических валентностей. Эти валентности заполняются лексемами или переменными (последние, в свою очередь, на соответствующем этапе замещаются лексемами). Такие переменные мы будем называть **семантическими** (ср. статус переменных в структуре толкования лексемы). Среди таких переменных можно различать **обязательные** семантические переменные, или актанты, и **факультативные**, необязательные, так называемые сирконстанты. Понятие семантической переменной необходимо уже потому, что на нашем уровне представления стрелки, связывающие предикат с соответствующими сирконстантами, меняют свое направление (по сравнению с

семантическим уровнем представления, принятым в модели "Смысл <==> Текст") - сирконстанты становятся зависимыми по отношению к предикатам. Соответственно, различаются также обязательные и необязательные семантические валентности предиката. Такой уровень представления, по-видимому, наиболее близок к глубинно-синтаксическому уровню Модели или к информационно-логическому языку, предлагаемому в работах Е. В. Падучевой, см. прежде всего [Падучева 1974]. (Ср. семантический граф с выделенными в нем подграфами лексем и сирконстантами, подчиненными предикатам, или глубинно-синтаксическую структуру предиката, у которой в вершине вместо имени лексемы - ее полное семантическое описание.)

Очевидно, что семантическая переменная в структуре Р должна быть семантически "согласована" с областью допустимых значений X-а (M): если задается вопрос о времени - значит, вопросительная переменная должна пробегать по множеству моментов (или периодов) времени, если о причине - по множеству причин, и т. д. Отсюда следует, что, в простейшем случае, частный (специальный) вопрос должен, согласно формуле $?X \langle \{X \mid X \in M \mid P(X) \rangle$, строиться следующим образом.

Пусть нам нужно, например, построить вопрос о местонахождении. Тогда мы должны выбрать такой предикат Р, в число семантических валентностей которого входит валентность, имеющая значение 'место'. Если такой валентности нет, вопрос невозможен, ср. *Где веришь?, *Где винишь?, *Где полагаешь?, *Где хочется? и др. Если такая валентность есть, она выбирается как единственно возможный кандидат для заполнения вопросительной переменной. В точности по этой модели построен вопрос *Где родился Чайковский?* У предиката *родиться* один из аргументов имеет значение 'место <рождения>'. В местном вопросе он замещается вопросительной переменной. Множество

ответов на этот вопрос составляют все возможные способы заполнения данной валентности предиката *родиться*.

Между тем, есть случаи, для которых такая модель построения правильных вопросов и, соответственно, множества правильных ответов, была бы неправомерно упрощенной. Например, может оказаться, что таких местных семантических валентностей у предиката *Р* больше одной, ср.:

(1) - *Где он написал это четверостишие?*

(а) - *В Михайловском.*

(б) - *В зеленой тетради.*

Вообще говоря, каждая из них в этом случае может претендовать на то, что именно она будет заполнена вопросительной переменной; таким образом, расширяется и множество возможных ответов.

Другая сложность заключается в правилах согласования области допустимых значений *X*-а и области значений переменной в семантической структуре предиката *Р*. Так например, при построении вопросов со словом *где*, оператором вопроса может связываться далеко не всякая семантическая переменная со значением 'место', ввиду того, что все множество семантических переменных с этим значением, так сказать, распределено между разными вопросительными словами - *где, куда, откуда, в чем, на чем* и т. д. Ср.: *Где пьют чай?* (- *В гостиной*), но *Из чего пьют чай?* (- *Из чашек*); *Где маринуют грибы?* (- *В цехе №3*), но *В чем маринуют грибы?* (- *В стеклянной посуде; - В специально приготовленном растворе*) ; *где прошел?* , но *откуда прошел?* , *куда прошел?* - в каждом из типов местных вопросов вопросительная переменная соответствует разным семантическим переменным (подробнее см. Главу III). Необходимо тщательное исследование семантики предиката *Р*, с одной стороны, и сопоставительное исследование семантики вопросительных слов - с другой, чтобы понять механизм, управляющий образованием вопросительных переменных.

В этом отношении специфическую трудность представляет, например, описание семантики вопросов с вопросительным словом *сколько*, которое меняет свои семантические характеристики в зависимости от семантики предиката Р (в том числе от его видо-временных характеристик). Так, *Сколько спит слон?* - вопрос о продолжительности сна, т.е. о времени(12), *Сколько съедает слон?* - вопрос о количестве потребляемой пищи, тогда как *Сколько ест слон?* может иметь двойное понимание - 'Как долго ест?' и 'Какое количество пищи ест?'

Описывая частный вопрос формулой $?X < \{X : X (\text{M} \text{ } P(X) >$, логики, по-видимому, не имели в виду лингвистической интерпретации этой формулы, согласно которой переменная X должна заполнять семантические валентности в структуре предиката Р. Исследования семантики частного вопроса показывают, однако, что здесь лингвистический и логический его анализ удачным образом совпадают - действительно, преимущественным правом превращения в вопросительную переменную пользуются именно семантические переменные, заполняющие валентности предиката Р, - и в первую очередь, обязательные, т.е. актаны Р (ср. Главы II, III настоящей работы). Факультативные, необязательные валентности Р, имеющие соответствующие семантические характеристики, также могут заполняться вопросительной переменной. Ср.:

(12) В русском языке вопрос с *когда?* - это вопрос либо о времени начала или конца действия, либо о времени наступления события Р (это последнее рассматривается как некоторая точка на временной оси). Вопрос о продолжительности события или процесса задается с помощью других вопросительных слов или конструкций (*Как долго?*, *В течение какого времени?*), наиболее употребительным среди которых является слово *сколько*.

(2) - Где это играют?

- Напротив. Там музыканты живут.

Это значит, что по крайней мере для решения задач, связанных с описанием семантики частных вопросов, информация о возможных, но не обязательных участниках ситуации должна содержаться в описании соответствующего предиката. На первый взгляд, это утверждение противоречит сложившимся лексикографическим традициям, согласно которым при лексеме указываются только обязательные актаны и способы их выражения (ср., например, [Апресян 1974а]). Может показаться, что слишком большое число сирконстантов утяжелит словарную статью. Однако более детальные исследования проблемы актантов/сирконстантов показывают, что это противопоставление не может быть сколько-нибудь строго определено, и случаи, когда сирконстанты разделяют свойства актантов, не так уж редки. Так, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что сочетаемость предиката с сирконстантами не может быть достоверно описана какими-то общими правилами - она очень часто зависит от семантики конкретной предикатной лексемы [Плунгян, Рахилина 1990].

Конечно, информация о допустимости/недопустимости той или иной факультативной валентности предиката часто (хотя и не всегда) следует из других семантических характеристик предиката (ср. семантический признак стативности, запрещающий сирконстант локативной семантики - см. Главу III, §2), и в этом смысле описание, условно говоря, сирконстантов, технически несколько проще, чем актантов. Речь идет о том, чтобы выявить хотя бы те случаи, когда некоторая факультативная валентность невозможна для лексемы - без этого нельзя, в частности, описать запреты на построение соответствующих вопросительных предложений (ср. ниже, Глава III, § 2). Что же касается теоретической стороны дела, то полнота и адекватность описания требуют, чтобы информация о факультативных участниках си-

туации учитывалась в толковании, т.е. стала лексикографически обязательной(13).

Обязательные и факультативные валентности предиката составляют большую часть "мест", которые может занимать вопросительная переменная в семантическом представлении вопроса. Это объясняется тем, что частные вопросы - это, в основном, вопросы к глаголу; иными словами, в сферу действия большинства вопросительных слов попадают предикатные лексемы (ср. вопросы с *где, куда, когда, зачем* и др.). Даже если сферу действия вопросительного слова составляет именная группа (как в случае вопроса со словом *какой*), ответ на вопрос - при условии, что ее вершиной является отпредикатное имя, имеющее незаполненные валентности - получается заполнением одной из этих валентностей (см. [Крейдлин, Рахилина 1983а, 1984а], а также Главу II настоящей работы).

С другой стороны, лексема в сфере действия вопросительного слова может быть и непредикатна - в частности, такие примеры легко найти среди вопросов с *какой*, ср.: *Какие созвездия принято считать созвездиями Южного полушария?* У именной группы *созвездия* нет валентностей, а значит, в логико-семантической структуре вопроса к

(13) Как показывает исследование *где*-вопроса, в число таких переменных - факультативных по своей роли в ситуации, но обязательных по отношению к лексикографическому описанию - могут попадать не только факультативные переменные предиката Р, но и посесоры актанта Р, то есть даже такие переменные, которые не связаны с Р непосредственно каким-либо валентностным отношением (ср. Главу III, § 3). Заметим, что лексикографическая информация о посесорах актанта необходима и для описания других языковых явлений, например, конструкций с дательным посессивным (см. [Wierzbicka 1979; Рахилина 1982; Лаурский 1988]).

этой лексеме нет такого узла, который можно было бы трактовать как вопросительную переменную. Очевидно, что выражение $P(X)$ в формуле вопроса $?X < \{X \mid X \in M\} P(X) >$ должно здесь пониматься иначе. Наше решение состоит в том, что оператор вопроса может связывать не только переменные в глубинно-синтаксической структуре, но и - шире - переменные вообще в семантической структуре лексемы, например, в особых зонах лексикографического описания (энциклопедической, лексических функций и т. д.). Таким образом, при построении логико-семантического представления мы пользуемся не только информацией о глубинно-синтаксической структуре лексемы и содержащего ее предложения ср. выше Отступление), но и толкованием этой лексемы. Это и свидетельствует, что мы используем уровень, более близкий к семантическому, чем к глубинно-синтаксическому: интересующая нас лексема, которая попадает в сферу действия вопросительного слова, должна быть представлена таким образом, чтобы вся (или почти вся) касающаяся ее семантическая информация отражалась в исходной глубинной структуре вопроса.

Типы семантической информации, характеризующие P , которые необходимы при описании вопросов со словом *какой*, т. е. те фрагменты семантического представления лексемы, попадающей в сферу действия слова *какой*, которые могут в таких случаях связываться оператором вопроса, подробно анализируются в Главе II.

Итак, построение правил, порождающих правильные вопросо-ответные пары с частным вопросом, предполагает:

- 1) исследование семантики лексем, которые могут попадать в сферу действия вопросительного слова;
- 2) выявление всех семантических валентностей, которые по своим (семантическим) характеристикам могли бы претендовать на заполнение вопросительной переменной в контексте данного вопроса;

3) проверка каждой валентности на возможность ее заполнения вопросительной переменной, исследование условий такого заполнения;

4) выявление других фрагментов семантической структуры лексемы, входящей в сферу действия вопросительного слова, которым может соответствовать вопросительная переменная.

Опыт применения такого подхода к задачам построения правильных ответов на частные вопросы предлагается в Главе II и Главе III настоящей работы, где исследуется место вопросительной переменной в семантической структуре вопросов с *какой* и *где*.

Отдельную проблему составляет исследование процедуры замены вопросительной переменной на конкретное языковое выражение для каждого типа частных вопросов. Некоторым теоретическим аспектам этой проблемы посвящен следующий параграф настоящей главы.

§ 5. Процедура замещения вопросительной переменной конкретным языковым выражением

Условие $\{X \mid X \in M\}$ в формуле частного вопроса $?X \langle \{X \mid X \in M\} P(X)$ отражает тот факт, что множество значений вопросительной переменной ограничено: $X \in M$. Это связано с тем, что ограничено число правильных ответов на данный вопрос (множество альтернатив) - множество M описывает те значения переменной X (некоторой определенной семантической переменной в структуре P), при подстановке которых на место X порождается все множество альтернатив.

В литературе, посвященной логико-семантическому анализу вопроса, имеется несколько терминов, описывающих M : **множество выбора** [Белнап, Стил 1976], **предметная область вопроса** [Падучева 1985], **множество значений связанной оператором вопроса переменной** [Хинтика 1974]. Возникает, однако, необходимость различать, с одной

стороны, множество значений переменной - то есть множество соответствующих внеязыковых объектов, и, с другой стороны, множество способов выражения значения X - множество смыслов (ср. противопоставление понятий *смысл* и *значение* (денотат) в работах Г. Фреге). Термин "предметная область вопроса" мы, вслед за Е. В. Падучевой, будем употреблять для описания первого множества - обозначим его D , а термин "множество выбора" мы оставим для описания второго множества - обозначим его V . При ответе на частный вопрос отвечающий последовательно производит два выбора: сначала - выбор объекта, а потом - выбор способа названия объекта. Так, отвечающий на вопрос *Где родился Чайковский?* сначала выбирает из множества населенных пунктов такой, в котором родился Чайковский, а потом выбирает способ описания этого населенного пункта(14). Обе эти процедуры выбора нетривиальны, на обоих этапах построения ответа на вопрос может быть совершена ошибка. Так, примеры Я Хинтикки:

?(1) - *Кто здесь является автором?*

- *Самый высокий - автор.*

[Хинтикка 1974]

и:

?(2) - *Кому принадлежит этот дом?*

- *Самому богатому человеку в городе.*

[Hintikka 1978]

(14) Очень сложна процедура выбора для вопросов со словом *какой*. Предметная область этого вопроса соотносится с множеством выбора не как множество денотативных значений языкового выражения и множество способов описания каждого из них, а как множество внеязыковых объектов и множество параметров, описывающих эти объекты (подробнее о множестве выбора для вопросов с *какой* см. Главу II настоящей работы).

демонстрируют ошибку при совершении второго выбора - выбора способа описания, т.е. выбора из V. Отвечающий не ошибся по существу - он указал именно то лицо, которое является автором (владельцем дома). Но способ описания он выбрал неудачный, так как спрашивающий не знает, кто самый высокий и кто самый богатый(15).

Пример Е. В. Падучевой:

?(3) - *Где мы находимся?* (спрашивают люди, летящие на воздушном шаре, человека на земле)

- *Вы находитесь на воздушном шаре*

- подтверждает возможность ошибки при выборе собственно значения переменной X. Семантический анализ вопроса произведен абсолютно правильно - правильно выделена семантическая переменная, которая связывается оператором вопроса. Однако внеязыковой объект выбран неудачно - нарушен принцип "не сообщай известного" (ср. так называемую максимум количества в [Grice 1975]) - очевидно, что отвечающий знает, что спрашивающий знает, что он находится на воздушном шаре. Ошибка в степени подробности при ответе на вопросы о месте и времени - типичный пример неудачи при выборе значения X, т.е. выборе внеязыкового объекта (см., например, [Conrad 1986]). Ср. обратный пример, когда ответ недостаточно точен:

?(4) - *Когда ты за мной зайдешь?*

- *В этом году.*

Замечание. Какой бы громоздкой на первый взгляд ни казалась процедура порождения правильного ответа, содержащая две

(15) Для объяснения приведенных примеров Я Хинтика [1974] вводит специальное условие правильности ответа: b есть удовлетворительный ответ на вопрос *Кто есть x?* тогда и только тогда, когда спрашивающий может, получив ответ, сказать: *Я знаю, кто есть x.*

операции выбора из двух разных множеств, ее, на наш взгляд, невозможно сократить. Казалось бы, можно считать, что вопросы типа *Кто здесь Иванов?* относятся только к множеству D и, таким образом, процедура сокращается с двух выборов до одного - ср. разные вхождения лексемы *кто* в предложение *Кто есть кто?* (Такая точка зрения защищается в [Барулин 1980].) Однако это было бы упрощением реальной ситуации. Действительно, ответом на такой вопрос все равно должна быть некоторая дескрипция объекта, следовательно, необходим выбор из некоторого множества дескрипций, ср.:

(5) - *Кто здесь Иванов?*

- *Иванов - это Иван Иванович.*

или:

- *Вон тот мужчина в полосатом галстуке.*

Совершенно очевидно, что и при ответе на этот вопрос может быть допущена ошибка типа тех, которые анализируются Я. Хинтиккой (см. выше). Что же касается различия в множествах значений переменных для двух вхождений лексемы *кто* в вопрос *Кто есть кто?*, то здесь, как кажется, вся разница заключается в разной природе соответствующих множеств D - обычно для первого вхождения это множество людей, а для второго - множество их занятий, фамилий, должностей и т. д. (16).

Каждое из множеств D и V накладывает свои ограничения. Так, предметная область частного вопроса, прежде всего, всегда непуста. Существует по крайней мере один объект, обладающий нужным свойс-

(16) Подробнее о возможных способах интерпретации *кто*-вопросов см. упомянутую выше статью А. Н. Барулина; ср. также [Conrad 1986].

твом Р - так формулируется исходное предположение частного вопроса (см. [Kieffer 1977; Падучева 1981, с. 88])(17). Кроме того, поскольку ответ на вопрос предполагает процедуру **выбора** из предметной области, то очевидно, что множество D не может состоять только из одного объекта. Ср. недопустимость вопросов типа **Какой единственный X?* (см. [Крейдлин, Рахилина 1984а]).

Сам выбор из множества D может осуществляться двумя способами: во-первых, могут выбираться **все** объекты, обладающие свойством Р, - это полные, или исчерпывающие ответы; во-вторых, могут выбираться только некоторые из объектов - это так называемые *например*-ответы (см. [Хинтиikka 1974]; проблемы, связанные с разницей в представлении вопросов, нацеленных на полный и неполный ответы, обсуждаются в [Падучева 1985, с.235-236]).

Что же касается множества V, то здесь, пожалуй, единственным общим ограничением можно считать требование не называть при ответе одинаковые объекты разными именами, а разные - одинаковыми (18), ср. пример из [Белнап, Стил 1976]:

** (6) - Кто были обвинители Катилины?*

- Цицерон и Туллий.

В ответе имплицитно содержится указание на то, что выбранные объекты различны, тогда как в действительности речь идет об одном и том же лице.

(17) По поводу ответа *Никто* на вопросы типа *Кто решил задачу?* в [Падучева 1985, с.239] отмечается, что "признание их допустимыми равносильно признанию того, что в множество допустимых ответов входят и такие, которые нарушают исходное предположение вопроса".

(18) Это ограничение, впрочем, является следствием гораздо более общих языковых закономерностей.

В остальном выбор способов номинации при ответе управляется достаточно сложными прагматическими законами, пока не поддающимися формализации.

Замечание. Хотелось бы отметить, что область действия этих законов часто неоправданно расширяется; между тем, семантико-синтаксические ограничения во многих языках (в том числе и в русском) иногда настолько сильны, что однозначно определяют способ выражения значения.

Рассмотрим пример диалога из романа Энтони Поуэлла "В гостях у леди Молли" (Anthony Powell, "At Lady Molly's"), приводимый в работе [Hintikka 1977]:

"Everybody is interested in Lady Molly's new guest, but the narrator to his surprise recognizes him as one of his schoolmates.

- I know him.

- Who is he?

- He is called Kenneth Widmerpool. I was at school with him as a matter of fact. He is in the City.

- I know his name, of course, and that he is in the City. But what is he like?"

Здесь, как объясняет Я. Хинтиikka, происходит непонимание вопроса *Who is he?* Способ описания лиц, который предлагает отвечающий (в частности, имя, фамилия и профессия) оказывается неудовлетворительным с точки зрения спрашивающего. Таким образом неудача диалога сводится к его прагматическим аспектам - то, что существенно в мире спрашивающего, несущественно в мире говорящего.

Если бы, однако, этот роман был написан не по-английски, а по-русски, автору трудно было бы передать провал данного ре-

чевого акта, не изменив диалога. На русский вопрос: *Кто он?* нельзя ответить именем лица:

*(7) - *Кто он?*

- *Петр Иванович Иванов.*

В ответе на такой вопрос может быть указана только профессия или другая функциональная характеристика субъекта (ср. *наш сосед, отец Андрея*). Чтобы получить в ответе имя и фамилию лица, по-русски необходимо было бы спросить *Кто это?*, тогда как, чтобы получить в ответе описание личностных качеств субъекта, нужно спросить: *Что он за человек?* (- *Добрый; - Умный* и под.), вопрос о внешности субъекта имеет вид *Какой он?* (- *Блондин, высокий, худой...*), ср. [Степанов 1981, с.199].

Таким образом, с нашей точки зрения, прежде чем описывать прагматические ограничения на правильность диалога, необходимо детально исследовать семантические условия его правильности, имеющие более жесткий характер.

В заключение необходимо сделать два замечания.

1. Изложенный выше - в § 4 и § 5 - семантический подход к анализу вопросо-ответных пар с частными вопросами позволяет сформулировать некоторые существенные семантические требования, которым должен удовлетворять правильно построенный ответ на вопрос стандартной семантики (такого рода ответы в литературе обычно называются "прямыми" - *direct answers*; подробнее см. ниже).

Так как всякий вопрос на естественном языке, содержащий вопросительное слово, имеет в своей логико-семантической структуре некоторое (непустое) множество семантических переменных, способных связываться оператором вопроса, то ответом на него должно служить предложение, содержащее в своей семантической структуре некоторый

фрагмент, который может быть подставлен на место какой-то семантической переменной из этого множества.

Этот фрагмент семантического представления ответного предложения и есть, по-видимому, собственно ответ на заданный вопрос. Он будет совершенно правильным, приемлемым - прямым ответом (*direct answer*), если его значение совпадает с одним из элементов множества *D*, а смысл - с одним из элементов множества *V*.

Задача выбора оптимального ответа из множества правильных относится, по нашему мнению, к области прагматики и является этапом исследования правильных ответов (ср. [Крейдлин, Рахилина 1985]).

Как уже было сказано выше (см. § 4), в данной работе будет решаться только та часть проблемы построения правильных ответов, которая связана с поиском семантических переменных, способных становиться вопросительными переменными.

2. Проблема критериев правильного (прямого) ответа неоднократно обсуждалась в литературе. Однако в предлагавшихся ранее описаниях семантические критерии, как правило, вообще не учитывались. Существующие критерии основывались либо на синтаксической правильности, либо на условиях истинности вопроса, либо опирались на какие-то (пусть слабые) представления о прагматике диалога.

Так, в [Katz, Postal 1964] было предложено считать правильным ответом ответ, полученный операцией субституции или синонимичный ему (один из вариантов синтаксического подхода, ср. § 2). Эту точку зрения разделяет, по-видимому, большинство лингвистов; ср., например, ее обоснование для немецкого и русского языков у Р. Конрада [Conrad 1969; 1973; 1978] (19). Не вполне ясную позицию по этому вопросу занимает Я. Хинтика, который, хотя и критикует

(19) В работе [Conrad 1986], однако, эксплицитно отмечается недостаточность синтаксического подхода для анализа вопросов.

"подстановочное" определение Катца-Постала, но не как неприемлемое в принципе, а как не объясняющее некоторые запреты, связанные с нарушением множества выбора. В частности, Я. Хинтиikka отмечает, что определение Катца-Постала, из всех других имеющихся в литературе, обладает максимальной объяснительной силой [Hintikka 1978].

Критика концепций правильного (прямого) ответа, основанных на условиях истинности (20), содержится в статье [Grewendorf 1983]. Будучи сам приверженцем прагматического подхода к анализу вопросов, Г. Гревендорф в основном предъявляет к этим концепциям претензии, связанные с недооценкой прагматической стороны вопроса как речевого акта, в частности, роли и субъекта, оценивающего ответ как правильный. Между тем, "истинностная" концепция не решает главной проблемы - как получить такое логико-семантическое выражение, которое можно затем подвергнуть истинностной оценке в качестве претендующего на то, чтобы считаться прямым ответом.

Эта задача, по существу, остается нерешенной и при прагматическом подходе (см., например, [Grewendorf 1983], а также отчасти [Katz 1968]). Представляется, что необходимым условием успешной разработки прагматических понятий (таких как цель вопроса, план вопроса и др.) является создание удобного семантического аппарата описания вопросо-ответной пары. К аналогичным выводам приходит Ф. Кифер, ср.: "Прагматическое представление подразумевает наличие семантического. Адекватное семантическое представление вопросов и ответов есть предпосылка для удовлетворительного описания их прагматики" [Kiefer 1983, p. 6].

(20) См., например, [Aqvist 1975]: "Предложение S есть прямой ответ на мой вопрос Q, если из истинности S и из того факта, что я знаю, что S истинно, следует истинность эпистемического утверждения, содержащегося в формализованном представлении вопроса".

Г Л А В А II

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОПРОСОВ СО СЛОВОМ *КАКОЙ*

Вводные замечания.

Основной синтаксической структурой вопросительного предложения со словом *какой* является конструкция вида *Какой W P ?*, где *W* - именная группа, синтаксически подчиняющая себе слово *какой*, а *P* - предикат, служащий синтаксической вершиной предложения, и все его зависимые, кроме *W*.

Замечание. Другой тип предложений с вопросительным словом *какой* представлен структурой *Какой S Ø N?*, где *S* - именная группа с синтаксической функцией подлежащего, *Ø* - нулевая связка-сказуемое, *N* - имя с функцией предикативного члена. Например: *Какой она человек?* Ср. также:

- *Какой он?*

- *Он хорошо упитанный, крепкий мальчик и, если не ошибаюсь, похож на вас.*

Или:

- *Какие, по-вашему, шакалы?*

- Ну, такие, в форме змеи.

В двух последних примерах позиция предикативного члена в вопросе синтаксически не заполнена. В таких случаях возможна омонимия двух синтаксических структур - *Какой S Ø?* и *Какой W P?* при $P = \emptyset$. Так, фраза *Какая Маша?* может, вообще говоря, осмысляться двояко: 'Какова Маша из себя?' и 'О какой Маше идет речь?'.

В дальнейшем синтаксические структуры вида *Какой S Ø N?* рассматриваться не будут.

Синтаксически слово *какой* в структуре *Какой W P?* подчинено лексеме *W*; семантическое подчинение этих лексем, как и у большинства прилагательных, обратно синтаксическому: *W* составляет семантическую сферу действия вопросительного слова *какой*. Это означает, говоря неформально, что вопрос с *какой* ставится к *W*.

На языке эротетической логики сказанное может быть переформулировано в виде утверждения о том, что при ответе на данный вопрос происходит **выбор** (по некоторой, задаваемой вопросом, инструкции) элементов из множества описываемых лексемой *W* объектов. Так, в примере (1):

(1) <- Я - Воробьянинова сын. >

- Это какого же, предводителя?

- Его.

происходит выбор одного конкретного человека по фамилии Воробьянинов из множества людей, носящих ту же фамилию.

В принципе, самый простой способ выбрать объект из множества однородных объектов - это предъявить его. "Лингвистическое предъявление" осуществляется с помощью дейктических ответов, ср.: *Вам какую квартиру?* - *Эту (мне сюда, вон ту и под.)*. Однако механизм формирования таких ответов практически ничего не дает для моделирования вопросо-ответной пары с вопросом *Какой W P?* С языко-

вой точки зрения интересны другие ответы - те, которые описывают выбранный объект, выделяя наиболее существенные его характеристики. Одна из основных задач при изучении вопроса с *какой* - выявить, какие именно характеристики существенны для описания объекта. Очевидно, что на материале дейктических ответов эта задача решена быть не может. Поэтому вопросо-ответные пары с дейктическими ответами были исключены из рассмотрения. Наибольший интерес для нас представляют как раз те случаи, когда дейксис в ответе невозможен или затруднен. Это прежде всего вопросы к отпредикатным именам. С анализа таких вопросов мы и начнем исследование вопросо-ответных пар, содержащих вопросы со словом *какой*.

§ 1. Место вопросительной переменной в структуре вопроса к отпредикатному имени

Основная проблема при описании вопросов типа *Какой W P?*, где *W* - отпредикатное имя, - это определение места вопросительной переменной в семантической структуре вопросительного предложения, т.е. установление того фрагмента семантического представления лексемы, который может быть связан оператором вопроса. Современная лексикография имеет уже богатый опыт описания отпредикатных имен - они описываются, в принципе, так же, как соответствующие исходные предикаты: толкование отпредикатных имен содержит семантические переменные, с помощью которых кодируются участники описываемой именем ситуации - семантические актаны, и характеризует отношения между ними, которые должны иметь место для того, чтобы данная ситуация могла быть названа данным словом (ср. примеры описания таких лексем в [ТКС 1984]). Исследование вопросо-ответных пар с *какой* показывает, что наиболее предпочтительной является такая интерпрета-

ция вопросов, при которой именно семантические актаны отпредикатных имен оказываются связанными оператором вопроса.

Ср. следующие примеры:

(2) - *Какие раскопки на территории Москвы проводил этим летом Институт археологии?*

- *Раскопки Кремля.*

Здесь именная группа W (*раскопки <на территории Москвы>*) имеет незаполненную валентность со значением объекта ('что раскапывали'). Эта валентность заполняется вопросительной переменной в вопросе и конкретной лексемой - в ответе.

Точно так же, вопросо-ответная пара

(3) - *Какие соревнования пройдут в Москве в июле этого года?*

- *В июле в Москве будут проведены финальные соревнования участников VIII летней спартакиады народов СССР.*

иллюстрирует заполнение в ответе первой и второй валентностей имени соревнования именной группой участники VIII летней Спартакиады (1).

Таким образом, общая стратегия построения правильных вопросо-ответных пар, содержащих вопрос с какой к отпредикатному имени состоит в заполнении свободной семантической валентности имени. При этом заполняемые валентности могут, вообще говоря, с точки зрения семантико-синтаксического статуса, быть самыми разными. Так, в примере (2) - это валентность объекта (1-е комплетивное отношение в терминах модели "Смысл <==>Текст", ср. [Мельчук 1974, с.222]); в примере (3) - первая и вторая валентности (взаимная диатеза), ср. также:

(1) Здесь реализована взаимная диатеза слова *соревнование*: один синтаксический актант (*участники*) соответствует двум семантическим ('кто соревнуется' и 'с кем соревнуется'). О понятии взаимной диатезы см., например, [Падучева 1974, с.232-234; Иомдин 1980].

(4) - *Ну, как живете?... Новости какие?*

- *Новости?... Да ничего такого. Гляньте, лев поспорился с крокодилом.* (Заполняется валентность 'содержание новостей'; о валентности содержания см. [Апресян 1974а, с. 125]).

(5) - *Какой приговор?*

- *Поселение.* (Заполняется валентность 'содержание приговора').

(6) - *Вы через какую границу? Польскую? Финляндскую? Румынскую?* (Заполняется валентность косвенного объекта - 2-е комплетивное отношение, см. [Мельчук 1974]).

Несущественны и поверхностные ограничения на способ оформления семантической валентности отпредикатного имени. Так, в примере (7):

(7) - *Какие меры вы приняли, чтобы поймать этого убийцу?*

- *Меры вот какие. Взял я на кухне свечку...*

У предикатного имени *меры*, наряду с другими семантическими валентностями, есть валентность 'содержание <мер>' ('в чем состоят меры'); соответствующий актанта при поверхностном выражении никогда не бывает непосредственно связан с предикатом. Данная валентность выражается лишь синтаксически опосредованно, например, *меры по поддержанию порядка в городе, состоящие в том, что <повсюду> патрулируют отряды народной милиции.* Это синтаксическое ограничение, однако, не мешает тому, чтобы валентность содержания заполнялась вопросительной переменной в вопросах со словом *какой* - существенной для построения правильного ответа оказывается, как видим, семантическая, а не синтаксическая структура вопросительного предложения.

Сказанное, с некоторым огрублением, может быть передано с помощью следующей логико-семантической структуры вопроса со словом *какой* к отпредикатному имени W : $?X\langle X; W(X)\rangle P(W)$, где X - вопросительная переменная, заполняющая валентность отпредикатного имени W ,

а Р - предикатная группа в структуре *Какой W P?*(2).

Таким образом, согласно семантической модели описания вопросо-ответных пар, содержащих вопрос со словом *какой* к отпредикатному имени, правильность диалога может служить косвенным подтверждением наличия у данного имени некоторой семантической валентности (например, правильность диалога (7) - подтверждением наличия семантической валентности 'содержание <мер>' у слова 'меры').

Замечание. Небезынтересно, что в приведенных выше примерах ответы о качествах и свойствах X-а, то есть именно те ответы, которые следовало бы ожидать в соответствии с имеющимися словарными и грамматическими описаниями (см. [Грамматика 1980, стр. 386 и след.]; ср. также [Располов 1958]), как правило, абсолютно неприемлемы; ср. неправильные пары:

★(2а) - *Какие раскопки на территории Москвы проводил летом Институт археологии?*

- *Тщательные (длительные, интересные...)*

★(3а) - *Какие соревнования пройдут в Москве в июле?*

- *Ответственные (увлекательнейшие...)*

Показательна также дефектность предложений типа (8):

★(8) *О какой услуге, состоящей в том, чтобы быть свидетелем, попросил Александр дядюшку?*

Здесь у отглагольного имени *услуга* заполнены все семантические валентности ('кто оказывает услугу', 'кому', 'в чем состоит услуга'), поэтому вопрос оказывается семантически

(2) Формулы вопроса со словом *какой*, содержащиеся в §§ 1,2, мы приводим с некоторыми упрощениями, необходимыми на данном этапе изложения. Трудности, связанные с получением полного вида формулы, обсуждаются в § 3.

аномальным в таком контексте. Очевидно, что в рамках традиционного представления о семантике вопроса со словом *какой* запрет на такие конструкции не может быть объяснен: ведь возможность ответов типа *о величайшей, о мелкой, о невыполнимой* и под., т.е. "признаковых" ответов на вопрос о качестве, здесь остается, и тем не менее вопрос (8) и ему подобные поставить нельзя.

В принципе, отглагольное имя может иметь и больше одной незаполненной валентности, ср. пример (9):

(9) - *Сколько салютов было произведено в Москве за годы войны? Какие были первые?*

- *Впервые Москва салютовала нашим доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати артиллерийских орудий.*

В примере (9) дан абсолютно полный и исчерпывающий ответ на *какой*-вопрос, относящийся к отглагольному имени *салют* - заполнены все семантические валентности этого слова, ср. САЛЮТОВАТЬ ('кто', 'кому', 'за что', 'чем', 'из чего'). Такие исчерпывающие ответы достаточно редки; обычно, в случае если при отглагольном имени не заполнено сразу несколько семантических валентностей, отвечающий ограничивается заполнением одной-двух.

Преимуществом среди прочих пользуется валентность содержания (если она есть), а реже всего из ряда нескольких незаполненных валентностей выбирается валентность субъекта. Отсюда, тем не менее, не следует, что заполнение неприоритетной валентности субъекта не может быть ответом на вопрос с *какой*, ср. пример (10):

(10) - *<Где и> по какому проекту будет сооружен памятник А. В. Суворову?*

- *<Памятник А. В. Суворову сооружается на площади Коммуны у театра Советской Армии.> Авторы проекта памятника -*

скульптор О. Комов, архитектор В. А. Нестеров.

Здесь *проект* как отглагольное имя двухвалентно ('кто проектирует', 'что проектирует'). В вопросе уже заполнена вторая валентность (*памятник А. В. Суворову*), и в ответе заполняется оставшаяся незаполненной первая (*авторы проекта...*).

Это означает, что вопросы с *какой* устроены принципиально иначе, чем другие частные вопросы. В самом деле, в вопросах со словами *где, кто, когда* и др. вопросительные переменные жестко связаны с семантическими валентностями определенной семантики - в ответах на вопрос с *где* заполняется валентность места, на вопрос с *когда* - временная валентность и т. д. (3). Между тем, вопросы с *какой* отличается необычайная свобода выбора. Отвечающий на вопрос *Какой W P?* имеет возможность заполнить, вообще говоря, любую из валентностей *W*. Этим объясняются, в частности, случаи синонимии (или квазисинонимии) диалогов с *какой* и другими вопросительными словами, ср.:

(11) - *Какую экскурсию Вы заказываете?*

- *В Пятигорск. (Ср.: Куда Вы заказываете экскурсию?)*

(12) - *Ты получил письмо? Какое?*

(3) В принципе, как следует, в частности, из приведенного в настоящей работе (Глава III) анализа диалогов с *где*-вопросами, по-видимому, ни один из частных вопросов не ограничивает место вопросительной переменной заполнением одной-единственной семантической валентности. Оператор вопроса может связывать разные семантические переменные, но при этом - близкие по своей семантике. Это, действительно, валентности со значением времени для *когда*, места - для *где* и т. д. Вопросы с *какой* уникальны в том смысле, что они не накладывают никаких (в том числе - семантических) ограничений на валентности, заполняемые вопросительной переменной. Ср. ниже отступление "О вопросах со словом *как*".

- *От брата. (Ср.: Ты получил письмо? От кого?)*

Сказанное выше о принципиальной свободе выбора ответа на вопрос со словом *какой* не означает, разумеется, что в каждом конкретном случае интерпретация вопроса обязательно неоднозначна. Естественный язык, как известно, вообще избегает неоднозначности. Между тем, даже в ситуации реального диалога, а не вопросо-ответной пары, взятой вне контекста ее употребления, может оказаться, что для спрашивающего затруднителен или безразличен выбор параметра для идентификации объекта, и он формулирует свой вопрос так, что отвечающий имеет право построить свою реплику разными способами. Однако сам механизм выбора для отвечающего заранее предопределен - если вопрос задан к отпредикатному имени, имеющему незаполненные валентности, в ответе по крайней мере какие-то из них должны быть заполнены.

Отступление. О вопросах со словом как.

Представляется, что изложенный выше семантический подход к анализу вопросо-ответных пар может быть также полезен при исследовании вопросов со словом *как*. Обычно эти вопросы интерпретируются как вопросы о способе, образе действия. Причем, в отличие от вопросов с *какой*, где нет никакой специальной валентности (скажем, со значением существенной характеристики), предназначенной для заполнения вопросительной переменной, предикату может быть приписана специальная валентность образа действия, заполнение которой какими-то конкретными лексическими единицами, в принципе могло бы представлять собой ответ на вопросы со словом *как*.

Однако далеко не ясно, что представляет из себя, с семантичес-

кой точки зрения, идея способа действия(4), т.е. какие **существенные характеристики действия** должны или могут отражаться при заполнении этой валентности(5). Рассмотрим некоторые примеры:

(13) - Но как они узнали, что я здесь?

- Вероятно, кто-то за вами следил.

(14) <-Судебный пристав кладет куртку на стол.>

- Как она к вам попала?

- Я нашла ее на квартире у обвиняемого некоторое время спустя после его ареста.

(15) - Но если вы первый министр, то он ваш подчиненный. Как же он может быть вашим тираном?

- Он забрал такую силу, что мы все дрожим перед ним.

(16) - Как же это удалось ему?

- Он единственный из всех нас умеет путешествовать. Он умеет достать лошадей на почтовой станции, добыть карету, накормить нас. Правда, все это он делает плохо, но мы и вовсе ничего такого не можем.

(17) <-А Прохоров пьян?

- Пьян.>

- Как же вы это допустили?

- Да бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, - поехал туда для порядка, а воротился пьян.

(4) Характерно, что валентность способа действия обычно интерпретируется с помощью лексемы как 'то, как происходит действие'.

(5) Параллелизм с какой-вопросами здесь очевиден - сама задача аналогична той, которая была поставлена при исследовании вопросов с какой.

Во всех этих случаях в ответе на вопрос *Как Р?* указывается некоторое событие С, вследствие которого совершилось Р, то есть, фактически, причина Р, более точно - причина не самого действия Р, а причина его результата. Они узнали нечто (Р) **потому**, или в результате того, что кто-то следил (С) - ср. (13); куртка попала к ней **потому** (в результате того), что она ее нашла (14); **причина** того, что ему удалось забрать такую силу - в том, что он умеет путешествовать (16); неясно, как квартальный допустил, что Прохоров пьян - т.е. неизвестно ("бог его знает"), **почему** он не смог воспрепятствовать этому событию(б).

В случае, если действие (или процесс) не имеют результативного значения, вопросы с *как* могут осмысляться как вопросы о содержании, т.е. собственно говоря, о **составе** события или процесса, ср.:

(19) - *Как же у них празднуют свадьбу?* - спросил я штабс-капитана.

-<Да обыкновенно.> Сначала мулла прочитает им что-нибудь из Корана; потом дарят молодых и всех их родственников, ... потом начинается джигитовка.

Кроме того, в вопросах с *как*, так же как и в вопросах с *какой*, вопросительная переменная может заполнять свободные семантические валентности предиката, ср.:

(б) Интересно, что причина еще неосуществившегося результата, т.е. такого, который мы ожидаем и планируем, осмыляется как средство достижения Р, ср.

(13а) - *Как он узнает, что я здесь?*

- Он будет следить за вами.

(18) - *А как избавиться от сказки с печальным концом?*

- Не надо разговаривать с людьми, которых Вы недостаточно знаете.

- (20) - *Как тебя зовут, душа моя?*
 - *Акулиной,* - *отвечала Лиза* (Не заполнена вторая валентность при глаголе *звать*).
- (21) - *А как она была одета?*
 - *Она была в белом с головы до ног. Большая белая муфта была у нее в руках. Огромный бриллиант сверкал у нее на груди.* (Не заполнена вторая валентность при глаголе *быть одетым*: 'во что одета'.)
- (22) - *Как пойдём?*
 - *Через лес.* [Не заполнена валентность траектории при глаголе *пойти*(7).]
- (23) - *Как вы относитесь к цыпленку?*
 - *Любимое блюдо, государь.* (Не заполнена валентность содержания при глаголе *относиться*.)

Безусловно, связь между вопросительной переменной и семантическими переменными в структуре предиката Р в вопросах *Как Р?* требует специального исследования, которое не может быть осуществлено в рамках данной работы - вопросы с *как* всегда считались одними из наиболее трудных для анализа. Мы обратились здесь к проблеме описания вопроса со словом *как* лишь для того, чтобы подчеркнуть возможность применения здесь принципа описания, подобного тому, которым мы пользовались для вопроса с *какой*. Эта возможность, по нашему убеждению, существует благодаря глубокому внутреннему сходству структур *какой*- и *как*-вопросов. И в том, и в другом случае от отвечающего требуется выбрать наиболее существенные характеристики - объекта или ситуации, причем семантическое содержание этих характе-

(7) О валентности траектории при глаголах движения см. Главу III, § 4 данной работы; ср. также валентность маршрута в [Апресян 1974а, с. 126] и параметр *path* в [Talmy 1975].

ристик, вообще говоря, в разных случаях разное. Отсюда ясно, что не следует искать какого-то единого семантического описания (типа способа действия). Точно так же, как идея свойства-признака для вопросов с *какой*, идея способа действия для вопросов с *как* при ближайшем рассмотрении утрачивает свое единство.

§ 2. Место вопросительной переменной в структуре вопроса к предметному имени

Перейдем теперь к разбору более трудных случаев, когда имя *W* в структуре *Какой W P?* не является отпредикатным. Анализ такого рода вопросо-ответных пар показывает, что для решения поставленной нами задачи - установить фрагменты семантического представления лексемы, которые могут замещаться вопросительной переменной - необходимо располагать не только **схемой** толкования, но и полным лексикографическим описанием лексемы. Причем наиболее важны, на наш взгляд, следующие три зоны словарной статьи:

- 1) зона обязательной синтактики,
- 2) зона лексических функций,
- 3) зона энциклопедической информации.

(Об организации словарной статьи подробнее см. [Апресян 1974а; Мельчук 1974; ТКС 1984]).

Ниже мы последовательно рассмотрим, какую роль играет лексикографическая информация, помещаемая в каждой из этих зон словарной статьи, при построении правильных ответов на вопросы с *какой*.

I. Зона обязательной синтактики

В языке выделяется большая группа существительных, объединяющая названия предметов и лиц, которые характеризуются одним общим свойством - иметь индивидуальное имя (название), ср. *кафе "Аромат"*, *писатель Бальзак*, *город Тула*. Таковы, например, названия географических объектов, названия предприятий, учреждений и некоторые другие лексико-семантические классы существительных (ср. [Арутюнова 1977, с.191-193; ср. также Арутюнова 1979, с.329]). Если лексема *W* принадлежит к этой группе существительных, то предпочтительным, а в большинстве случаев и единственно возможным ответом на вопрос *Какой W P?* является указание соответствующего имени (названия): ср. следующие примеры:

- (1) - *Какой писатель нынче в моде?*
- *Все d' Arlincourt и Ламаргин.*
- (2) - *Какой это город?*
- *Ну, Ялта.*
- (3) - *<Садитесь.> Какую картину видали?*
- *"Человек из ресторана". Немое кино.*
- (4) - *<В ресторан?>*
- *В какой?*
- *Что-нибудь экзотическое. "Рыбод" или "Охотничья солянка".*

Это свойство - иметь имя или название, - как представляется, должно быть так или иначе отражено в виде особого рода семантической информации, приписываемой лексеме *W* в словаре.

Вообще говоря, сам по себе вопрос о том, где именно в словарной статье лексемы может содержаться подобная информация, для описания вопросов с *какой* принципиального значения не имеет. Тем не менее, обсуждение этой проблемы представляет интерес с точки зрения

теории и практики лексикографии. Удобным способом описания может быть, например, такой, при котором информация об имени (названии) объекта окажется частью обязательной синтактики данной лексемы, т.е. информации о ее нетривиальной сочетаемости(8). Сведения об обязательной синтактике включаются в особую зону словарной статьи. Так, к обязательной синтактике числительных *пятьсот*, *триста* и др. относится информация о том, что с помощью соответствующих чисел могут в русском языке описываться все числа ближайшей сотни; то же для числительных, обозначающих десятки, сотни. Другой пример - лексемы имен, отчеств и фамилий. Вообще говоря, они описываются отдельно друг от друга. Но информация о том, что эти языковые знаки образуют сложные идиоматические сочетания - например, *фамилия-имя-отчество* или *имя-отчество* - есть тоже часть обязательной синтактики соответствующих лексем.

Замечание.

Другим вариантом описания указанных свойств может быть приписывание соответствующей лексеме особой **валентности на имя** (это решение принимается, например, в ряде работ, посвященных моделированию синтаксиса языка геометрии, ср. [Падучева 1974, с. 52; ср. также Корельская 1975]). Заметим, однако, что его принятие требует существенных уточнений семантического аппарата в плане противопоставления предикатных и непредикатных лексем - ведь общепринятым является как раз такое представление, при котором основным (и, по-видимому, единственным) различием между предикатными и непредикатными лексемами является наличие у пер-

(8) Мы опираемся здесь на то понимание этого термина, которое было предложено в ряде работ А. Н. Барулина; см., например, [Барулин 1985].

вых и отсутствие у вторых семантических валентностей. Вообще говоря, от этого догмата можно было бы отказаться, но всякий сделавший это принимает на себя весомые теоретические обязательства.

Впрочем, более подробное обсуждение увело бы нас слишком далеко от вопроса-ответной проблематики; см. подробнее [Рахилина 1991].

Если принять, что информация об имени (названии) объекта записывается в зоне обязательной синтактики, то неперменной процедурой при построении ответа на *какой*-вопрос должна быть для каждой лексемы проверка, есть ли в этой зоне информация о способности объекта иметь имя и, если есть, то фиксировано ли значение соответствующей семантической переменной(9). В случае, если переменная имени (названия) не заполнена, она может замещаться вопросительной переменной в структуре вопросов с *какой*.

Таким образом, формально-логическое представление этого типа вопросов со словом *какой* можно записать в следующем виде:

$?X \langle \{X; X \in \text{Nom}(W)\} P(W) \rangle$, где $\text{Nom}(W)$ - множество значений переменной в зоне обязательной синтактики лексемы W .

Для некоторых лексем функциональную роль имен или названий могут играть номера - количественные или порядковые числительные, ср. *первый этаж, дом восемь дробь один, 1941 год, глава вторая* и под. Номер, как и имя, служит средством индивидуализации объектов из некоторого множества, однако принципы присвоения имени и номера, как известно, различны. Номера приобретают статус настоящих имен только в пределах некоторого конечного упорядоченного множества (этажей

(9) В семантическом представлении лексемы этой переменной должен, видимо, соответствовать особый узел.

данного дома, параграфов данного текста и т. п.). Между тем, далеко не все эти множества однородных объектов упорядочены, как, например, упорядочены дома на улице, где каждый дом имеет свой номер, или как строчки в печатном тексте. Так, неупорядочены множество деревьев в лесу, множество стен в комнате и пр. Информация о том, **структурировано** ли множество объектов с именем W , должна быть зафиксирована в словаре для данной лексемы W . Нам нужно знать, что этажи упорядочены, и что это упорядочение происходит, как правило, с помощью порядковых числительных, что дома могут иметь составные номера вида $2/3$ (два дробь три) и т. д. (10). Поэтому номер, как и имя (название), можно считать одним из вариантов заполнения зоны обязательной синтактики при определенных лексемах. Это подтверждается, помимо прочего, теми вопросо-ответными парами с какой, где ответами служат номера:

(5) - *Какой роты?*

- *Третьей, ваше благородие, свои.*

(6) - *Каким отделением выдан паспорт? - спросил кот, всматриваясь в страницу.*

- *Четыреста восемнадцатым, - сам себе сказал кот, водя лапой по паспорту, который он почему-то держал кверху ногами.*

Замечание. Так сказать, счетная упорядоченность объектов есть, конечно, только частный случай упорядоченности, хотя, видимо, наиболее распространенный и показательный. Другой тип относительной упорядоченности - пространственный, ср. *верхний*.

(10) Сложность представляет также установление порядка счета внутри множества: этажи считаются снизу вверх, вагоны поезда - от паровоза и т. д.; см. об этом, в частности, [Устинова 1988].

нижний, правый - левый. Так же, как и в случае количественной упорядоченности, есть объекты, которые, в силу своего внутреннего устройства, входят в некоторое пространственно упорядоченное множество - например, парные части тела (ноги, глаза, уши и т. п.), полки в книжном шкафу (верхняя - нижняя) и т. п. (11). Для соответствующих лексем информация о вхождении денотатов в такого рода множество должна включаться в зоны обязательной синтактики. Ответы на вопросы, построенные с учетом этой информации, легко допустимы, ср.:

- (7) - *У Буланки ноги-то отнялись.*
 - *Какие?*
 - *Задние; стало быть: сидит.*

II. Зона лексических функций

Другой тип ответов на вопросы со словом *какой* представлен в следующих примерах:

- (8) - *Какие небесные тела вращаются вокруг Солнца?*
 - *Вокруг Солнца вращаются планеты и их спутники.*
- (9) - *Какие товары портятся при перевозке?*
 - *При перевозках могут портиться некоторые пищевые продукты, хрупкие изделия из стекла, фарфора, продукция предприятий электронного машиностроения и некоторые другие виды товаров.*
- (10) *В самом деле, к каким наукам может быть отнесено содержание этих курсов? К гуманитарным? Нет... К естественным?*

(11) Подробнее о прилагательных в такого рода сочетаниях см. также [Вольф 1978, с. 98; Крылов 1985].

Тоже нет...

Возможность таких ответов обусловлена тем, что у некоторых объектов имеются виды (разновидности, сорта, роды). Ввиду постоянного, раз и навсегда закрепленного за соответствующими лексемами характера этой информации, ее, видимо, также следует хранить в словаре при этом имени; например, ее можно представить как лексическую функцию *Spec*, обратную лексической функции *Gener* (о последней см. [Мельчук 1974, с. 84-85], а также [Апресян 1974a]). Сведения о закрепленных за данным объектом видах, породах, сортах, марках и т. п. оказываются необходимыми для синтеза вопросо-ответных текстов с *какой*: значение соответствующей лексической функции может служить ответом на вопрос с этим вопросительным словом (см. примеры (8) - (10)). Соответственно, формально-логическое представление этого вида вопросов будет следующим: $?X \langle \{X \mid X \in \text{Spec}(W)\} P(W) \rangle$.

Замечание. Есть случаи, когда, по крайней мере на первый взгляд, неясно, какой именно фрагмент семантического представления лексемы замещается вопросительной переменной - значение лексической функции вида или переменная имени (названия) в зоне обязательной синтактики:

(11) - *Какая у него машина?*

- *"Волга"*.

(12) - *Какая малина подвергается промышленной переработке?*

- *"Усанка", "Новость Кузьмина", "Мальборо"*.

Представляется, однако, что это вопрос, который должен решаться не в рамках модели вопросо-ответного соответствия, а - шире, как один из многочисленных вопросов (на наш взгляд - технических) представления лексикографической информации. Будет ли информация о названии марки машины дублироваться ("Волга" - и значение функции вида/марки, и название для машины) или окажет-

ся удобным другое решение - в зависимости от этого должен будет в таких случаях решаться вопрос о месте вопросительной переменной. Существенно, что информация о видах и разновидностях далеко не всегда совпадает с именами (названиями) объектов(12). Есть случаи, когда различие между именем объекта и именем вида лежит на поверхности, ср. вид небесного тела - планета, имя - Земля; вид (жанр) художественного произведения - роман, имя (название) - "Мастер и Маргарита".

Точно так же, как существуют имена, при которых в словарь должна быть обязательно записана информация об их естественных подклассах, существуют и семантические типы имен, не способные вступать в родо-видовые отношения ([Гинабург, Крейдлин 1982, с. 24-31]). К последним относятся, в частности, слова оценочной семантики. Так, с одной стороны, нет видов хамов, лоботрясов, свинств, и, с другой стороны, оценочные имена сами не могут быть видовыми: сочетание злой волк или плохой фильм не обозначают ни отдельный вид волка, ни отдельный вид фильма.

Использование оценочных имен в функции видообразующих приводит к нарушению прагматической связности диалогов, ср. такие примеры, как (13)-(14):

(13) - У меня сценарий.

- Какой?

- Хороший.

- Я спрашиваю, какой? Немой или звуковой?

(14) - Вы какой доктор?

- Хороший.

(12) Типичные случаи таких совпадений указаны, например, в [Арутюнова 1980, с. 181].

- А точнее?
- Хирург(13).

III. Зона энциклопедической информации

Особый тип ответов на вопросы с какой представляют ответы, содержащие энциклопедическую информацию, связанную с данным именем. Эта информация может быть как общей для всех предметных имен (такова информация о размере, форме, цвете)(14), так и более частного характера, т.е. относиться к некоторому узкому лексико-семантическому подклассу (такова, например, информация о материале для артефактов, о характере для имен лиц; см. в этой связи [Вольф 1982]).
Ср.:

(15) - *Какую же мебель хотите вы в кабинет? - спросила она.*

- *Я бы желал орехового дерева с синей бархатной крышкой.*

Цвет, материал изготовления - естественные "энциклопедические" характеристики мебели, поэтому ответ воспринимается как совершенно удовлетворительный, даже если в вопросе и не оговаривается, как именно должна быть описана мебель, какие ее параметры должны быть сообщены. Интересен в этом отношении пример (16):

(16) - *Что это у тебя, бабуся, такое?*

- *Видите сами, ружье.*

- *Какое ружье?*

(13) Между тем, появление в ответе оценочного имени не в функции видообразующего в принципе возможно, ср. ниже разбор примера со словом *аппетит*. Подробнее об оценочных именах в диалоге см. [Крейдлин, Рахилина 1984а, с. 468; Вольф 1985, с. 186 и след.].

(14) Такого же типа информацию можно, вообще говоря, выделить и для отпредикатных имен, ср., например, информацию о времени осуществления действия.

- Кто его знает, какое? Если б оно было мое, то я, может быть, и знала бы, из чего оно сделано, но оно панское.

(Н. В. Гоголь)

Успешность данного диалога как речевого акта вызывает сомнения: спрашивающий никак не определил интересующее его множество параметров ружья, и отвечающему приходится самому искать это множество. Вероятнее всего, он не знает, что ружья бывают разных марок и разновидностей - естественный с точки зрения семантики слова *ружье* анализ данного вопроса для него, таким образом, невозможен. Однако заметим, что выбирая свой собственный, нетривиальный параметр, отвечающий следует общему языковому механизму - он не говорит, например, *Хорошее* или *Тяжелое*, он считает, что должен указать в ответе материал изготовления (*из чего оно сделано*), что, действительно, для многих артефактов является одной из наиболее существенных характеристик - ср. выше пример (15).

Логико-семантическое представление вопросов этого типа можно записать следующим образом: $?X \langle \{X: X \in U_j\} P(W) \rangle$, где U^i - энциклопедическая информация о лексеме W , U_j - множество значений соответствующей семантической переменной в этой зоне - например, семантической переменной цвета, переменной размера, переменной материала изготовления и т. д.

Дальнейший анализ вопросов со словом *какой*, обращенных к предметным именам, представляет значительные сложности, так как до сих пор неясны принципы лексикографического описания предметных имен, в частности, структура их толкования. Между тем, именно исследование структуры толкования, его составляющих дает возможность объяснить некоторые нетривиальные случаи соотношений между вопросом и ответом.

Анализ этой проблемы мы, однако, воспользовавшись уже применявшимся приемом, начнем с рассмотрения предикатного имени. В качестве примера возьмем лексему *аппетит*. Если принять, что это слово

трактуются как 'Способность и желание Y-а принимать пищу', то тогда ответы *отличный, превосходный, так себе* и под. на привычный вопрос врача *Какой у вас аппетит?* не выводятся из валентной структуры лексемы. Искомая семантическая переменная - та, которую связывает оператор вопроса и которая становится вопросительной - обнаруживается при более глубоком анализе входящих в его толкование семантических предикатов 'способность' и 'желание'. Будучи параметрическими, эти предикаты имеют валентность 'значение параметра' ([Апресян 1974а, с. 64]), ср. сочетание *умеренный аппетит*, где эта валентность реализована: *умеренный аппетит* \simeq 'относительно слабая способность и относительно небольшое желание принимать пищу'. Подобным же образом ведут себя и имена чувств: *зрение* (\simeq 'способность Y-а видеть'), *обоняние* ('способность воспринимать запахи') и пр. Таким образом, валентности предикатов, входящих в состав толкования лексемы W, также могут заполняться вопросительными переменными в контексте вопроса с *какой*, относящегося к W.

Аналогично, вопросительные переменные могут замещать значение лексической функции Spes 'вид, разновидность' не только лексемы W, но и отдельных элементов ее толкования. Возьмем, например, в качестве W именную группу *музыкальный ансамбль*, которая, в первом приближении, означает \simeq 'группа лиц, созданная для совместного исполнения ими музыкальных произведений на музыкальных инструментах <обычно функционирующая под руководством некоторого лица> и, как правило, состоящая при некотором учреждении'. Рассмотрим ее в составе вопроса *В каком музыкальном ансамбле он работал?* В ряду ответов на этот вопрос можно встретить:

- *В ансамбле народных инструментов;*
- *В фольклорном;*
- *В хоровом,*

где именные группы являются именами видов музыкальных инструментов,

видов музыкальных произведений и способов исполнения музыкальных произведений. Коль скоро мы заносим в словарь при единицах музыкальные инструменты, музыкальные произведения и т. п. информацию об их членимости на виды (с указанием основных видов), информацию, заведомо необходимую для полного описания этих языковых единиц, нам нет необходимости вторично приписывать ту же информацию слову ансамбль. Иными словами, мы можем считать, что вопросительная переменная соответствует здесь значению лексической функции не самой лексемы W , а элементов ее толковая.

То же верно и для энциклопедической информации, ср. - *Какие стулья? - С изогнутыми ножками*, где указывается форма ножек; информация о наличии у стула ножек должна входить в толкование лексемы *стул* (ср. образцы толкований артефактов в [Wierzbicka 1985]).

Итак, в семантическом представлении вопросов вида *Какой W P?* вопросительной переменной может становиться:

1) семантический актанта отпредикатного имени (W), входящего в сферу действия *какой*:

$$?X \langle \{X; W(X)\} P(W) \rangle$$

2) переменная имени (названия) в зоне обязательной синтактики W :

$$?X \langle \{X; X \in \text{Nom}(W)\} P(W) \rangle$$

3) значение лексической функции *Spec* ('вид, разновидность') лексемы W :

$$?X \langle \{X; X \in \text{Spec}(W)\} P(W) \rangle$$

4) переменная в зоне энциклопедической информации (переменная цвета, размера, формы...) лексикографического описания лексемы W :

$$?X \langle \{X; X \in U_j\} P(W) \rangle$$

5) семантический актанта, значение лексической функции *Spec* отдельного элемента толкования W , а также относящаяся к нему энциклопедическая информация.

§ 3. Множество выбора и предметная область для вопроса с *какой*.

Если при анализе вопроса главная задача состоит в нахождении вопросительной переменной, то при построении правильного ответа основная проблема состоит в замене вопросительной переменной на конкретное имя. В Главе I (см. § 4) предлагалось различать при моделировании вопросо-ответных пар, содержащих местоименные вопросы, предметную область вопросительных переменных - т.е. множество внеязыковых объектов, из которых производится выбор, и множество выбора - множество смыслов соответствующих разным способам выражения значения вопросительной переменной X . В обычных случаях (например, в вопросах со словом *где*) элементы этих множеств связаны между собой как значение и смысл одного знака (в терминологии Г. Фреге) - скажем, в примере (1):

(1) - *Вы где учились музыке?*

- *В консерватории.*

осуществляется выбор объекта из множества учебных заведений (*консерватория*), и в ответе дается название этого объекта.

Не так строится ответ на вопрос *Какой W P?* Выбор объекта осуществляется из множества, описываемого именной группой W . Например, при ответе на вопрос (2):

(2) *По какому же делу выехал ты из Оренбурга?*

производится выбор из множества дел, точно так же, как в (3):

(3) *Какой лучший город во Франции?*

выбирается один из множества городов Франции.

Таким образом, для *какой*-вопросов предметная область эксплицитно описана в вопросе с помощью лексемы W (ср. приведенный выше вопрос с *где*, в котором эта информация должна специально "вычисляться" при семантическом анализе предиката *учиться*). Что же каса-

ется множества выбора, т.е. множества способов называния некоторого объекта из предметной области, то, как было показано в §1 и §2 настоящей главы, семантическое представление вопросов с *какой* устроено так, что вопросительная переменная соответствует в ней фрагменту, который называет лишь отдельные существенные характеристики элемента предметной области, ср. ответы на вопросы (2)-(4):

(2) - *По какому же делу выехал ты из Оренбурга?*

- *Я ехал в Белгородскую крепость избавить сироту, которую там обижают.* (Вопросительная переменная заполняет валентность содержания лексемы *дело*).

(3) - *Какой лучший город во Франции?*

- *Париж.* (Оператор вопроса связывает переменную в зоне обязательной синтактики).

(4) - *Какой поезд? - спросил Остал.*

- *Литерный, особого назначения, - нервно ответил начальник станции, поправляя красную фуражку с серебряными позументами.* (Оператор вопроса связывает переменную в зоне лексических функций).

Непосредственной связи между элементами множества выбора и предметной областью здесь, как видим, нет. Выбор объекта из предметной области, его номинация осуществляется в результате указания его существенных свойств. Таким образом, если говорить точно, здесь не два, а три разных множества - множество объектов, множество их характеристик и множество смыслов, описывающих характеристики. Именно такую сложную процедуру выбора подразумевает построение правильных ответов на вопрос с *какой*.

Замечание. Это свойство вопросов с *какой* делает их плохо поддающимися формализации с помощью стандартной логико-семантической формулы $?X \langle \{X\} X \in M \rangle P(X)$. В действительности, как бы-

до показано, в выборе объекта равным образом участвуют несколько разных множеств - тем самым, предлагавшиеся выше формулы логико-семантического представления различных типов вопросов с *какой* содержат неизбежные упрощения.

Интересно, что в русском языке существует специальный способ кодирования для "упрощенного" варианта этой процедуры, а именно, предложное сочетание *что за*. В вопросах с *что за* объект выбран, известен говорящему и слушающему. Слушающий (отвечающий) должен выбрать только его характеристики. Таким образом, при анализе вопросо-ответных пар с *что за* выделяется только два множества - множество характеристик, составляющих предметную область вопроса, и множество способов их выражения - множество выбора.

Ср. следующие примеры:

(5) - *Послушайте, голубчик, что за Джонсон засыпает нас заказными письмами?*

- *А, это интересный случай. Изобретатель. Страховой агент из Кентукки. Предлагает способ полного уничтожения комаров.*

(6) - *А что это за шаги на лестнице? - спросил Коровьев, поигрывая ложечкой в чашке с черным кофе.*

- *А это нас арестовывать идут.*

(7) - *Ваше превосходительство, извольте угадать, что за бумага?*

- *Гадать грех. Это копия письма Геккерену.*

В ответ на вопросы *Что за W P?* в приведенных примерах даются, как и в ответах на *какой*-вопросы, существенные характеристики некоторых объектов, причем выбираются эти характеристики точно так же, как и при ответе на вопросы с *какой*: в (7) сообщается вид бумаги (копия письма), в (6) - заполняется валентность отпредикатного име-

ни *шаги* (чьи *шаги*? - тех, кто идет арестовывать), в (5) - называется профессия человека. Заметим, что при этом заменить *что за* на *какой* в этих примерах трудно, если не невозможно, ср.:

★(5а) - *Какой Джонсон засыпает нас письмами?*

- *Страховой агент из Кентукки.*

★(6а) - *Какие это шаги на лестнице?*

- *Это нас арестовывать идут.*

★(7а) - *Извольте угадать, какая бумага?*

- *Копия письма Генжерену.*

Все дело в том, что *какой* предполагает выбор объектов, тогда как *что за* - нет. Диалог (5а) был бы правильным, если бы был возможен выбор из множества Джонсонов (ср. пример (1) в § 1 Главы II: *Какого Воробьянинова, предводителя?*), но контекст (5) - контекст употребления вопросительного слова *что за* - такого выбора не предполагает, объект задан, идентифицирован говорящим и слушающим: речь идет о некотором единственном авторе, по фамилии Джонсон, известных им писем. Если перифразировать вопросы с *какой* и *что за*, имея в виду их противопоставление по этому основанию (15), то *Какой W P?* \approx '*Какой из W P*', а *Что за W P?* \approx '*P(W)*, и каков этот W?'. Ср. также вопросительные фраземы типа *какой такой, какой еще (Какой такой Джонсон?..)*, по-видимому, тождественные в этом отношении *что за*, а не *какой*.

Одним из следствий указанного различия между этими двумя типами вопросов является то, что в вопросах с *что за*, в отличие от вопросов с *какой*, легко допустимы оценочные имена:

(15) Вообще говоря, вопросы с *какой* и *что за* отличаются не только процедурой выбора. Например, в сферу действия *что за*, в отличие от *какой*, не могут входить именные группы в косвенных падежах, кроме винительного.

(8) < - Разве можно кормить такими обедами? > Например, что за мочалку подавали на четвертое блюдо?

- Это утка под сладким соусом... - тихо ответила матушка.

(Ср. невозможное: *Какую мочалку подавали на четвертое блюдо?) В данном примере замена что за на какой недопустима прежде всего потому, что ответ утка под сладким соусом должен в этом случае интерпретироваться как видовой, что по отношению к оценочному имени (мочалка) невозможно (см. выше, § 2). Очевидно, что вопрос с что за не связан с такой интерпретацией, так как предполагает не выбор из множества мочалок, а сообщение некоторых дополнительных существенных свойств уже известного объекта.

Предметная область вопросов Какой W P ? должна удовлетворять тем общим требованиям, которые предъявляются к такого рода множествам при построении других местоименных вопросов (см. Главу I, § 4), в частности, быть более чем одноэлементной. Элементами этого множества могут быть как отдельные предметы, так и виды предметов; в последнем случае оно представляет собой множество видов, ср. (9):

(9) - Какие млекопитающие питаются планктоном?

- Киты.

Никаких специальных ограничений на структурную организацию предметной области вопросы с какой не накладывают. В этом отношении им противопоставлены вопросы с какой из: Какой из W P ?, ср.:

(10) - Какой из мешков тебе кажется тяжелее? - спросил купец.

- Вот этот, - отвечал юноша.

Вопрос Какой из W P ? диктует представление о поэлементном устройстве предметной области, она задается как бы перечислением всех ее элементов. В вопросе Какой W P ?, как мы уже говорили, способ задания предметной области никак не выражен. Ср. Какие числа делятся на три? и Какие из чисел делятся на три? Второй вопрос правомерен лишь в ситуации, когда множество чисел, из которых надо назвать де-

лящиеся на три, эксплицитно перечислено(16).

Что же касается множества выбора, то здесь ограничением на способ заполнения вопросительной переменной является требование согласования денотативного статуса именной группы, предъявляемой в ответе, с денотативным статусом лексемы W . Нарушение этого требования приводит к неправильно построенному вопросу-ответному тексту, ср. (11):

- ★(11) - *Какое млекопитающее питается планктоном?*
 - *Моби Дик*

Аномалия тут вызвана тем, что *млекопитающее* в (11) имеет родовой статус, а в ответе вопросительная переменная замещена конкретно-референтной именной группой. Заметим, что в такого рода случаях неправильно выбрана и предметная область вопроса - в (11) вопросом задана предметная область, представляющая собой множество видов, тогда как ответы типа *Моби Дик* предполагают, что предметную область составляет множество конкретно-референтных объектов.

(16) Поэтому желательно или даже почти обязательно, чтобы в предложениях вида *Какой из W P ?* содержались языковые единицы, указывающие на перечислимость множества выбора, ср.: *Какие из этих (написанных на доске, заданных в задаче и т. п.) чисел делятся на три?* При этом обычно (хотя и не всегда) элементы перечислимых множеств являются конкретно-референтными.

Г Л А В А I I I

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОПРОСОВ СО СЛОВОМ *ГДЕ*

Вводные замечания.

Задача настоящей главы может быть в самом общем (и не вполне точном) виде сформулирована как установление правил, позволяющих получить правильные ответы на вопрос с вопросительным словом *где*. Очевидно, однако, что абсолютно полное решение данной задачи (вряд ли вообще возможное в настоящее время) предполагает предварительное решение проблем, связанных с разными уровнями лингвистического описания; большинство этих проблем не могут быть освещены в настоящей работе. Учитывая преимущественно семантическую направленность нашего исследования, мы хотели бы более точно сформулировать стоящую перед нами задачу следующим образом: определение тех компонентов в семантическом представлении предикатной группы P , попадающей в сферу действия вопросительного слова *где*, которые могут соответствовать вопросительной переменной в вопросах со словом *где*. Представляется, что решение этой частной задачи наиболее существенно и для решения общей задачи построения логико-семантического представления вопросов. Отметим также, что нас будут интересовать - в соответствии с характером данной работы в целом - в первую очередь **общие**

принципы, в соответствии с которыми происходит замещение тех или иных переменных, а не проблемы выбора той или иной конкретной лексемы в конкретном предложении. В частности, мы практически не рассматриваем проблем, связанных с переходом от семантического представления к более поверхностным (проблем номинации, коммуникативной адекватности ответа и т. п.).

Глава состоит из четырех параграфов. В § 1 обсуждаются случаи, когда вопросительная переменная заполняет обязательную валентность предиката Р. Анализируются глаголы, содержащие в своей семантической структуре локативные валентности (и, следовательно, семантические актаны со значением 'местонахождение')(1). Разбор глаголов движения вынесен в особый параграф (§ 4). В § 2 речь идет о наиболее распространенном употреблении вопросов со словом *где*, а именно, таком, при котором вопросительная переменная заполняет сирконстантную валентность предиката Р. Третий параграф посвящен так называемым партитивным ответам на вопросы с *где*. Определяется место вопросительной переменной при партитивной интерпретации вопросов.

§ 1. Вопросительная переменная - актаны предиката Р.

Общий принцип поведения глаголов с семантической валентностью 'местонахождение' в контексте вопросов со словом *где* состоит в том, что, если эта валентность не заполнена, вопросительная переменная обязательно ее заполняет. Такова наиболее естественная интерпретация вопросов типа: *Где лежит?*, *Где стоит?*, *Где находится?*, *Где работает?*, *Где живет?*, *Где хранит?*, *Где задержался?* и под. Ответы на

(1) Исходным материалом послужили списки русских глаголов, содержащихся в [Апресян 1967] (около 4,5 тыс. слов).

эти вопросы строятся так, как того требуют конкретные правила заполнения семантической валентности данного предиката. Так, валентность 'место работы' заполняется именными группами со значением 'название учреждения' (а не, например, 'адрес учреждения'); поэтому явно неудачен диалог (1):

- *(1) - Ты где работаешь?
 - Балтийская, 14.

Замечание. Такая вопросо-ответная пара может осмысляться как правильная только в том случае, если в ответе заполняется не актантная, а сирконстантная валентность глагола *работать*, а это, в свою очередь, возможно, только если актантная валентность уже заполнена. Например, если отвечающему известно, что спрашивающий знает название соответствующего учреждения, тогда, действительно, он вправе предположить, что спрашивающего может интересовать адрес его места работы. Однако в этом случае приведенная вопросо-ответная пара уже не может считаться замкнутой (см. о замкнутых парах Главу I, § 1), так как правильный анализ такого вопроса требует значительно более широкого лингвистического и прагматического контекста.

Особого рассмотрения заслуживают каузативные глаголы в контексте вопросов со словом *где*. Если в семантическое представление каузативного глагола входит локативный актанта, то он семантически связан с **объектом** каузации, т. е. с субъектом предиката, подчиненного компоненту 'Caus'. Все такие глаголы могут быть сведены к общей семантической формуле 'Y каузирует Z находиться в X'. Ср. *сеять* \approx 'каузировать семена (Z) находиться в земле (X)'; *хранить* \approx 'каузировать некоторую вещь (Z) постоянно находиться в определенном месте (X)'. Отсюда следует, что вопросы с *где*, содержащие такие глаголы,

- это, прежде всего, вопросы о местонахождении объекта каузации:

(2) - *Где вы храните бумаги?*

- *В несгораемом шкафу* (\simeq 'бумаги находятся в несгораемом шкафу').

(3) - *Где посеяли лебеду?*

- *На берегу* (\simeq 'лебеда растет на берегу').

Ср. также следующий пример с глаголом *ловить*:

(4) <- *Я, говорю, ловил рыбу, да рыба не ловится.*>

- *А где ловил?*

- *В пруду.*

В (4) ответ также интерпретируется как указание местонахождения объекта каузации: 'рыба находилась в пруду'. Но толкование глагола *ловить*, видимо, несколько сложнее, чем глаголов *сеять* и *хранить*, однако и здесь актанта 'место' семантически связан именно с объектом каузации: *ловить* <рыбу> \simeq 'особым способом каузировать рыбу (Z) перестать находиться в месте ее обитания (X) и начать находиться ...'.

Однако даже в тех случаях, когда в толкование глагола входит семантическая переменная со значением 'место', автоматический анализ вопросов со словом *где* может, вообще говоря, представлять некоторые трудности. Ниже мы остановимся на нескольких нетривиальных случаях интерпретации вопросов с *где*.

1. Рассмотрим глагол *находить* (в значении 'находить в результате поисков'). Этому значению приблизительно соответствует следующая схема толкования (в фигурные скобки заключается презумптивная часть):

Y *нашел* *Z* \simeq '{до *to Y* не знал место *X*, в котором находился *Z*; желая узнать место *X*, *Y* проверял, не находится ли *Z* в месте *X*₁, *X*₂, ..., *X*_n}; с момента *to Y* начинает знать место *X*, в котором нахо-

дится Z' .

Семантических переменных локативной семантики в этом толковании более одной; место истинного нахождения объекта Z и место (мест \grave{a}) его предполагаемого нахождения. Легко видеть, что оператор вопроса может связывать только первую: вопрос *Где ты его нашел?* означает: \simeq 'Где он находился?', а не \simeq 'Где, по твоему предположению, он мог находиться?'. Ситуация меняется, если в сфере вопросительного слова оказывается глагол *искать*, который отличается от глагола *найти* фактически только отсутствием последнего компонента - асертивной части - и переводом части смысла из презумпции в асертивный компонент; ср.:

X ищет $Z \simeq$ '{до to Y не знает места X , в котором находится Z }; желая узнать место X , Y проверяет, не находится ли Z в месте X_1, X_2, \dots, X_n '.

В этом случае в ответе будет заполнена как раз переменная (переменные) со значением предполагаемого нахождения объекта Z , что, как мы помним, было невозможно для *найти*. (О противопоставлении глаголов *найти* и *искать* см. [Гловинская 1981, с.124], со ссылкой на [Маслов 1948]).

Таким образом, данная пара глаголов иллюстрирует то положение, что семантическая переменная, находящаяся в презумптивной части толкования, не может быть связана оператором вопроса. Обратное, вообще говоря, не верно: не всякая переменная, находящаяся в асертивной части, может быть связана оператором вопроса в семантической структуре вопросов со словом *где*. Об этом свидетельствует, в частности, пример с глаголом *варить*, к разбору которого мы переходим в следующем разделе.

Замечание. Примером такого рода мог бы служить и сам глагол *искать*, так как в предложенном выше варианте асертивная

часть толкования этого глагола содержит локативную семантическую переменную X , которая не может связываться оператором вопроса: *Где ты его искал* не означает 'Где он находился на самом деле?' Вместе с тем, в данном конкретном случае эта особенность может интерпретироваться как указание о целесообразности включения компонента 'желая знать место X ' в презумптивную часть толкования. В любом случае, для целей автоматического анализа вопросов со словом *где* необходимость четкого разграничения асертивной и презумптивной части представляется очевидной.

2. Глаголу *варить* можно было бы сопоставить следующую схему толкования: \sim 'X погружает Y в сосуд Z с жидкостью F и нагревает его с помощью источника тепла H до тех пор, пока не получается V'.

Легко видеть, что переменных местонахождения в толковании *варить* несколько: объект варки находится, во-первых, в сосуде Z, во-вторых, в жидкости F, в-третьих, у источника тепла H, ср., например, [Прокопович и др. 1975]. Между тем, по крайней мере вопросо-ответные пары типа (5):

*(5) - *Где вы варите шампиньоны?*

- *В вине (молоке...),*

предполагающие, что оператором вопроса связана переменная F в схеме толкования, неправильны. Нам представляется, что вопросы со словом *где* к другим локативным переменным глагола *варить* возможны, но это не снимает проблемы: пример с *варить* показывает, что не всякая переменная с локативным значением, входящая в семантическую структуру глагола (даже в асертивную ее часть), может стать вопросительной. Показателен в этом смысле также глагол *ехать*, субъект которого перемещается благодаря тому, что находится в или на движущемся транспорте: трамвае, карете, лошади и т.п. Однако вопросо-ответная пара (6) невозможна:

*(6) - Где он едет?

- В трамвае (на лошади).

Замечание. Можно было бы считать, что транспорт в семантической структуре глагола ехать - не место нахождения субъекта, а средство его передвижения. Такое решение вполне правомерно. Оно, вероятно, позволило бы в данном конкретном случае признать естественным запрет на вопрос со словом *где*. Однако, чтобы его принять, необходимо располагать правилами, указывающими в каждом случае (т.е. для каждого глагола), можно ли считать переменную со значением местонахождения в семантической структуре локативной или нет. Эта последняя задача представляется трудно-разрешимой.

3. Глагол **купить** замечателен тем, что у него локативных валентностей нет (X купил Y у Z за $Q \approx$ {до момента t_0 Y не принадлежал X ; Y принадлежал Z }. С момента t_0 X , с согласия Z , начал иметь Y , Z перестал иметь Y , одновременно Z начал иметь сумму денег Q , которая до t_0 принадлежала X -у'), однако вопрос с *где*, заданный к этому глаголу, легко интерпретируется как вопрос к одному из его актанта, а именно как вопрос о Z :

(7) - Где вы купили этот лорнет?

- У одного знакомого коллекционера(2).

(2) Ср. ответ - В комиссионном магазине, который тоже был бы семантически правильным. С точки зрения ситуации покупки магазин, повидимому, не является просто **местом**, где совершается покупка; его роль более сложна - магазин может быть и актанта Z , ср. примеры типа: *Магазин "Сад и огород" продает садовым товариществам песок и опилки по безналичному расчету.*

При этом такой ответ на вопрос, который содержит информацию собственно о месте покупки, будет неудовлетворителен. Ср. пример:

(8) - *Где вы купили лорнет?*

- *На Кузнецком мосту.*

Этот ответ может считаться правильным только в том случае, если имеется в виду 'в магазине на Кузнецком мосту', причем предполагается, что спрашивающий в состоянии определить, о каком именно магазине идет речь. В противном случае - если, например, лорнет куплен у случайного прохожего на Кузнецком мосту - ответ будет некорректным.

Показательно также сопоставление следующих диалогов:

(9a) - *У кого вы это купили?*

- *Ни у кого, в магазине.*

и:

*(9б) - *Где Вы это купили?*

- *Нигде, у одного знакомого.*

Неправильность второго диалога может служить еще одним аргументом в пользу того, что говорящий, задавая вопрос с *где* к глаголу *купить*, не имеет в виду узнать место покупки как таковое(3).

Подобным же образом могут вести себя в контексте вопроса с *где* и другие глаголы приобретения - *взять, украсть, обменять, достать* - они также допускают заполнение вопросительной переменной валентности (исходного) посессора объекта, ср.: - *Где взял?* - *У соседа* или *Где украл?* - *У сторожа* и т. п. (о глаголах приобретения см. также [Селиверстова 1975; Рахилина 1982]).

Примеры, разобранные в пп. 2-3, показывают, что распространен-

(3) На данные примеры наше внимание обратила Е. В. Падучева.

ное в лингвистических работах определение вопроса со словом *где* как вопроса о локализации, местонахождении(4) - слишком общо и не вполне точно. С одной стороны, если локативных семантических актанта в толковании больше одного, то не всякий такой актанта может быть связан оператором вопроса. Поверхностное проявление этого языкового факта - в том, что "местных" вопросительных средств в русском языке довольно много (*где, в чем, на чем, куда, откуда* и др.), и они далеко не всегда взаимозаменяемы. Разница в их употреблении - как раз в том, что оператор вопроса связывает разные семантические актанта в структуре предиката, ср. недопустимое

*(10a) - *Где ехали?*

- *На лошади.*

но возможное:

(10б) - *На чем ехали?*

- *На лошади.*

С другой стороны, недостаток традиционных определений заключается в том, что они не учитывают специфических семантических свойств отдельных предикатов, которые могут модифицировать семантику локативного вопроса - в частности, допуская выход за пределы множества локативных переменных (как в примерах с *купить*)(5).

Все сказанное свидетельствует о том, что для адекватного описания механизмов ответа на вопрос необходима классификация семанти-

(4) Ср.: "Вопрос со словом *где* мы понимаем как требование установить определенную связь между явлениями, называемую локализацией" [Ильин и др. 1976, с. 53].

(5) Еще более сложный случай представляют собой вопросы с *где*, содержащие связку *быть* в настоящем времени. В Приложении 1 дается подробный анализ возможных интерпретаций таких вопросов.

ческих актантов и проверка каждого из них на возможность быть связанным оператором вопроса отдельно для каждого вопросительного слова. Решение этой двойной задачи позволило бы не только получить ключ к анализу вопросо-ответного соответствия, но и фактически означало бы построение модели синтеза вопросительных предложений (причем, естественно, не с одним только словом *где*, но и, по меньшей мере, со всеми другими вопросительными словами локативной семантики). Возможный вариант решения указанной задачи рассматривается в § 4 (на материале предложений с вопросительными словами *где*, *куда*, *откуда* и предикатами - глаголами движения).

§ 2. Вопросительная переменная - сирконстант предиката Р.

I. Собственно локативная интерпретация.

Выше уже было отмечено, что любой предикат, который может присоединять сирконстант со значением 'место', в принципе допускает вопрос со словом *где*. Факультативные валентности на место имеются у очень большого числа глаголов, ср. *читал в поезде, пил чай на веранде, развлекался в Крыму* и под. Исключения составляют, по-видимому, прежде всего предикаты, описывающие постоянные свойства, отношения, а также так называемые предикаты устойчивых состояний (см., например, классификацию предикатов в [Падучева 1985, с.224]) и каузативные глаголы, результатом которых являются указанные состояния (ср. в § 3 сноску 13). К таким предикатам относятся, в частности, следующие: *беспокоить(ся), верить, весить, владеть, влечь, влиять, гармонировать, годиться, длиться, доводиться, желать, завидовать, зависеть, злить, знать, мыслить, надеяться, надоедать, наследовать, недоставать, нуждаться, обладать, обозначать, полагать(ся), помнить, понимать, порицать, походить, презирать, радовать(ся), реко-*

мендовать, руководить, страдать, стоять, стыдиться, терпеть, уважать, уметь, унывать, управлять, хандрить, хватать (в значении 'быть достаточным'), чувствовать и мн. др. (Б).

Среди предикатов, не допускающих сирконстанта со значением 'место', существует группа таких глаголов, которые могут занимать вершинную позицию в конструкциях со вставленным предикатом, ср. *осмелиться, ощущать, предполагать, пытаться, разрешать, собираться, хотеть (делать что-л.)* и др. По отношению к вопросу с *где* эти лексемы "прозрачны": оператор вопроса связывает те семантические переменные (будь то актанты или сирконстанты), которые входят в структуру **вставленного** предиката. Так, *Где вы предпочитаете работать?* - это вопрос о месте работы, *Где он хочет учиться дальше?* - вопрос о месте учебы (вопросительная переменная заполняет обязательную валентность в семантической структуре глагола). Ср. также вопросы: *Где вы хотите изменить текст?* (возможная партитивная интерпретация 'В каком месте текста Вы хотите его изменить?'; о партитивной интерпретации вопросов со словом *где* см. § 3); *Где вы успели позавтракать?* (сирконстантная местная интерпретация \simeq *Где вы завтракали?*); *Где вы предполагаете окончить свое путешествие?* (соотносительно-временная интерпретация: \simeq *Где вы будете находиться в тот момент, когда окончите путешествие?*; о соотносительно-временной интерпретации см. ниже, раздел II).

(Б) Здесь можно было бы, вслед за Т. В. Булыгиной, выделяющей особые предикаты, не способные "развертываться во времени, включающем в себя момент речи" [Булыгина 1982, с. 44], говорить о неспособности ситуаций, обозначаемых этими глаголами, "развертываться в пространстве" - об этом свидетельствует, в частности, запрет на конструкции типа **Он ненавидит в саду*, **Знает в транспорте* и под. Ср. также [Hintikka 1972, p. 121].

Интересен в этом отношении глагол *видеть*. Вопросы типа *Где Р(Х)?* с этим глаголом допустимы (несмотря на то, что это глагол состояния), и при этом интерпретируются только как вопросы о местонахождении объекта, а не субъекта:

(1) - *Где же, господин натуралист, Вы видели эту птицу?*

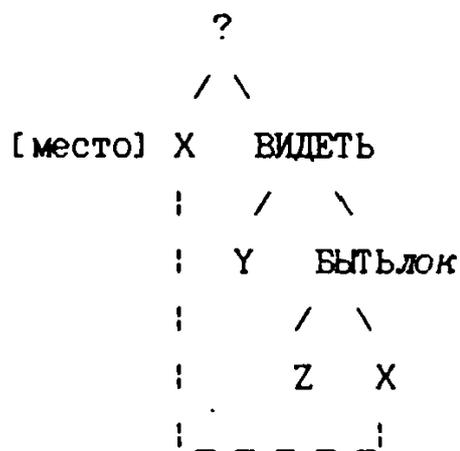
- *На засохшем дереве у ручья. Там и перо осталось.*

(~ 'укажите, где находилась птица, когда Вы ее видели'); ср. невозможность понимания 'укажите, где находились Вы, когда увидели птицу'. Предлагается следующее объяснение этого факта:

(I) Глагол *видеть* (как глагол состояния) не может иметь факультативной валентности на место; нет "местных семантических актантов и в его толковании;

(II) Вторая валентность *видеть* может заполняться не только именной группой (*видеть птицу*), но и вставленной предикацией: *Вижу, как она бежит по дугу; Вижу Россию во мгле* (= *ВИЖУ [ЕСТЬлок (РОССИЯ, МГЛА)]*, где *ЕСТЬлок* - форма настоящего времени локативно-экзистенциального предиката);

(III) Из (I) и (II) следует, что единственно возможная структура где-вопроса с *видеть* - это структура вида:

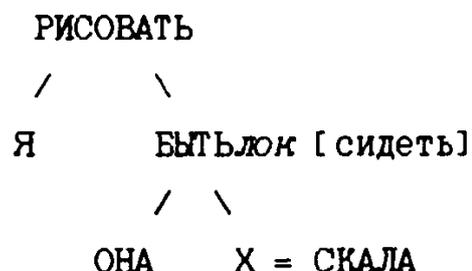

(Пунктиром обозначено отношение кореферентности).

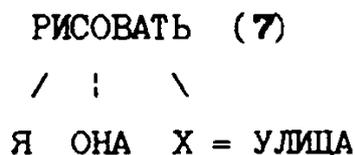
Таким образом, всякий вопрос со словом *где* к глаголу *видеть* - это вопрос о месте, в котором находится видимый предмет: сам вершинный глагол в этом случае является "прозрачным" по отношению к вопросу с *где* (ср. выше разбор примеров с вершинными предикатами состояния).

Поведение глагола *видеть* можно сопоставить с поведением глагола *рисовать*. С одной стороны, вторая валентность у этого глагола, так же, как и у *видеть*, может заполняться не только именной группой, но и вставленной предикацией, по отношению к которой вершинный глагол может быть "прозрачен"; с другой стороны, глагол *рисовать* отличается от *видеть* тем, что может иметь локативный сирконстант. Поэтому, например, вопрос *Где ты ее нарисовал?* допускает по крайней мере два понимания; ср. возможные ответы:

1) *Я нарисовал ее [сидящей] на скале.* (Та же интерпретация, что и для *видеть*; *рисовать* здесь - вершинный предикат):

2) *Прямо на улице: мы остановились на минуту, и вот получился такой набросок.* (Сирконстантная интерпретация):

Семантика сирконстантного вопроса с *где* такова, что он требует

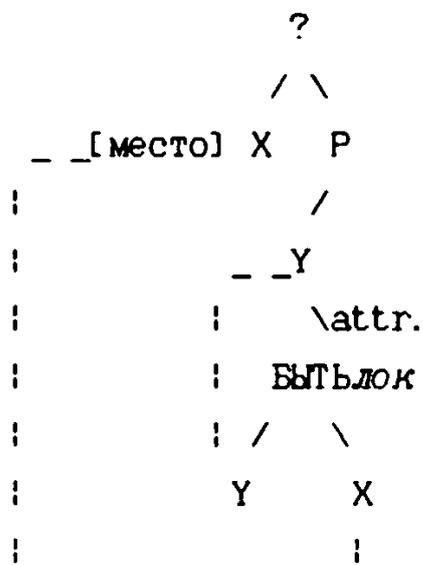
(7) Для *рисовать* оператор вопроса может также связывать еще одну локативную переменную в толковании: 'поверхность, на которую наносится рисунок', ср.: - *Где нарисовал?* - *На песке.*

в ответе сведений о локализации ситуации в целом. Противопоставление местонахождений разных участников ситуации в сирконстантном вопросе в принципе не допускается - имеется в виду обычно точка или область пространства, в которой находятся сразу все участники (в отличие от актантного вопроса, который обычно направлен на выяснение локализации отдельного участника ситуации). Если же ситуация характеризуется дистантным местоположением участников и требуется специальным образом подчеркнуть, что спрашивающего интересует, например, местоположение именно субъекта или именно объекта, то здесь наблюдается следующее распределение.

Вопрос о локализации субъекта более чем одноместного глагола (в частности, субъекта каузативного глагола, а также глагола восприятия) всегда задается с помощью вопросительного слова *откуда*. *Откуда P(Z, Y)?* в этом случае должно анализироваться как:

'{Z и Y удалены друг от друга}; назови место X, в котором находился Z в момент P(Z, Y)'. Ср. *Откуда дотянулся (достал до, показывает, смотрит, увидел и т. п.)?*

Что касается местонахождения объекта, то вопрос об этом может быть задан с помощью слова *где*. Ср. - *Где усадьбу подожгли?* - *В Выселках*. Этому типу вопросов соответствует структура вида:

т. е. 'назови местонахождение Y, такого, что P(X)'. Они фактически являются вопросами к структуре:

БЫТЬЛОК
/ \
Y X

где X становится вопросительной переменной.

Замечание. В русском языке похожую интерпретацию могут иметь и вопросы с *откуда*; ср., например, *Откуда бумагу будем жечь?* (\simeq 'где находится та бумага, которую мы будем жечь?'); это вопрос к структуре:

НАХОДИТЬСЯ до t1 <t1 - время начала P>.
/ \
Y X
attr.\
P(Y)

В разговорной речи возможны и аналогично построенные *куда*-вопросы, ср. *Куда ты картошку жарить?* (\simeq 'Где будет находиться [или: как будет использоваться] та картошка, которую ты жарить?' - это вопрос к структуре:

НАХОДИТЬСЯ после t1 <t1 - время окончания P>.
/ \
Y X
attr.\
P(Y)

Интересно различие во временной соотнесенности, связанное с противопоставлением лексем *куда* и *откуда* (ср. также Приложение 1).

II. Соотносительно-временная интерпретация.

Существует особый вид сирконстантных ответов на вопросы со словом *где*, в которых указывается локализация ситуации Р не в пространстве, а во времени, например:

(2) - *Где он заснул?*

- *После выступления оппонента(8).*

Особенностью таких ответов является прежде всего то, что информация о времени совершения Р не может быть сообщена в форме "абсолютного" времени, например, в часах и минутах, ср.:

★(3) - *Где он заснул?*

- *В пять часов.*

Временная локализация ситуации Р обязательно должна быть произведена в форме "относительного" времени, то есть путем соотнесения Р с некоторой другой, внешней по отношению к Р ситуацией Р'. Локализация Р как бы производится в некоторой точке этой "ситуации отсчета", причем предполагается, что спрашивающий в состоянии соотнести все фазы, которые последовательно проходит Р', с абсолютным временем (в противном случае ответ вряд ли будет коммуникативно успешным).

В роли "ситуации отсчета" часто используется, например, процесс движения, ср.:

(4) - *Где Вы обнаружили пропажу?*

- *Мы как раз проехали Тукумс... Тут-то я и хватился...*

Однако, в этой функции может выступать, в принципе, любой процесс, если только его внутреннее устройство удовлетворяет определенным аспектуально-семантическим требованиям (см. подробнее ниже); в остальном выбор конкретного Р' зависит, по-видимому, только

(8) Ср. в этой связи работу [Кржижкова 1967, с. 40].

от самой ситуации Р. Для порождения ответов такого типа необходим обычно довольно широкий контекст - в основном, подобные вопросо-ответные пары будут, следовательно, незамкнутыми. Однако в некоторых случаях соотносительно-временные ответы на вопрос со словом *где* возможны и в замкнутых вопросо-ответных парах - это происходит тогда, когда не контекст, а само семантическое представление предиката Р задает "ситуацию отсчета".

Ср., например, глагол *аплодировать*, в презумпции которого содержится информация о существовании некоторого зрелища, которое наблюдает субъект глагола. Ассертивная часть толкования приблизительно такая: 'Z хлопает ладонью о ладонь, чтобы показать, что ему понравилось зрелище N'. Здесь само зрелище может создавать ситуацию отсчета. Вопросы со словом *где* к глаголу *аплодировать* интерпретируются в таком случае как 'В какой момент зрелища N совершилось Р?' Ср. допустимые вопросо-ответные пары типа:

(5) - *Где аплодировали громче всего?*

- *После второго акта (антраша, диалога с призраком и т. д.).*

Такие ответы, как например, - *После того, как я съел мандарин*, где вводится какой-то другой процесс отсчета, либо неестественны, либо должны интерпретироваться через идею зрелища (в данном случае ответ будет правильным, если отвечала актриса, игравшая на сцене). Глаголов с ситуацией отсчета, заданной уже в презумптивном компоненте, довольно много, ср.: *отвечать, возражать, уставать, соглашаться, перебивать, повторяться, переспрашивать, вторить, врать, лгать* и др. К этой же группе относятся глаголы прекращения каких-либо процессов, такие как *прекратить, выключить, остановить, окончить* и под.

Чтобы ситуация могла использоваться для отсчета, существенно, чтобы она была негомогенной, то есть членилась на какие-то непохожие, легко отличимые друг от друга периоды (ср. [Thelin 1978; Бу-

лыгина 1982; а также Vendler 1967]). В противном случае соотносительно-временная интерпретация вопроса невозможна. Так, в примере *Где он выключил свет?* процесс, составляющий презумпцию, - горение света - является гомогенным: он не содержит элементов, отличных друг от друга, и соотносительно-временная интерпретация вопроса недопустима:

(6) - *Где вы выключили радио?*

- *Сразу после сводки погоды. (9)*

Если в презумпции глагола находится процесс движения, то в ответе происходит совпадение пространственного и временного ориентиров, ср.:

(7) - *Где вышел пассажир?*

- *На конечной остановке.*

Ответ может быть соотнесен как с интерпретацией 'В какой момент движения совершилось P?', так и с интерпретацией 'В каком месте совершилось P'

Несмотря на существование подобных совпадений, нам представляется целесообразным строгое разграничение в описании двух типов сирконстантных ответов на вопросы с *где*: собственно локативных и

(9) Обратим внимание на то, что хотя *где* в этих контекстах омонимично *когда*, сфера употребления временного *когда* гораздо шире; например, пары:

(8) - *Когда он выключил радио?*

- *Когда доел пирог.*

или:

(9) - *Когда зрители аплодировали громче всего?*

- *Когда остались одни студенты.*

вполне приемлемы, в то время как вопросы со словом *где* в таких случаях абсолютно исключены.

соотносительно-временных.

§ 3. Вопросы с партизивным ответом

Тип ответов на вопросы с вопросительным словом *где*, представленный в примерах (1)-(3), мы будем называть **партизивными ответами**:

(1) < - У Вас костюм не в порядке. Галстук развязался. И сорочка запачкана. >

- Где запачкана?

- На правый рукав взгляните.

(2) < - Усадьба горит, барин! >

- Где? Где горит?

- Вон, за флигелем занялось.

(3) < - Вы так мне и не сказали, что случилось. >

- Говорить-то неприятно... Стена поползла. >

- Где поползла стена?

- Пока поползла над седьмым подъездом, но, конечно, опасаемся за весь дом.

Для получения такого рода ответов на вопрос с *где*, необходимо выбрать специальную интерпретацию вопроса *Где P(Y) ≈ 'В какой части (точке) Y-а локализовано P(Y)?'*, ср. (1) ≈ 'Какое место сорочки (X) запачкано?'; (2) ≈ 'В какой части усадьбы (X) пожар' и т. д. Очевидно, что при партизивной интерпретации вопроса в ответе не ожидается информации о месте совершения P(Y) в целом или месте нахождения какого-либо участника ситуации P.

Основным синтаксическим условием, определяющим возможность такой интерпретации вопроса со словом *где*, является синтаксическая способность или неспособность предиката P заполнять какую-либо из своих семантических валентностей опосредованно подчиненной ему лексемой.

Пусть дан предикат с глубинно-синтаксической валентностью, заполненной лексемой Z. Пусть также лексема Z связана с лексемой Y отношением *часть-целое*. Тогда оказывается, что в некоторых случаях при переходе к поверхностно-синтаксическому уровню лексема Y может замещать Z и заполнять валентность предиката P. Ср.: *Можно погладить вашу собаку* (\Leftarrow *Можно погладить голову или спину собаки?*); *В первый же день у него сломалась лыжа* (\Leftarrow *... сломался носок лыжи*). В этих примерах опосредованно подчиненная предикату лексема Y, семантически связанная с его актантами Z, так сказать, подвергается повышению, занимая место своего синтаксического хозяина.

Такое повышение, в сущности, очень близко к ~~расщеплению~~ **валентности (10)**, с той лишь разницей, что в случае расщепления подчиненная лексема Y требует для себя в поверхностно-синтаксической структуре новой стрелки, связывающей ее с предикатом (например, введения адресатного поверхностно-синтаксического отношения: *гладить чью-либо голову* \Rightarrow *гладить кому-либо голову*), а при повышении никакой новой зависимости в поверхностно-синтаксической структуре не создается: лексема Y занимает тот узел, который занимала бы лексема Z (11). Действительно, все глаголы, допускающие расщепление валентности, допускают и повышение - например, посессор актанта может повышаться в позицию самого актанта.

Однако процедура повышения - более общее преобразование по

(10) См. [Апресян 1974а, с.153-155], где вводится понятие расщепленной валентности, определяемое как "представление одной валентности слова A с помощью двух соподчиненных A словоформ".

(11) Особого исследования требуют те семантические изменения, которые связаны с расщеплением валентности и трансформацией повышения (см. об этом подробнее [Апресян 1967, с.157-161; Апресян 1974а, с.153 и след.; ср. также Рахилина 1980]).

сравнению с расщеплением валентности. Так, *покрасить угол забора* невозможно перифразировать как **покрасить забору угол* по причине неодушевленности посессора актанта(12) (хотя, в принципе, глагол *красить* сам по себе допускает расщепление валентности, ср.: *она красит себе волосы басмой*), тогда как повышение никаких ограничений на одушевленность не накладывает: *красил угол забора* ==> *красил забор*.

Заметим, что повышение, в принципе, возможно не при одном только отношении типа *часть-целое*, но, например, и при посессивном отношении: так, *застраховать Ивана* может пониматься как, например, 'застраховать дачу, машину, имущество Ивана'. С другой стороны, даже в случае, когда Z и Y связаны отношением *часть-целое*, повышение разрешено далеко не всегда, ср. невозможность интерпретации *купить дверь* как, например, 'купить ручку двери'.

Возвращаясь к вопросу-ответной проблематике, обратим внимание на то, что в таких случаях интерпретация вопроса с *где* как партитивного (то есть вопроса о части целого) будет запрещена. Иными словами, партитивный ответ возможен только тогда, когда синтаксически структура *Где P(X)?* может быть переинтерпретирована как результат повышения актанта X, связанного в некоторой исходной ситуации с Y-ом (являющимся актантом предиката P) посредством отношения *часть-целое*; таким образом, X становится вопросительной переменной.

Особой задачей является выделение признаков, которые позволили бы построить семантическую классификацию предикатов, допускающих и не допускающих партитивный ответ на вопрос с *где*. В качестве же предварительного решения можно предложить ввести особый нерасчлененный квазисемантический признак Part (по типу признаков, вводя-

(12) Некоторые ограничения на конструкции с расщеплением обсуждаются, например, в [Wierzbicka 1979, а также Рахилина 1982].

щихся в [Апресян 1986а]), что даст возможность уже в словаре пометить все глаголы, которые допускают партитивные ответы, так как возможность строгой семантической классификации в этом случае требует специального обсуждения.

Вместе с тем, следует отметить, что в содержательном отношении для решения вопроса о том, может или не может соответствующий предикат допускать партитивные ответы на где-вопрос, релевантен, по-видимому, только один семантический признак. Этот признак в самом общем виде можно сформулировать как 'локализованное состояние'. Состояние некоторого объекта является локализованным, если, будучи приписано какой-то его части, оно может быть приписано и всему объекту в целом. С другой стороны, состояние является нелокализованным, если оно либо (а) не может быть приписано никакой части объекта, а может быть приписано только объекту в целом, либо (б) будучи приписано некоторой части объекта, не может быть, тем не менее, приписано объекту в целом. Ср., например, предикаты *блестеть*, *лосниться*, *пахнуть*, *быть гнилым*, описывающие локализованные состояния, и предикаты *знать*, *любить*, *спать*, *быть мертвым*, описывающие нелокализованные состояния.

Общее правило, определяющее допустимость партитивной интерпретации где-вопроса, будет в этом случае формулироваться так: если предикат описывает локализованное состояние или такое действие (процесс), результатом которого является локализованное состояние (ср. *заблестеть*, *почистить*, *сгнуть* и др.), то он допускает партитивную интерпретацию; в противном случае партитивная интерпретация недопустима.

Специально отметим, что среди предикатов, допускающих партитивную интерпретацию, выделяется большая семантическая группа так называемых глаголов деформации, то есть глаголов, обозначающих изменение или каузацию изменения некоторых частей объекта, вследствие

которых происходит какое-либо изменение (структуры, формы, внешнего вида...) самого Y, т.е. каузация локализованного состояния(13). Ср. вырезать, вырывать, вытягивать(ся), гладить, гнуть(ся), грызть, давить, двигать(ся), дергать, долбить, жать, задирать, изменять(ся), искажать(ся), исправлять, копать, ломать(ся), натирать, обваливаться, обивать, обрывать(ся), отряхивать, пилить, поправлять, портить(ся), пробивать, прогибать(ся), продавливать(ся), продолжать, разрушать(ся), рвать(ся), рубить, сжимать(ся), стричь, тягать, тереть, трепать, трескаться, увеличивать(ся), чистить и др. (14).

(13) Легко видеть, что семантический предикат 'каузировать' прозрачен по отношению к где-вопросам, т.е. всегда ведет себя так же, как вершинные предикаты со значением устойчивых состояний (см. § 2).

(14) Заметим, что если глагол деформации является одновременно и глаголом психической каузации (т.е. каузации, обозначающей изменения положения или формы части тела, вызванные только сокращением мышц этой части тела, а не каким-то внешним воздействием - например, моргнуть, наморщить (лоб), вильнуть (хвостом) и под. - подробнее о глаголах психической каузации см. [Рахилина 1982, с. 27-28]), то партитивная интерпретация вопроса недопустима: Где вильнул хвостом? не может быть понято как 'В каком месте хвоста вильнул?'

§ 4. Глаголы движения в контексте вопросов локативной семантики.

Вводные замечания.

Настоящий параграф посвящен разбору вопросительных предложений с глаголами движения, т.е. глаголами, в семантическое представление которых входит смысловой компонент 'перемещаясь, перестать находиться в некотором месте' и/или 'перемещаясь, начать находиться в некотором месте' (15) (например, *прийти, уехать, упасть, бросить, вытащить* и др.) (16). По отношению к вопросам о местонахождении это особый класс глаголов - они описывают такие ситуации, в которых тело (или тела - если участников ситуации больше одного) может иметь сразу несколько локализаций. Этим локализациям соответствуют переменные в семантическом представлении глагола. Какие-то из этих переменных могут при построении вопроса о месте становиться вопросительными, причем в зависимости от того, какая переменная связывается оператором "?", вопросы могут различаться по форме.

2. Классификация глаголов движения.

Прежде чем говорить о правилах построения ответов на вопросы

(15) Ср. другое, более узкое понимание термина *глаголы движения* в [Исаченко 1961].

(16) На первый взгляд может показаться, что данное определение не учитывает глаголов типа *идти, ехать, плыть* и т.п. В действительности, в семантическом представлении подобных глаголов должна особым образом учитываться информация как о начальном, так и о конечном пункте соответствующего перемещения. Подробнее см. ниже.

локативной семантики, содержащие глаголы движения, необходимо располагать классификацией глаголов движения. Попытка такой классификации будет предложена ниже: эта классификация построена с учетом семантико-синтаксических характеристик глаголов движения в целом; вместе с тем цель ее - сугубо практическая: объяснить модель поведения того или иного глагола в контексте "местных" вопросов. Поэтому мы намеренно отказываемся от представления результатов классификации в виде толкования глаголов движения, хотя, как представляется, характеристики глаголов, выделяемые в процессе этой классификации, настолько существенны для их правильного функционирования в языке, что, видимо, должны отражаться именно в толковании. Однако, на наш взгляд, из задач настоящего описания не вытекает с необходимостью требование того или иного представления лекскографической информации; данный вопрос должен решаться независимо.

Ч. Филлмор в одной из своих статей, получившей впоследствии большой резонанс [Fillmore 1983], предложил различать глаголы движения по их отношению к обстоятельствам времени. Он опирался на тот факт, что при одних глаголах обстоятельства времени указывают на начало движения (*Он уехал во вторник*), при других - окончание движения (*Он приехал в Чикаго около полуночи*), при третьих - на время перемещения (*Он шел весь день и всю ночь*) (17). Соответственно, глаголы движения первого типа он называет Source-oriented, то есть ориентированными на исходную точку движения (мы будем обозначать ее

(17) Представляется, что тот пример, который сам Ч. Филлмор приводит для иллюстрации этого последнего типа глаголов, а именно *He sailed from Vancouver to Hawaii last summer* 'Он плавал (совершил рейс) из Ванкувера на Гавайи прошлым летом', не вполне удачен - здесь указывается скорее не время перемещения, а время совершения события в целом.

Q); глаголы второго типа - Goal-oriented, то есть ориентированными на конечную точку движения (будем обозначать ее R), а глаголы третьего типа - нейтральными (neutral).

Задачей Ч. Филлмора было установление семантических принципов, противопоставляющих два английских глагола - *go* и *come*. Если же иметь в виду сплошную классификацию глаголов движения по таким признакам, то для этого практически необходим хороший диагностический контекст - с одним и тем же обстоятельством времени для всех глаголов. На наш взгляд, в качестве такого диагностического контекста более удачны не обстоятельства времени (как у Ч. Филлмора), а вопросы со словом *когда*. Эти вопросы действительно могут относиться ко времени начала движения (ср. *Когда бросил? Когда ушел? Когда выпал? Когда отпустил?*(18) и т. д.), если они задаются к глаголу **удаления**, то есть глаголу, основу толкования которого составляет семантический компонент 'перестать находиться в Q'. Если же они задаются к глаголу **прибытия**, то есть глаголу, основу толкования которого составляет семантический компонент 'начать находиться в R', они осмысляются как вопросы о времени прибытия в R: *Когда вошел?, Когда приехал?, Когда положил?, Когда переехал?, Когда доставил?* и т. д.

Когда-вопросы с глаголами **перемещения** - *ехать, плыть, бежать, лететь, ползти* и под., относящиеся, по Ч. Филлмору, к нейтральной группе, интерпретируются как вопросы о длительности процесса перед-

(18) В некоторых случаях более точно было бы говорить не о времени начала движения, а о времени удаления из Q - не 'когда начал движение из Q?', а 'когда перестал находиться в Q?', ср. *Когда выдвинул? Когда вытащил?*: эти и подобные им вопросы описывают движение, которое начинается раньше, чем его субъект перестает находиться в Q.

вижения: 'с какого момента времени t_1 по какой момент t_2 происходило P?' (19).

Замечание. При подстановке в диагностический контекст необходимо для так называемых глаголов чисто видовых пар брать форму совершенного вида; глаголы, которые не имеют чисто видовой пары (к ним относятся глаголы перемещения), подставляются в диагностический контекст в форме несовершенного вида: *Когда ехал?* Соответствующие приставочные формы совершенного вида - *поехать, полететь, поплыть* и т. д. - попадают, как легко видеть, в группу глаголов удаления ('перестать находиться') - ср. [Исаченко 1961; Forsyth 1970, p. 319 и след.].

Однако диагностический контекст с *когда* выделяет, по сравнению с классификацией Ч. Филлмора, еще по крайней мере одну большую груп-

(19) Допустима также интерпретация, при которой указывается отрезок времени (в стандартном абсолютном исчислении - год, неделя, день, час...), которому принадлежит период $t_1 - t_2$, когда происходило движение P:

- (1) - *Когда ты последний раз шел на работу пешком?*
 - *Тридцать лет назад.*

Впрочем, такая интерпретация возможна и для других глаголов движения:

- (2) - *Когда переехали?*
 - *Вчера.*
 (3) - *Когда он унес книгу домой?*
 - *Две недели назад.*

Во всех этих примерах указанный период времени охватывает и момент начала движения, и момент его конца.

пу глаголов - глаголы *выйти, вывезти, вынести, уронить, прыгнуть* (в значении 'прыгнуть куда-то'), *упасть* (в значении 'упасть откуда-то'). Употребленные в контексте куда-вопроса с незаполненной валентностью конечного пункта движения, они ведут себя так же, как глаголы удаления: *Когда вышел?* \simeq 'В какой момент t перестал находиться в Q?'; *Когда уронил?* \simeq 'В какой момент t выпустил из рук?' и т. д. Если, однако, заполнить валентность конечного пункта, вопрос получает другую интерпретацию: *Когда толпа вышла на площадь?* = 'В какой момент t толпа начала находиться на площади?', *Когда он упал на землю?* = 'В какой момент t он начал находиться на земле?' (20).

Для каждой группы глаголов диагностический контекст указывает ту местную семантическую валентность, которая является сильной, обязательной. Глаголы удаления - глаголы с сильным Q, глаголы прибытия - имеют обязательное R. При толковании глаголов последней группы (типа *выходить*) обязательными, по-видимому, следует считать обе валентности - Q и R (21); в соответствии с терминологией Ч Филлмора эти глаголы следовало бы назвать "ориентированными и на Q, и на R". (Глаголы перемещения (нейтральные), напротив, не ориентиро-

(20) В случае, если при глаголе выражены и точка Q, и точка R (*Он вышел из комнаты в кухню*), возможна двоякая интерпретация. *Когда он прыгнул с крыши на карниз второго этажа?* \simeq 'Когда перестал находиться на крыше?' или 'Когда начал находиться на карнизе?'. Впрочем, одновременное поверхностное выражение этих двух валентностей, особенно в контексте вопросительного предложения, затруднено, и примеры такого рода малоестественны.

(21) Ср. [Апресян 1974а, с. 262], где в качестве одного из вариантов рассматривается возможность трехвалентного описания глагола *выходить*, ср. также наблюдение в [Смирницкий 1953, с. 11].

ваны ни на одну из этих точек; для них переменные Q и R не являются обязательными). Если говорить о "степени силы" обязательной валентности, которая, вообще говоря, может быть выражена синтаксической структурой толкования, то глаголы этой группы, по-видимому, следует все же толковать как глаголы удаления - например, потому, что в случае, когда не выражены Q и R, *когда-вопрос* все же осмысливается как вопрос о времени удаления из Q. Кроме того, при подстановке в диагностический контекст несовершенного вида этих глаголов (дуративное значение) *когда выходил?*, *когда ронял?* - вопрос также осмысливается как вопрос о процессе удаления.

Итак, основное различие внутри глаголов движения состоит в противопоставлении глаголов **прибытия** (\sim 'перемещаясь... , перестать находиться в Q') и глаголов **удаления** (\sim 'перемещаясь... , начать находиться в R') (22). Самостоятельную группу, не совпадающую ни с одной из этих двух, образуют только глаголы "чистого перемещения" типа *идти*, *ползти*, *лететь* и др., в толковании которых обе переменные Q и R может быть описан без обращения к этим переменным), однако их выражение для глаголов "чистого перемещения" все же возможно, как для любого глагола движения.

Замечание. Ю. Д. Апресян (в [Апресян 1980]) предлагает считать для глагола *ехать* валентность цели (в нашей терминологии - валентность конечного пункта движения, R) обязательной на том

(22) Ср., в частности, толкования глаголов *влететь* и *вылететь* в [Апресян 1974а, с. 288]: "*влететь в А* - летя, начать находиться внутри А; *вылететь из А* - летя, перестать находиться внутри А", а также словарную статью глаголов *go*, *leave* и др. в [Апресян и др. 1979, с. 192]: "перемещаясь, обычно с помощью ног, перестать находиться в каком-либо месте".

основании, что, во-первых, для езды без цели, для удовольствия, в русском языке есть глагол *кататься*, а, во-вторых, ехать может только лицо, сознательно выбравшее маршрут передвижения; в противном случае говорят - *везут* (ср. тонкое замечание Ю. Д. Апресяна: в русском языке невозможно сказать **дрова едут*, можно только: *дрова везут*).

Представляется, что эти, вообще говоря, справедливые наблюдения могли бы быть проинтерпретированы иначе, так что глагол *ехать* по своим семантико-синтаксическим свойствам и, в частности, по общей структуре толкования, был бы в принципе таким же, как и другие глаголы этой группы - *идти*, *плыть*, *лететь* и под. Заметим, что субъектом при *ехать* может быть любой предмет на колесах - телега, машина, самолет (на взлетной полосе) и др., ср. *Бричка неуклюже ехала по дороге*. В таких случаях придется - если принимать трактовку Ю. Д. Апресяна - предполагать перенос цели: здесь цель водителя (если он есть), а не субъекта (как в случае *Иван едет*) становится целью перемещения, т.е. цель навязывается прагматикой ситуации. Однако можно было бы, напротив, считать, что обязательность цели, возникающая только в контекстах с одушевленным субъектом, есть следствие того общего (прагматического) обстоятельства, что если движущееся средство использует человек, то у него должна быть цель перемещения.

Глаголы прибытия и удаления могут классифицироваться по признаку обязательности второй переменной (соответственно, Q для глаголов прибытия и R для глаголов удаления). Этот признак принимает три значения: 'переменная в толковании обязательна'; 'переменная не обязательна, но возможна (факультативна)'; 'переменная не входит в толкование'. Соответственно, в каждой из групп глаголов (прибытия и удаления) может быть выделено три подгруппы.

I. Глаголы прибытия.

(а) Глаголы, которые описывают такую ситуацию, когда прибытие в R есть следствие удаления из Q; следовательно, в толкование этих глаголов, наряду с переменной R, обязательно входит переменная Q.

К подгруппе (а) относятся глаголы *положить*, *опустить*, *опуститься*, *вставить* и др.

Ср.: *Z положил Y в/на R* \simeq '*лицо* Z каузировало *объект* Y, находившийся в руках Z-а (Q), перемещаясь, начать находиться в/на R (R - сосуд или поверхность).

Как можно заметить, у глагола *класть* (а таковы все глаголы этой подгруппы) переменная Q, будучи обязательным компонентом толкования, не выражается на поверхностном уровне, т.е. в пропозиции. Эта дополнительная особенность, связанная с **фиксированностью** переменной, будет рассмотрена ниже.

(б) Глаголы, при которых указание исходного пункта лишь возможно, но не обязательно. Существование такой возможности должно, по-видимому, каким-то образом отражаться в толковании, - в частности, и для того, чтобы отличить глаголы данной группы от глаголов группы (в).

К группе (б) относятся глаголы *прийти*, *прибыть*, *приехать*, *донестись*, *привезти*, *доставить* и др.

Ср. *Z пришел в R (из Q)* \simeq '*Z, идя (и, возможно, перестав находиться в Q), начал находиться в R*'.

(в) Глаголы, при которых указание исходного пункта движения вообще невозможно, и в толкование которых не входит переменная Q.

Таковы, например, глаголы *сходиться*, *подходить*, *подъезжать* и др.

Ср. *Z-ы сошлись в R (для P)* \simeq '*группа лиц Z, перемещаясь с разных сторон, начала одновременно находиться в месте R (возможно, с целью P)*'.

II. Глаголы удаления

(а) Глаголы, которые описывают ситуацию, где в результате удаления из Q и последующего движения тело начинает находиться в R . В толковании таких глаголов всегда содержатся две переменные - Q и R .

Таковы, например, глаголы *отойти*, *выдернуть* (R - фиксировано) и др.

Ср.: Z выдернул Y из $Q \simeq$ '*лицо* Z , каузировало объект Y , перестать находиться в Q , начав находиться в руках Z -а (R)'.

(б) Глаголы, в толковании которых содержится указание на возможность, но не обязательность R .

Таковы, например, глаголы *уйти*, *увести*, *унести* и др.

Ср.: X ушел из Q ($в R$) \simeq ' X , идя, перестал находиться в Q (и, возможно, начал находиться в R)'.

(в) Глаголы, в толкование которых R не входит. Таковы, например, глаголы *развестись*, *удалиться* и др.

Ср. Z удалился из $Q \simeq$ ' Z , перемещаясь с небольшой скоростью, постепенно перестал находиться в Q '.

2. Общее правило построения локативных вопросов.

Глаголы с фиксированным актантом.

Общее правило поведения глаголов движения в контексте местных вопросов(23) состоит в том, что если в толкование глагола входит переменная R , то глагол допускает вопрос со словом *куда* (в этом случае ответом будет указание значения значения переменной R); ср.:

(3) - *Куда вы положили мою шаль?* - *спросила Сова.*

(23) О частных отклонениях от этого правила см. ниже.

- Мы ее бросили в кучу, но только это, по-моему, не шаль, старый половик.
- (4) - Мы получили приказ - через 8 часов начать отходить.
- Куда?
- К Любавинским высотам. Там окопаться и ждать подкрепления.

Аналогично соотношение вопросов со словом *откуда* и переменной Q.

Заметим, что обратное утверждение уже не верно: запрет на вопросы с *куда* и *откуда* может быть вызван не только отсутствием переменной в толковании, но и другими причинами: в частности, переменная в толковании может быть фиксирована, и в этом случае конечная и начальная точка движения заранее известна (это, конечно, может относиться только к обязательным переменным в толковании, то есть актантам глагола). К глаголам с фиксированным актантом относятся *класть*, *прислоняться*, *сажать*, *садиться*, *вынимать*, *доставать* и под. Исходный пункт движения в ситуации с *класть* определен: объект всегда находится в некотором заранее известном месте - обычно в руках каузатора движения; наоборот, для *вынимать* или *доставать* - это конечный пункт движения, и он также известен (24).

(24) С точки зрения лексикографической задачи здесь, по-видимому, удобнее считать Q и R константами - для каждого отдельного глагола их значения раз и навсегда определены: ср. глаголы *класть*, *вынимать*, для которых объект в некоторый момент описываемого действия всегда находится в **руках** человека, который его вынимает или кладет. Между тем, с точки зрения описания внеязыковой ситуации актанты Q и R являются здесь переменными, так как каузаторы ситуаций, а с ними и местоположения соответствующих объектов, конечно, могут меняться.

Замечание. Для глаголов прибытия (*класть, сажать, прислоняться*) информация о местонахождении составляет презумпцию толкования, ср. *не положил* - значит, держит в руках(25). Ср. также глаголы *сходить* и *сбегать* - в их презумпции содержится информация о том, что до начала движения субъект движения находился в некотором строго фиксированном месте Q - например, дома. Ср. *За три часа так и не сходил в магазин* - значит, три часа находился в некотором известном говорящему месте Q.

Как и следовало ожидать, вопросы со словами *куда* и *откуда* при фиксированном R и Q не могут быть заданы: **Откуда прислонился*, **Куда вынул?*, **Откуда сел?*, **Откуда сбегал?* и под.

3. Информация о положении наблюдателя.

Несколько более сложна ситуация с глаголами *уйти, разойтись, отойти, отступить, подойти, вбежать, вынести, ввезти, ввалиться* и др. В отличие от глаголов типа *класть/вынимать* с заранее определенными переменными R и Q, которые никогда не могут иметь поверхностного выражения при соответствующих глаголах (**класть из кармана/из рук; вынимать на стол/в руки*), исходный пункт движения здесь может быть указан и легко варьируется - ср. *ушел из дома, отошел от прилавка* и под. Тем не менее, соответствующие вопросительные предложения с такими глаголами неприемлемы, ср. **Откуда он ушел?*; **Куда вбежал?*; **Куда подошел?* и т. д. (ср. также примеры из [Fillmore

(25) Предложения типа *Положи игрушки на место, что ты разбрасываешь их по всей комнате!* должны анализироваться как 'возьми игрушки и положи их на место'.

1983, p. 2231) (26).

Это явление объяснимо, если принять во внимание место говорящего или наблюдателя в ситуации перемещения (27). Говорящий в таких случаях находится или мыслит себя либо в исходной, либо в конечной точке пути. Положение наблюдателя составляет лексикографическую информацию особого типа, она должна быть включена в семантическое описание соответствующих глаголов, ср. следующий фрагмент словарной статьи *go*, *leave* и др. в Англо-русском синонимическом словаре [Апресян и др. 1979, с.192]: "Go, в отличие от других синонимов ряда, обозначает перемещение с помощью ног, причем говорящий мыслит себя или наблюдателя находящимся в том месте, которое покидает субъект". По-видимому, семантическая информация о местонахождении говорящего (наблюдателя) при таких глаголах должна входить в презумптивный компонент толкования. Употребление говорящим такого "дейктического" предиката (не важно - в утвердительном контексте, в контексте отрицания или вопроса) - предполагает, что он соотносит ситуацию движения с собственным местонахождением. Это означает, в частности, что в ситуации вопроса данная точка траектории движения (начальная или конечная) говорящему - то есть спрашивающему - известна, соответствующего множества выбора нет, а значит, вопрос не может осмыслиться как заданный о месте, где находится наблюдатель. Вопрос, предполагаю-

(26) Исключением являются некоторые специальные контексты употребления таких вопросов, в которых они приобретают нестандартную семантику, например, используются как экзаменационные (см. ниже).

(27) О понятии наблюдателя см. подробнее работы Ю. Д. Апресяна, например, [Апресян 1974б; 1980; 1985; 1986б; ср. также Bierwisch 1967].

ющий неизвестность говорящему запрашиваемой информации, должен сочетаться с предикатами, не содержащими подобной пресуппозиции, ср. *Куда он побежал?*, но **Куда он вбежал?*

Замечание. Мы говорим здесь об интерпретации диалогов со **стандартной семантикой** (см. [Хинтиikka 1980; Падучева 1981]). Однако в диалогах нестандартной семантики вопросы *Откуда ушел?*, *Куда пришел?* могут оказаться вполне приемлемы.

Во-первых, они могут осмысляться как **экзаменационные** вопросы, которые отличаются от обычных именно тем, что спрашивающий заранее знает ответ, ср. пример из [Падучева 1981, с. 103]: *Какие три агрегатные состояния вещества вы знаете?*, где вопрос уже по своей форме экзаменационный - если говорящий знает, что агрегатных состояний три, то он скорее всего знает и то, какие это состояния. Вопросы с глаголами движения, при которых говорящий находится (или мыслит себя находящимся) в той точке траектории движения, о которой задается "местный" вопрос, также можно считать экзаменационными, поскольку говорящий всегда в таких случаях заранее знает ответ. Так, вопрос *Откуда отступил Наполеон после предъявления ультиматума?*, может быть, по-видимому, задан только с целью выяснить, знает ли слушающий ответ (уже известный говорящему); в противном случае некорректным было бы само употребление лексемы *отступить* - если бы говорящий действительно не знал, какова точка Q в этом случае, то ему следовало бы, скорее всего, спросить нечто вроде *Где находился Наполеон в момент предъявления ультиматума?*

Кроме того, вопросы к переменным этого типа могут использоваться в ситуации коммуникативно неудачного диалога, ср.:

(5) - *Тетя Полли! Я уже пришел!*

- Кто пришел? Куда пришел? Ничего не понимаю! (28).

Таким образом, вопросы с *откуда* и *куда* могут быть заданы к глаголу движения по крайней мере в тех случаях, если:

- 1) в его толковании есть семантические переменные, соответствующие исходному или конечному пункту движения (Q или R);
- 2) точка Q или R не совпадает с местонахождением наблюдателя.

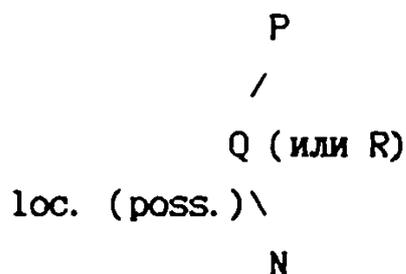
4. Особый случай синонимии локативных вопросов.

В некоторых случаях возможна синонимия вопроса *где?* вопросам *куда?* или *откуда?* Значит ли это, что вопросительная переменная в вопросе вида *Где P(X)?* может заполнять те же локативные валентности предиката P, что в вопросах *Куда P(X)?* и *Откуда P(X)?*, то есть что оператор вопроса может и в контексте вопросительного слова *где* связывать переменные R и Q?

Рассмотрим вопросительные предложения *Где упал Тунгусский метеорит?*, *Где ты повесил свое пальто?* (- На вешалке; - На первом этаже); *Где он положил деньги?* (- На столе, возле вазы с конфетами). В ответах на такие вопросы сообщается информация о конечном пункте движения, т.е. об R. С другой стороны, в вопросах типа *Где тебе вырвали зуб?* (- Вот тут, справа), *Где ты вытащил такую огромную рыbinу?* (- В черном омуте, за болотом) ожидается информация об исходной точке движения Q.

(28) Анализ лингвистических особенностей некоторых реплик этого класса дается в [Арутюнова 1970], где указывается, что такого рода реплики являются реакциями на модус, а не на диктум вопроса; ср. также [Крейдлин, Рахилина 1984б].

Заметим, однако, что во всех таких случаях отвечающий указывает не саму исходную или конечную точку, а, так сказать, место ее положения, пространство, на (или в) котором она находится. Если строить фрагмент дерева зависимостей, то вопросительной переменной в нем будут замещаться не узлы Q и R, соответствующие аргументам предиката P, а узлы, связанные с предикатом опосредованно, то есть связанные с Q или R локативным или посессивным отношением(29):

Отсюда неудовлетворительность вопросо-ответных пар, содержащих вопросы со словом *где*, в случаях, когда ответ может интерпретироваться только как обозначение Q или R – то есть как указание непосредственно на исходную либо конечную точку движения, а не на местоположение этой точки, ср.:

- *(6) – *Где он положил деньги?*
- *В кармане (в руке, в дупле).*
- *(7) – *Где повесил?*
- *На крючке (на гвозде).*

Замечание. Интересно отметить, что синтаксические свойства переменных Q и R, с одной стороны, и N, с другой, как способов обозначения начала (конца) движения, различны. Так, в конструкции с дательным посессивным возможно только заполнение Q (или R) и недопустимо заполнение N (при опущенном Q или R), ср.: *по-*

(29) В некоторых случаях возможно расщепление этой валентности, ср.: *Повесил пальто в коридоре на вешалку.*

весил ему на шею/★повесил ему на шею. В посессивных конструкциях с предлогом у и существительным в родительном падеже - напротив, из двух возможных способов обозначения начала (конца) движения - N или Q/R - разрешается только N: *положил у него на кровати (★положил у него на кровать)*(30).

Вопросы с *где*, квазисинонимичные вопросам с *куда* и *откуда*, допускают далеко не все глаголы, имеющие в своей структуре переменные Q или R, ср. *Куда зашел?*, но *★Где зашел?*; *Куда принес?*, но *★Где принес?*, *Откуда убежал?*, но *★Где убежал?* Среди глаголов движения выделяются такие, которые обозначают не просто прибытие (или каузацию прибытия) в некоторую точку R, но прибытие с целью (в нормальном случае) длительного нахождения в этой точке; их можно было бы назвать глаголами "длительного результата" - ср. *сесть, лечь, посадить, положить, прислониться, вставить, встать (на что-то)* и под. Значение этих глаголов может быть описано как 'двигаюсь, имея целью находиться в R в течение некоторого <длительного> периода времени, начать находиться в R', в отличие от глаголов *зайти, пройти, войти, прийти* и др., которые не предусматривают обязательного длительного нахождения субъекта движения в конечной точке R.

(30) Ср. также противопоставление посессоров у R и N по одушевленности-неодушевленности, возникающее в примерах типа: *положил цветы поэту **на колени*** (R), где посессор у R может быть только одушевленный, и *положил цветы у поэта **на коленях*** (N), где посессор у N может быть только неодушевленным (то есть *поэт* должен здесь интерпретироваться, например, как 'памятник поэту'). Сопоставительный анализ этих конструкций предлагается, в частности, в [Крейдлин, Рахилина 1983б].

В принципе та же картина с глаголами, допускающими вопросы со словом *откуда*. Если в семантическое представление глагола входит информация о том, что субъект движения находился в Q длительное время до момента начала движения, то вопрос со словом *где* может осмысляться как вопрос о местонахождении Q, ср. такие глаголы, как *выдергивать, вытаскивать, доставать, вынимать, выдвигать, отступать* (военный термин) и т. п., в отличие, например, от *уходить, удаляться*, которые не допускают подобного осмысления вопроса с *где*.

5. Вопросы о направлении движения.

Среди глаголов движения выделяются такие, при которых возможно обозначение **направления движения** от или к некоторому ориентиру: *Подъехал со стороны вокзала; Шел прямо к трамвайной остановке* и т. д. Если вопрос с *куда* или *откуда* содержит такой глагол, то в ответе должны указываться не точки траектории - R и Q, а направление движения - к или от некоторого ориентира: - *Откуда наступают?* - *С юга*; - *Куда поплывешь?* - *К берегу* и т. п. Ориентиром может служить как исходная или конечная точка движения, так и какая-то промежуточная. Однако, если промежуточная точка задана, то начальная (конечная) точка движения уже не может быть указана при глаголе: *?пришел со стороны леса из города; *ушел к лесу (по направлению к лесу) в город*.

Направление движения можно указать далеко не при всяком глаголе: **вышел в сторону реки; *вошел со стороны рынка* и т. д. Преимуществом пользуются в этом отношении глаголы перемещения *идти, ехать, плыть* и др. - при этих глаголах всегда можно выразить направление движения объекта. Интересно, что при глаголах каузации перемещения - *вести, везти, нести* и под. можно выразить лишь направ-

ление к R, то есть, **куда** совершается движение, но не направление от Q (**откуда** движение): *Он вел его по направлению к лесу*, но **Он вел его со стороны леса*. Если же говорить о группе глаголов движения в целом, то для моделирования диалогов, содержащих куда- и откуда-вопросы с этими глаголами, необходимо, видимо, вводить особые факультативные семантические переменные, которые могут замещаться вопросительной переменной в вопросах с откуда и куда(31).

б. Семантическая переменная 'вход/выход из замкнутого пространства'.

Некоторые глаголы движения описывают такие ситуации, в которых Q и/или R представляют собой замкнутое пространство. Такое пространство имеет вход (или, соответственно, выход), через который проходит траектория движения тела. Точку входа/выхода в замкнутое пространство мы будем в дальнейшем обозначать L. Обычно она, в отличие от Q и R, не выделяется при описании ситуаций перемещения, хотя, на наш взгляд, существенна для построения семантического представления целого ряда глаголов движения. Так, например, существуют глаголы, у которых траектория обозначаемого движения всегда проходит через точку L, ср. *высыпать, высыпаться* (движение из замкнутого пространства), *войти* (движение в замкнутое пространство). В

(31) Интересно, например, то, что в болгарском языке для вопросов о направлении есть специальное вопросительное средство - сочетание *на къде*, ср. *На къде плува корабът?* - 'Каково направление движения корабля?', в отличие от *Къде плува корабът?* \approx 'Куда плывет корабль?' (т.е. 'Каков конечный пункт его движения?'). Ср. также ниже, Экскурс.

других случаях замкнутое пространство не обязательно, но возможно, ср. *бросить в корзину - бросить на тумбу; бросить из машины - бросить с крыши* (32).

Нашей задачей было выяснить:

(1) Может ли семантическая переменная L становиться вопросительной переменной

и

(2) какова в этом случае должна быть форма вопроса.

Оказалось, что переменная L может быть вопросительной. Вопрос *Куда он бросил мяч?* допускает, наряду с ответами *На крышу, В корзину*, и ответы типа *В окно*. На вопрос *Откуда идет дым?* можно ответить как *Из подвала*, так и *Из щели в стене*. Замечательно в такого рода вопросо-ответных парах то, что **англоязычные** вопросы - вопросы куда и откуда - могут задаваться об одной и той же точке траектории, если это точка L. В действительности, никакого противоречия здесь нет. По классификации, принятой в [Апресян 1974а, с.298], куда и откуда должны относиться к **пространственным англомам**, для описания которых, так же, как и для описания пространственных предлогов и наречий типа *за, перед, спереди, сзади*, необходимо, по-видимому, использовать понятие наблюдателя (см. выше), то есть вводить в семантическое представление некоторого особого участника ситуации, который, впрочем, как правило, совпадает с говорящим, то есть, в

(32) Ср., впрочем, исследование М. В. Всеволодовой и Е. Ю. Владимирского, где при описании сочетаемости существительных с разными классами глаголов (в том числе - с глаголами движения), выделяются, в частности, "значения проемов типа *дверь, ворота, окно, калитка, форточка, пролом* и т. п.", а также "значения естественных (и искусственных) устройств и сквозных отверстий - *скважина, трубка, жабры, щель, воронка, вентилятор*" [Всеволодова, Владимирский 1982, с.126].

случае вопроса, со спрашивающим.

В самом деле, вопрос *Откуда он вышел?* в случае предполагаемого ответа об L - это вопрос говорящего, стоящего **снаружи** замкнутого пространства Q . Вопрос *Куда он вышел?* - вопрос говорящего, стоящего **внутри** замкнутого пространства. Аналогично, диалог

(8a) - *Откуда это бросили?*

- *Из окна.*

составляет правильную вопросо-ответную пару лишь в том случае, если говорящий стоит **снаружи** замкнутого пространства. Если же говорящий стоит **внутри** замкнутого пространства, то он должен спросить *Куда это бросили?* и получить ответ *В окно.*

Однако глагол *бросать* устроен несколько сложнее, чем *выйти*. Дело в том, что замкнутым пространством здесь может быть не только исходный пункт движения (Q), но и конечный (R). При этом оказывается, что по отношению к этому второму замкнутому пространству (R) наблюдатель может находиться только **снаружи**. ср. правильное в этой ситуации:

(8б) - *Куда бросили камень?*

- *В окно.*

Внутри же замкнутого пространства наблюдатель находиться не может. Действительно, представим себе ситуацию: говорящий находится в комнате, когда в одно из окон влетает брошенный с улицы камень. Он задает вопрос: *Откуда бросили камень?* Согласно нашей языковой интуиции, такой вопрос не может быть задан, если человек хочет узнать, через какое отверстие в стене комнаты (балкон, окно...) влетел камень. Вопросо-ответная пара:

*(8в) - *Откуда бросили камень?*

- *Из окна.*

в такой ситуации, видимо, недопустима. Эта пара будет правильной, только если окно - выход из замкнутого пространства, являющегося

исходным пунктом движения, и говорящий стоит снаружи.

Если согласиться с таким представлением глаголов движения, то следует ожидать, что они могут различаться по местонахождению наблюдателя, и, следовательно, в зависимости от этого, по тому, какие можно задавать местные вопросы об *L* (с *откуда* или *куда*).

Приведем для примера некоторые типы глаголов движения:

1) Движение **внутри** замкнутого пространства. Наблюдатель может стоять как снаружи, так и внутри, то есть по обе стороны от *L*.

Таковы глаголы *войти*, *вбежать*, *вползти* и под. Они допускают и *куда-* и *откуда-*вопросы с *L*-ответами.

2) Движение **внутри** замкнутого пространства. Наблюдатель может стоять только снаружи. Глаголы: *проползти*, *пролезть*, *просунуть* и др. Возможен только вопрос с *куда*.

3) Движение **из** замкнутого пространства. Наблюдатель может находиться по обе стороны от *L*. Примеры глаголов: *вылезти*, *выйти*, *высунуть*, *выпустить* и др. Возможны вопросы с *куда* и *откуда*.

4) Возможно два замкнутых пространства - *Q* и *R* и, следовательно, две точки входа/выхода (*L1* и *L2*). По отношению к первой наблюдатель может стоять с обеих сторон - как внутри замкнутого пространства *Q*, так и снаружи, а по отношению ко второй - только снаружи замкнутого пространства *R*.

Примеры глаголов: *бросить*, *кинуть*, *выбросить*, *выкинуть*. Возможны вопросы с *куда* и *откуда* - об *L1*, но только с *куда* - об *L2*.

По-видимому, информация о положении наблюдателя для такого рода глаголов настолько существенна, что должна быть так или иначе отражена в толковании. Действительно, содержательное представление о характере движения окажется неполным, если среди различных характеристик соответствующей ситуации будет отсутствовать указание на, так сказать, ту точку зрения, относительно которой эта ситуация

развертывается. Существует ряд глаголов, весьма близких по своей семантике, которые различаются именно в отношении положения наблюдателя. Единственным формальным следствием этого различия оказывается их различная сочетаемость с вопросами, содержащими *куда* и *откуда*. Без включения наблюдателя в толкование таких глаголов крайне затруднительно было бы описание запретов, связанных с местными вопросами. Так, например, глаголы *вытекать* и *капать*, помимо очевидных различий в способе перемещения жидкости, отличаются также тем, что глагол *капать* описывает такую ситуацию, в которой наблюдатель может находиться только между Q и R, а для *вытекать* это ограничение не имеет места. Поэтому в вопросо-ответной паре

(9) - *Куда вытекало масло?*

- *В трещину на дне бочки.*

замена *вытекало* на *капало* невозможна (при условии, что в ответе указывается L, принадлежащее Q).

Переменная L может замещаться вопросительной переменной и в вопросах со словом *где*. Это, однако, возможно только в том случае, когда L - обязательная переменная в толковании, т.е. описываемое глаголом движение всегда проходит через отверстие в замкнутом пространстве, ср. *Где пролез (высыпается, вытекает...)?*, но *Где выбросил?* - **Через окно*; *Где уронил?* - **В щель* (33).

Таким образом, информация об L для одного и того же глагола может быть в некоторых случаях (34) получена в виде ответа на любой из трех "местных" вопросов - с *где*, *куда* и *откуда*, ср. *Где вытекает*

(33) О *где*-вопросах к L см. также ниже, Замечание в п. 7.

(34) А именно, если в толковании этого глагола L - обязательная семантическая переменная, и наблюдатель может находиться по обе стороны от L.

масло? - Куда вытекает масло? - Откуда вытекает масло?

7. Вопросы о траектории движения.

Особой семантической переменной является траектория движения (Т) при глаголах, в толковании которых переменные Q и R факультативны - то есть при глаголах перемещения (*идти, ползти, лететь, плыть* и др., ср. *идти через лес, лететь сквозь облачность, ползти между воронок и под.*). С глаголами движения других типов (см. классификацию в начале параграфа) такого рода сочетания недопустимы, ср. **подошел/*ушел/*пришел... через лес; *подполз/*уполз/*отполз между воронок, *прилетел/*улетел сквозь облачность.* Актант Т(35) соответствует траектории движения **субъекта**, так что если глагол перемещения каузативный (как, например, *везти, тащить*), то Т обозначает путь, который проделал каузатор движения: *тащить через лес* осмысляется только как контактная каузация - каузатор передвигался через лес вместе с объектом каузации (ср. *тащить на себе*), но не как дистантная каузация (ср. *тащить из болота*).

Оператор вопроса может связывать переменную Т в вопросах со словом *где*, ср.:

(10) <Следопыты склонились над картой>.

- Где же он шел?

- Должно быть, через лес, а потом по оврагу.

Ср. также вопросы *Где R(X)?* о траектории движения с глаголами контактной каузации - *где тащил?, где вез?* и под. В случае дистантной

(35) К обоснованию включения этой переменной в число актантов глагола ср. также [Апресян 1974а, с.126 и след.; Talmy 1975; Успенский 1977, с. 72-73].

каузации спросить о траектории движения объекта с помощью *где*-вопроса, по-видимому, нельзя, ср.:

★(11) - *Где тянул?*

- *Через реку.*

При этом местоположению неподвижного каузатора в такого рода контекстах, так же, как и обычно (см. § 2, с. 77), должна соответствовать особая переменная (обозначим ее K), которая может становиться вопросительной переменной в контексте вопросов с *откуда*, ср. *Откуда тянул?*, *Откуда тащил* и под.

Замечание. С точки зрения собственно ситуации движения тела, траектория - это не все множество точек пути, а лишь некоторые выделенные точки, существенные для описания пути движения - например, препятствия на пути движения. В этом смысле указание входа/выхода из замкнутого пространства (L) есть тоже описание траектории движения, так что, вообще говоря, вместо двух переменных - T и L , находящихся в дополнительном распределении (глаголы прибытия и удаления могут содержать только L , глаголы перемещения - только T), можно было бы ввести одну общую для тех и других глаголов переменную, которая связывается оператором вопроса в контексте вопроса с *где*.

8. Краткие выводы.

Итак, в семантической структуре глагола движения различаются следующие семантические переменные, выражающие:

- 1) точку начала движения (Q);
- 2) точку конца движения (R);
- 3) направление движения ($D1$ - движение от Q ; $D2$ - движение к

R);

- 4) точку входа/выхода из замкнутого пространства (L);
- 5) множество точек, составляющих траекторию движения (T);
- 6) местонахождение неподвижного каузатора движения (K);
- 7) область пространства, которой принадлежит точка начала или конца движения (N).

Все эти переменные могут становиться вопросительными, т.е. могут быть связаны оператором вопроса. Выбор конкретной лексемы на место каждой из них дает ответ на вопрос со словом *где* (L, T, N); *куда* (K, D2, L) и *откуда* (Q, D1, L, K).

Что касается *где*-вопросов, то глаголы движения, как и прочие глаголы, допускают и партитивную, и сирконстантную, и соотносительно-временную интерпретации (см. §§ 2, 3) если в их структуре есть соответствующая семантическая переменная (36).

Замечание. За пределами нашего исследования здесь остались "неместные" употребления вопросов со словами *куда* и *откуда* при глаголах движения. Наиболее распространенным случаем, по-видимому, здесь являются такие вопросы с *куда*, которые допускают (а иногда и требуют) ответа, сообщающего цель движения: - *Куда, Фома, едешь?* - *Еду сено косить.*

(36) Заметим, что сирконстантную и соотносительно-временную интерпретации допускают все без исключения глаголы движения.

Э К С К У Р С

К ТИПОЛОГИИ ЛОКАТИВНЫХ ВОПРОСОВ

Система вопросительных слов со значением местонахождения в русском языке достаточно богата, в особенности если сравнивать ее с такими европейскими языками, как английский, французский, польский, болгарский(37). Например, ни в одном из этих языков нет специального вопросительного слова, маркирующего вопросы к конечной точке движения, ср. русское *куда* и *где* и французское *où*, соответствующее обоим лексемам. Если исходить из предположения, что любой смысл может быть выражен на любом языке, то особый интерес представляет то, как в языках с различным (в том числе и количественно) набором вопросительных средств оформляются вопросы о местонахождении разной семантики.

Общий принцип синтеза ответов на локативный вопрос сводится к заполнению конкретной лексемой той локативной семантической переменной в структуре глагола, которая связана оператором вопроса. Он верен для любого языка и основан на принципиально сходном для всех языков логико-семантическом представлении вопросительных предложений. Различие же между языками типа французского и типа русского заключается в том, какие ограничения накладывает система вопросительных слов данного языка на процедуру превращения семантических переменных глагола в вопросительные. Чем беднее система вопросительных слов, тем меньше в языке ограничений на то, какую валент-

(37) Заметим, что немецкий язык относится к языкам с богатой системой, причем по числу выражаемых противопоставлений, по-видимому, превосходит даже русский язык, ср. такие возможные соответствия русскому *откуда*, как *woher* и *woherum* и русскому *куда*, как *wohin* и *wohinans*.

ность предиката может заполнять вопросительная переменная; в предельном случае, т.е. в случае единственного вопросительного слова, вопросительная переменная заполняет любую локативную валентность (38). Если же "местных" вопросительных слов много - как в русском языке (ср. *где, куда, откуда, на чем, из чего...*), то за каждым из них закрепляется некоторое подмножество соответствующего множества семантических переменных. Так, в вопросах с *куда* в русском языке вопросительная переменная заполняет в основном (локативную) валентность конечного пункта движения, в вопросах с *откуда* - в основном валентность исходного пункта движения и т.д. В том случае, если такое подмножество семантических переменных более чем одноэлементно (случай французского *où*, при котором оператор вопроса может связывать по крайней мере две переменные - собственно местонахождения и конечной точки движения), интерпретация вопроса слушающим производится на основании анализа валентной структуры глагола. То или иное осмысление вопроса выбирается в зависимости от того, какая семантическая валентность (из данного подмножества) допускается семантической структурой данного глагола.

Ср. французское *Où était-il né?* - *Где он родился?*; но: *Où va-t-il?* - *Куда он идет?*; ср. также болгарское: *Къде си загубил ключовете?* - *Где ты потерял ключи?*; *Къде ти беше?* - *Где ты был?*, но: *Къде той изпрати писмото?* - *Куда он послал письмо?*; *Къде той отиде?* - *Куда он пошел?*

Вообще говоря, в структуре одного и того же глагола может быть

(38) Именно так, видимо, устроен ряд африканских языков, в которых единственное вопросительное слово обслуживает все или практически все семантические переменные при глаголах движения. Заметим, что в этих языках не различается и их поверхностное оформление, ср., например, [Кибрик 1970, с.145].

несколько разных локативных семантических переменных - например, переменная траектории, по которой движется тело, и переменная конечной точки движения. В языке с богатой системой вопросительных слов эти переменные обычно попадают (или, по крайней мере, могут попадать) в разные подмножества, так что при замещении их вопросительной переменной будут получаться разные вопросы, ср. русское *Где ты шел?* и *Куда ты шел?* Естественно задать вопрос, как выражаются такого рода противопоставления в языках, в которых, вообще говоря, не предусмотрено средств для их выражения - то есть в языках с бедной системой вопросительных слов.

Во-первых, в таких случаях может использоваться специальное (неэлементарное) вопросительное средство, например, имеющее вид словосочетания, заполняющего недостающую клетку в системе вопросительных слов. Так, во французском языке вопрос с *où* может пониматься и как вопрос о траектории, и как вопрос о конечной точке движения (ср. русский язык, в котором на вопрос *куда?* нельзя ответить описанием пути движения), но если необходимо специально указать на то, что в ответе требуется именно описание пути, то есть подчеркнуть различие между траекторией и другими семантическими переменными, то используется сочетание *par où*.

Во-вторых, простота системы вопросительных слов может компенсироваться за счет сложности системы глагольной лексики. Так, в болгарском языке существует несколько различных глаголов, соответствующих одному русскому глаголу *идти*, в частности глагол *отивам*, имеющий валентность на конечный пункт (цель) перемещения, и глагол *вървя*, имеющий валентность на траекторию перемещения. Ср.:

- (12) - *Къде върви той?* 'Где он идет?'
 - *През гората.* 'Через лес.'
 <★ - *В градината.* 'В сад.' >
 (13) - *Къде отива той?* 'Куда он идет?'

- В градината.

<★ - През гората.>

Разумеется, возможны и случаи неразличения языком отдельных значений; в частности, возможна омонимия вопросов о конечной точке и траектории движения. Так болгарское предложение *Къде плува корабът?* может означать как 'Куда плывет корабль?' (= 'Каков конечный пункт движения корабля?'), так и 'Где плывет корабль?' (= 'В какой точке траектории находится корабль?') (39).

Как видим, в случае нескольких локативных актантов при одном глаголе необходимы особые, дополнительные правила (свои для каждой пары языков), обеспечивающие адекватность синтеза и анализа текста (40).

(39) Напомним, что смысл 'Каково направление движения корабля?', который в русском языке обычно выражается так же, как и вопрос о конечном пункте движения (с помощью слова *куда*), в болгарском языке выражается особым способом: *На къде плува корабът?*

(40) Автор приносит благодарность Э. Илиевой и В. А. Плунгяну за консультации по болгарскому языку.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Подводя итог всему изложенному выше, отметим следующее.

1. Предметом исследования в настоящей работе служили местоименные вопросы и способы построения правил, обеспечивающих получение множества правильных ответов на них.

2. Минимальной единицей исследования была признана замкнутая вопросо-ответная пара, не зависящая от предшествующего и последующего контекста.

3. Утверждается, что результаты синтаксических исследований недостаточны для построения вопросо-ответных пар с правильными ответами; идея синтаксической субституции (то есть получения ответа простой подстановкой языкового выражения на место вопросительного местоимения) сосредоточивает внимание исследователей на **форме** представления информации, требуемой в ответе. Между тем, вопрос определяет **содержание** ответной информации, оставляя за слушающим большую свободу в выборе ее формы.

4. Основным понятием при защищаемом здесь семантическом подходе к описанию местоименных вопросов является понятие **вопросительной переменной**. Это та переменная в семантической структуре языкового

выражения, попадающего в сферу действия вопросительного слова, которая связана оператором вопроса. Вопросительная переменная представляет собой формальный аналог понятия "содержание вопроса", "то, о чем задается вопрос". Процедура построения ответа на вопрос сводится в конечном счете к замене вопросительной переменной лексическими единицами, удовлетворяющими необходимым требованиям. Таким образом, непременным условием полного семантического анализа вопросительного предложения является определение в его семантическом представлении точного места вопросительной переменной.

5. При исследовании процедуры замещения вопросительной переменной на конкретное языковое выражение оказалось целесообразным различать два этапа этой процедуры. На первом этапе отвечающий производит выбор из множества внеязыковых объектов - предметной области вопросительной переменной. На втором этапе отвечающий имеет дело с множеством выбора вопросительной переменной, то есть совокупностью различных языковых номинаций выбранного языкового объекта.

6. В принципе, исчисление всех возможных позиций вопросительной переменной для каждого вопросительного слова и всех возможных способов ее заполнения дало бы возможность сопоставить каждому местоименному вопросу список релевантных ответов. Выбор из этого множества ответов в реальной языковой практике осуществляется на прагматическом уровне. Этот уровень языкового представления не имеет пока формального описания и не может быть учтен в настоящей работе; однако до тех пор, пока семантическое описание вопроса не осуществлено, исчерпывающие исследования по прагматике вопроса невозможны.

7. Удачным материалом для иллюстрации возможностей семантического подхода к исследованию вопросительных предложений являются, по

нашему мнению, вопросы со словами *какой* и *где*, разобранные во второй и третьей главе.

8. Исследование вопросов со словом *какой* расширяет представление о типе лексикографической информации, необходимой для описания вопросо-ответных пар с частными вопросами. Было показано, что оператор вопроса может связывать не только семантическую переменную в структуре именной группы, которая попадает в сферу действия слова *какой*, но и другие фрагменты семантической структуры этого слова. Кроме того, вопрос со словом *какой* представляет один из самых сложных случаев соотношения предметной области и множества выбора вопросительной переменной, и поэтому оказывается весьма ценным материалом для исследования вопросительной переменной в этом аспекте.

8. На материале вопросов со словом *где* было показано многообразие тех семантических переменных в структуре предиката, входящего в сферу действия *где*, которые могут быть связаны оператором вопроса. Вопросы со словом *где* к глаголам движения анализируются в сопоставлении с вопросами, содержащими слова *куда* и *откуда*; для каждого типа локативного вопроса устанавливаются наборы семантических переменных, способных связываться оператором вопроса. Результатом такого подробного семантического анализа вопросительных слов является, в частности, возможность описания синонимических и квазисинонимических преобразований вопросов с этими местоимениями.

10. В целом предлагаемое исследование конкретного языкового материала призвано, строго говоря, лишь иллюстрировать принципы семантического подхода к теории диалога, развиваемой в настоящей работе. Представляется, однако, что с точки зрения других задач лингвистической теории и практики, в частности, задач лексикографии,

результаты, полученные в работе в ходе исследования конкретного языкового материала, приобретают самостоятельный интерес.

11. Предложенная модель вопросо-ответного отношения, опирающаяся на понятие логико-семантической структуры вопроса, позволяет не только единообразно описывать конструкции с различными вопросительными словами в конкретном языке, но и установить типологически существенные критерии для сопоставления систем вопросительных средств в разных языках.

П Р И Л О Ж Е Н И Е 1

Об одной разновидности локативных вопросов

Среди типов локативных вопросов выделяется такая разновидность, которая по своим семантическим свойствам существенно отличается от остальных. Это, прежде всего, вопросы со словом *где*, в которых в качестве предиката в сфере действия вопросительного слова выступает глагол *быть* в форме настоящего актуального времени, поверхностно выраженный нулевой словоформой. При этом, как показывают наблюдения, вопросительное слово *где* употребляется в контексте этого предиката во много раз чаще, чем в контексте других предикатов. Ср. некоторые типичные примеры таких употреблений(1):

(1) <входит Софья>

- *Где Арбенин?*

- *Ушел... не слышит и не видит; как бешеный бросился в дверь...*

(Лермонтов)

(2) - *Да где же тот проклятый мешок?*

- *Я кинула его в угол, там больше ничего нет.*

(Гоголь)

(1) В связи с тем, что, как будет показано ниже, анализ диалогов подобного рода требует обращения к контексту, в настоящем разделе мы сочли целесообразным не прибегать к искусственным примерам.

(3) - *А где твоя напарница? Где Раиса Петровна?*

- *В гастроном ушла. За сосисками.*

(Вампилов)

При анализе таких вопросо-ответных пар обнаруживается, что в большинстве случаев в ответе на вопрос со словом *где* место нахождения объекта вообще не указывается, ср. (1), а также:

(4) - *Друзья мои... Где же они все?*

- *Едва я вошел, как они вышли на цыпочках.*

(Шварц)

(5) - *"Скажите, где же ваш приятель?" -*

Ему вопрос хозяйки был; -

"Он что-то нас совсем забыл".

....

"Сегодня быть он обещал, -

Старушке Ленский отвечал, -

Да, видно, почта задержала".

(Пушкин)

(6) Князь.

Я в магазине нынче видел вас.

....

Вы были заняты...

Нина.

Браслет я подбирала

(вынимает из ридикюля)

Вот к этому.

Князь.

Премиленький браслет,

Но где ж другой?

Нина.

Потерян.

(Лермонтов)

Эти и многие другие примеры иллюстрируют такое употребление вопроса со словом *где*, при котором правильным, удовлетворительным оказыва-

ется "неместный" ответ. Замечательно, что лицу, задающему вопрос, всякий раз оказывается совершенно достаточно той информации, которая сообщается в подобного рода ответах, то есть спрашивающий ведет себя так, как если бы он не был заинтересован в том, чтобы узнать место нахождения объекта - другими словами, так, как если бы и не спрашивал *где?* Только так можно объяснить и то обстоятельство, что во многих случаях замена реального "неместного" ответа на "местный" дает неудачную вопросо-ответную пару, ср.:

(7) - *Где же гости? - спросила Маргарита у Коровьева.*

- *Будут, королева, будут, сейчас будут.*

(Булгаков)

По всей видимости, Маргариту, ожидающую гостей, не удовлетворили бы сведения о действительном их местопребывании.

(8) - *Где же учитель? - спросил он у вошедшего слуги.*

- *Нигде не найдут-с, - отвечал слуга.*

(Пушкин)

Слуга не знает, где учитель, которого ищут по всему дому. Но если бы знал и на вопрос Троекурова ответил бы, например: *В саду*, вряд ли Троекуров был доволен таким поведением своего слуги - совершенно очевидно, что он не о том спрашивал. Еще более показателен пример (9):

(9) - *Где Алеша с Николкой, в самом деле?*

- *Я сам беспокоюсь... Пять минут жду, а после этого иду навстречу.*

(Булгаков)

Отвечающий знает почти наверняка, где должны быть Алеша с Николкой - иначе он не знал бы, куда ему идти. Между тем, он реагирует на заданный вопрос так, как если бы не был в состоянии на него ответить, поскольку никаких сведений о том, где находятся Алеша с Николкой, он не сообщает. Более того, - спрашивающий и не ожидает,

что ему будут сообщены эти сведения, так как он оказывается совершенно удовлетворен полученным ответом. Ср. еще один пример:

(10) - *Ступай на улицу... или нет, стой!*... Да другие-то где? Неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

- *Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен...: привезли его поутру мертвецки.*

(Гоголь)

Ответ содержит прямое указание на местонахождение объекта: Прохоров в частном доме. Однако, если бы отвечающий ограничился только этим высказыванием, спрашивающий явно был бы неудовлетворен. Напротив, как это ни парадоксально, если бы он случано "забыл" сказать, где Прохоров, провала коммуникативного акта, по-видимому, не было бы, ср.:

(10а) - *Ступай на улицу... или нет, стой!*... Да другие-то где? Неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

- *Прохоров к делу не может быть употреблен...: привезли его поутру мертвецки.*

Все это свидетельствует о том, что подобные вопросо-ответные пары нельзя квалифицировать как содержащие вопрос (и, соответственно, требующие ответ) о местонахождении.

Целесообразно считать, что в таких случаях в ответе указывается причина отсутствия объекта в некотором пространстве, находящемся в поле зрения спрашивающего. Иначе говоря, отвечающий на вопрос *Где А?* часто строит свою реплику так, как если бы он отвечал на вопрос *Почему А здесь нет?* Ср. в этой связи замечание Е. В. Падучевой [1981], высказанное в связи с проблемой классификации ответов: "На интуитивном уровне различие между прямым и непрямым ответом обычно очевидно. (Есть, впрочем, и пограничные случаи. Так, на вопрос *Где*

Ваня? ответная реплика *Он ушел* в определенной ситуации воспринимается как прямой ответ. Вероятно, дело в том, что этот вопрос может приобретать нестандартную семантику и означать нечто вроде 'Почему я не вижу Вани?'").

Действительно, если понимать вопросы в приведенных выше примерах (3)-(9) именно так, окажется, что реакция отвечающего вполне естественна, ср.:

- (4а) - *Друзья мои... Почему же их нет?*
 - *Едва я вошел, как они вышли на цыпочках.*
- (5а) - *Почему с вами нет вашего приятеля?*
 - *Сегодня быть он обещал, ... да, видно почта задержала.*
- (6а) - *Премиленький браслет, но почему здесь нет другого?*
 - *Потерян.*
- (7а) - *Почему же нет гостей?*
 - *Будут, королева, будут, сейчас будут.*
- (8а) - *Почему здесь нет учителя? (~ 'почему до сих пор учителя здесь не привели сюда')*
 - *Нигде не найдут-с.*
- (9а) - *Почему нет Алеши с Николкой, в самом деле?*
 - *Я сам беспокоюсь... Пять минут жду, а после этого иду навстречу.*
- (10а) - *Почему здесь нет Прохорова?*
 - *Прохоров к делу не может быть употреблен...: привезли его поутру мертвецки.*

Подобное причинное понимание вопросов со словом *где* возможно не всегда, а только в том случае, когда говорящий обнаруживает несоответствие между имевшейся у него презумпцией о том, что объект А должен находиться в поле его зрения, и реальным положением вещей.

Так, герой пьесы Е. Шварца (пример 4) только что был окружен своими друзьями, он обращается к ним: *Друзья мои!* - и вдруг обнару-

живает, что никого нет. Ларина ожидала увидеть с Ленским Онегина, а Ленский приехал один (пример (5)); Елена считает, что братья должны бы уже вернуться, а их все нет (пример (9)) и т. д.

Итак, говорящий считает, что в момент речи объект А должен находиться в поле его зрения W - вот условие, необходимое для того, чтобы вопрос *Где А?* понимался как 'Почему А нет в W?'

Разумеется, есть ситуации, в которых у говорящего (т. е. у задающего вопрос *Где А?*) такой презумпции нет. В этом случае *где* понимается как "местное" *где* и ответ на вопрос есть информация о местонахождении А, ср. (11):

(11) <...Спросил, здесь ли живет чиновник Красинский.

- Пожалуйста, в сорок девятый номер. - был ответ.>

- А где вход?

- Со двора.

(Лермонтов)

В этом отношении интересны вопросы с местоимениями первого лица - *Где я* и *Где мы?* Для того, чтобы эти вопросы осмыслились, как "неместные", нужно, чтобы имелась презумпция 'говорящий ожидает увидеть себя'; но такое возможно лишь в ситуации с изображением говорящего, которое он сам может увидеть (на картине, фотографии и т. д.). Во всех других случаях вопрос со словом *где* к местоимению первого лица - это вопрос о месте нахождения, ср.:

(12) - Но все-таки где мы?

- Мы перенеслись в волшебную страну.

(Шварц)

(13) - Где я? Какой это город?

- Ну, Ялта.

(Булгаков)

С другой стороны, можно найти и такие контексты употребления, в которых преимущественно пользуется "неместный" анализ - это вопросы

к отглагольным именам, ср.:

(14) - *А где же поминки?*

- *Видишь ли, я не успел как следует подготовиться.*

(Вампилов)

Более того, в случае, если имя образовано от глагола состояния и, следовательно, обозначает ситуацию, которая, как принято говорить, не способна "развертываться" во времени и пространстве, "местная" интерпретация, предполагающая возможность выбора из многих точек пространства, вообще исключена, ср.: *Где Ваша доблесть?; Где Ваши знания, молодой человек?* Так, распространенный ответ на последний вопрос - *Я учил* - есть отрицание презумпции спрашивающего 'У Вас нет знаний': 'Я учил, следовательно, сделал все от меня зависящее, чтобы у меня были знания; у меня должны быть знания'. Но указанная презумпция может иметься только у задающего "причинный", а не "местный" вопрос со словом *где*, т.к. "местный" вопрос со словом *где* содержит как раз обратную презумпцию, то есть презумпцию наличия объекта в некоторой точке пространства (говорящему неизвестной).

Итак, "местные" и "причинные" употребления *где* противопоставлены: имеются вопросы с *где*, не которые возможны только (или практически только) ответы, содержащие информацию о местоположении объекта (таковы, например вопросы к местоименным первого лица) и вопросы с *где*, которые могут пониматься только как вопросы о причине отсутствия объекта в данном месте (таковы вопросы к отглагольным именам ситуаций).

Однако в большинстве своем вопросы со словом *где*, изъятые из контекста, допускают и ту, и другую интерпретацию.

Замечание. Неоднозначность иногда сохраняется даже в том случае, если мы имеем не один вопрос, а целую вопросо-ответную

пару. Так, ответ в примере (15):

(15) - *А где, если не секрет, жена ваша?*

- *Она сейчас, видите ли, в Сухуми. Отдыхает.*

(Вампилов)

может быть проинтерпретирован и как ответ на местный вопрос (говорящего интересует, где находится жена его собеседника), и как ответ на причинный вопрос (говорящего интересует, почему жена не пришла вместе с мужем). Здесь сообщение о действительном месте пребывания есть уже достаточное объяснение причины отсутствия: 'Ее нет потому, что она на курорте'.

Однако встречаются примеры, показывающие, что носитель языка может осознавать эти интерпретации как два разных вопроса, ср., например, (16):

(16) - *Где Ирина?*

- *Ирина на кухне, кофе готовит.*

- *А Вероника где?*

- *Сейчас придет.*

- *Где она?*

- *Дома.*

(Розов)

Спрашивающий вынужден был переспросить именно потому, что адресат ответил не на тот вопрос, который имелся в виду. Но при этом второй вопрос - тот, который должен объяснить слушающему, что его реакция была неверной, что от него требуется другая информация - практически совпадает с первым! Поэтому для того, чтобы отвечающий повел себя так, как это действительно случилось, а именно ответил на второй вопрос не просто иначе, а так, чтобы ответ удовлетворил спрашивающего, - он должен осознать, что он отвечает на два разных вопроса. Первый - о том, почему в комнате нет Вероники. "Вопрос не по су-

ществу, - отвечает адресат, - Вероника сейчас придет, и сию же минуту презумпция, дающая право задать такой вопрос, перестанет иметь место". Второй вопрос - омонимичный первому, - это вопрос о месте, в котором в данный момент находится Вероника. Именно так его и понимает отвечающий:

- *Где она?*

- *Дома.*

Замечание. Назвав эти два вопроса омонимичными, мы, конечно же, несколько огрубил положение. В действительности русский язык располагает средством, позволяющим противопоставить разные интерпретации одного вопроса - это смена фразового ударения. В самом деле, правильной расстановкой фразовых ударений в (16) было бы:

(16а) - *А **Вероника** где?*

- *Сейчас придет.*

- *Где она?*

- *Дома.*

Значительно хуже:

(16б) - *Где **Ирина**?*

- *На кухне.*

- *А Вероника где?*

- *Сейчас придет.*

- *Где она?*

- *Дома.*

И, совсем, на наш взгляд, неприемлемо:

★(16в) - *А **Вероника** где?*

...

- *Где **она**?*

Фразовое ударение на имени, входящем в сферу действия воп-

росительного слова, характеризует причинные вопросы со словом *где*, фразовое ударение на самом вопросительном слове - местные. *Где я?* - вопрос человека, потерявшего ориентацию; вопрос *Где я?* в таком случае, видимо, невозможен. Это, скорее, вопрос человека, который тщетно пытается отыскать на фотографии свое изображение среди других.

Заметим, что обратный порядок вопросов в примере (16) невозможен в силу того общего правила, что вопрос о месте нахождения не может предшествовать вопросу о причине отсутствия, ср.:

★(16г) - *А Вероника где?*

- *Дома.*

- *Где она?*

- *Сейчас придет.*

Для того, чтобы иметь возможность в данном контексте задать причинный вопрос, говорящему необходимо иначе его сформулировать; ср. вполне допустимый диалог (16д):

(16д) - *<Так вы нашли Веронику?> Где она?*

- *Дома.*

- *А почему не здесь?*

- *Сейчас придет.*

Запрет на (16г) объясняется тем, что "неместный" вопрос со словом *где* не сводится только к требованию указать причину отсутствия объекта в наблюдаемом говорящим пространстве - он имеет свою специфику употребления, которая обусловлена презумптивной частью его семантического представления. В тот момент, когда говорящий в (16г) задает второй вопрос, уже невозможен эффект "обманутого ожидания": говорящий уже знает (ему только что сообщили), что Вероники нет. Между тем, именно ситуация "обманутого ожидания" создает условия, необходимые для причинного *где*: говорящий должен быть уверен, что Верони-

ка в комнате, и вдруг обнаружить, что ее нет.

Из сказанного следует, что причинные вопросы с *где* и вопросы с *почему* далеко не всегда взаимозаменяемы. Но различие в их значении не затрагивает того аспекта коммуникативного акта, который принято понимать под вопросительностью - этим вопросам сопоставляется одно и то же множество ответов и, следовательно, одна и та же структура вида 'Сделай так, чтобы я знал Р'. Таким образом, для адекватного описания этих вопросов, которое бы учитывало и разницу в их употреблении, требуется некоторая дополнительная (относительно формулы 'Сделай так, чтобы я знал') информация - она касается условий, побудивших говорящего задать вопрос. Вообще говоря, такие "побудительные" условия являются естественной предпосылкой любого вопроса. Однако в некоторых случаях она составляет настолько существенную характеристику диалога, что даже специальным образом маркируется в языке. Причинное *где* здесь не исключение. Так, специально маркируются, например, побудительные условия, обратные тем, которые характеризуют *где* причинное: в случае, если говорящий не ожидал увидеть объект А (т.е. если у него имелась презумпция, что объекта А не должно быть в поле его зрения), в качестве вопроса о причине появления А обычно употребляется вопрос со словом *откуда*. Так, встречая знакомого, которого мы не ожидали увидеть, мы спрашиваем: "Откуда ты?"; семантическая структура этого вопроса примерно следующая: 'Я полагал, что ты не должен находиться здесь; сделай так, чтобы я знал причину того, что ты здесь находишься'. Ср. другие характерные вопросо-ответные пары:

(17) - *Откуда гроши, рассказывай.*

- *Украл.*

(Вампилов)

(18) - *Откуда у вас машина?*

- *Подарок судьбы...*

(Арбузов)

(19) - *Человек ты... извини за выражение, совсем... никудашный... никчемный, но гордость в тебе - чисто барская. Откуда бы?*

- *Врожденная.*

(Горький)

Собственно "местные" ответы в данных контекстах неприемлемы (так же, как и в случае причинного *зде*). Ср. пример (20), в котором восприятие ответа как иронически-уклончивого возникает, в частности, в силу того, что "местные" ответы запрещены языковыми правилами:

(20) - *Откуда у тебя такие мысли?*

- *Из учебника политэкономии.*

(Вампилов)

Показательны в этом отношении диалоги с вопросом типа *Откуда ты знаешь?* Это всегда вопрос-удивление: спрашивающий не ожидал, что адресат знает нечто, его вопрос - реакция на этот неожиданный для него факт - направлен, так сказать, на выявление "причины знания":

(21) - *Откуда советник знает, что я здесь?*

- *Он следил за тобой.*

(Шварц)

(22) - *А вы знаете, что такое оборотительная женщина?*

- *Конечно.*

- *Откуда?*

- *Это во мне сидит.*

(Арбузов)

(23) < - *Смерть-то, оказывается, груба. Да еще и грязна. Она приходит с целым мешком отвратительных инструментов, похожих на докторские... >*

- *Откуда вы это знаете, принцесса?*

- *Смерть подошла так близко, что мне видно все.* (Шварц)

Многочисленны и примеры использования вопросов со словом *куда* как высказываний, представляющих собой реакцию на обнаружившееся несоответствие презумпций говорящего и действительного положения вещей. В этом случае у говорящего имеется презумпция, что объект должен в течение некоторого времени продолжать находиться в поле его зрения, и когда оказывается, что в действительности это не так, говорящий пытается выяснить причину несоответствия:

(24) - *Ты куда?... Вы куда? - крикнул он на трех солдат, которые, без ружей, подобрав полы шинелей, проскользнули мимо него в ряды. - Стой, канальи!*

(Л. Толстой)

В (24) говорящий спрашивает солдат не о том, куда они бегут, - это он, скорее всего, и сам знает - а о том, почему они бегут.

Ср. также:

(25) - *Ну что ж, Аполлодор порадуетя твоей любви к жизни.
Прощай!*

- *Куда ты?*

- *Я должен идти.*

(Радзвинский)

(26) - *Куда ты, сынок?*

- *Нам пора.*

(Вампилов)

(Ответ вполне удовлетворительный, если считать, что вопрос задан о причине поспешного ухода героя).

Итак, мы рассмотрели группу локативных вопросов причинной семантики. Теоретическое описание таких вопросов представляет собой известную проблему. Действительно, эти вопросы, с одной стороны, не могут, видимо, считаться вопросами нестандартной семантики, так как они не утратили ни одного релевантного свойства вопроса как речево-

го акта (ср. принципиально иное положение в случае риторических вопросов, экзаменационных вопросов или вопросов-просьб). С другой стороны, описание этих вопросов с помощью вопросительной переменной, аналогичное описанию обычных локативных вопросов, невозможно: здесь вопросительная переменная заполняет не локативную валентность предиката, попадающего в сферу действия вопросительного слова - то есть глагола *быть*, а другую семантическую валентность (со значением причины) при другом предикате ('отсутствовать в поле зрения говорящего'). Особенность этих вопросов состоит в том, что отвечающий, зная презумпцию говорящего, обязан, в соответствии с некоторыми семантико-прагматическими закономерностями, сделать поправку и заменить в семантическом представлении один предикат другим. Таким образом, можно говорить о существовании особого типа семантической нестандартности, при котором вопрос не выводится за пределы того речевого акта, к которому он принадлежит, так как по-прежнему содержит требование некоторой неизвестной говорящему информации. Нестандартным же является лишь соотношение языковой формы вопроса и характера запрашиваемой информации.

П Р И Л О Ж Е Н И Е 2

К о п и с а н и ю в о п р о с о в о п р и ч и н е и ц е л и

Вопросы о причине и цели должны, по-видимому, стать предметом специального исследования - семантически они ничуть не проще вопросов с *какой* и *где*. Ниже мы хотели бы коснуться лишь одной частной проблемы, связанной с описанием этих вопросов. Представляется, однако, что предлагаемые решения могут служить отправным пунктом в дальнейших рассуждениях о вопросах этого типа.

Настоящий фрагмент посвящен сопоставлению категорий причины и цели в том виде, как они выражены в естественном языке. Материалом послужили вопросо-ответные пары русского языка, содержащие вопросы стандартной семантики (ср. Главу I) со словами *почему* и *зачем*.

1

Общепринятым является такое противопоставление причины и цели, при котором вопрос о причине ситуации задается в русском языке с помощью слова *почему*, а вопрос о цели - со словом *зачем*(1). От-

(1) Мы отвлекаемся здесь от рассмотрения синонимических рядов каждого из названных вопросительных слов. Заметим, однако, что, согласно существующим синонимическим словарям, они не пересекаются (см., например, [Евгеньева 1970]).

веты на такие вопросы вводятся соответственно так называемыми причинными и целевыми союзами (ср., с одной стороны, *потому что; так как; ибо* и, с другой стороны, - *чтобы; для того, чтобы* и т. д.). Иными словами, есть два разных значения - 'цель' и 'причина', и есть специальные языковые средства, их различающие.

Этому представлению, с нашей точки зрения, противоречат следующие два языковых факта. Во-первых, имеется чисто поверхностный запрет на выбор "правильного" вопросительного слова, а именно: в современном русском языке не допускаются вопросы со словом *зачем* и глаголом с отрицанием: в таких случаях соответствующий вопрос задается с помощью слова *почему*:

(1а) - *Почему вы не сказали мне об этом?*

- *Не хотел вас расстраивать.*

(2а) - *Объясни, почему не сел в кресло? - спросил Пилат.*

- *Я грязный, я его запачкаю.*

(М. Булгаков)

Ср. недопустимость (1а) и (2а) со словом *зачем*, хотя целевые (с морфологической точки зрения) ответы в этих случаях вполне возможны:

(1б) * - *Зачем вы не сказали мне об этом?*

- *Чтобы вас не расстраивать.*

(2б) * - *Зачем ты не сел в кресло?*

- *Чтобы не запачкать.*

Заметим, что если бы в примерах типа (1) и (2) не было отрицания, то вопросы с *зачем* были бы допустимы, как и вопросы с *почему*: *Зачем (почему) вы сказали мне об этом? Зачем (почему) ты сел в кресло?* и т. п.

Для понимания природы семантического противопоставления причины и цели факт запрета вопросов с *зачем* к глаголам с отрицанием - обстоятельство очень существенное, так как это создает зону

употреблений, в которой никакого противопоставления нет.

Во-вторых, в реальных диалогах, как устных, так и письменных, очень часты случаи, когда на вопрос о причине отвечают целью, а на вопрос о цели - причиной(2). Мы имеем в виду морфологическую несоотнесенность вопросов и ответов, когда вопрос оформляется как вопрос о причине, а ответ вводится целевым союзом, и наоборот, ср.:

(3) - *Зачем вы идете на войну?*

- *Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь не по мне.*

(Л. Толстой)

(4) - *Зачем ты приехал?*

- *Отец велел.*

(Л. Толстой)

(5) <Рыцарь снимает латы и шагает через подоконник.>

- *Почему он избрал столь опасный путь?*

- *Чтобы не разбудить нас, бедных.*

(Е. Шварц)

(6) - *Бабушка, почему у тебя такие большие уши?*

- *Чтобы лучше слышать.*

Показательно, что такие диалоги никак нельзя признать неудачными, "провалившимися" - они не нуждаются в продолжении: спрашивающий каждый раз оказывается удовлетворен ответом. Однако допустимость таких диалогов не может быть объяснена, исходя из изложенного выше представления о цели и причине. Устранению указанных противоречий в трактовке вопросо-ответных пар с *почему* и

(2) Ср. в этой связи следующее характерное рассуждение: "Зачем я пишу? Я пишу, потому что не могу не писать. На вопрос о цели - ответ о причине, и другого быть не может". (М. Цветаева. *Поэт о критике.*)

зачем будет посвящено дальнейшее изложение.

2

Нам кажется удобным, по крайней мере на первом этапе решения этой проблемы, отказаться от терминов "причина" и "цель" и ввести общее понятие **оправдание некоторой ситуации** (3). Пусть дана ситуация B и требуется построить ее оправдание. Существуют, как представляется, по крайней мере три различных способа, которыми это можно сделать, а именно:

1) Предъявить такую ситуацию C из множества ситуаций, не требующих оправдания, для наступления которой **необходимо** B . Последнее в данном случае означает, что, во-первых, ситуация C может иметь место только после ситуации B , а во-вторых, что если не имеет место B , то C не может иметь места. Иначе говоря: $\sim B \implies \text{позже } \sim C$.

2) Предъявить такую ситуацию C' из множества ситуаций, не требующих оправдания, для наступления которой **достаточно** B , то есть такую ситуацию C' , которая, во-первых, может иметь место только **после** B , а во-вторых, если имеет место B , то C' будет иметь место: $B \implies \text{позже } C'$.

3) Предъявить такую ситуацию A , не требующую оправданий, при которой $A \implies \text{позже } B$ (то есть A достаточно для B).

С морфолого-синтаксической точки зрения, указанные три типа возможных оправданий ситуации B оформляются следующим образом.

(3) В мире говорящего и слушающего практически всякая новая ситуация имеет оправдание, однако существуют ситуации, которые его не требуют: это такие ситуации, "ценность" которых очевидна, то есть как бы заранее задана в мире говорящего и слушающего. Такова, в частности, ситуация "лучше слышать" в примере (6).

Для оправданий первого рода обычно используются целевые союзы: <- Зачем V ?> - V , чтобы C : <- Зачем ты развел костер?> - Я развел костер, чтобы не замерзнуть (C). Ситуация C может, кроме того, вводиться непосредственно как входящая в формулу $\sim V \implies$ позже $\sim C$; такое оправдание оформляется с помощью причинного союза: V , потому что если $\sim V$, то позже $\sim C \iff$ Потому что иначе $\sim C \iff$ Иначе $\sim C$:

(7) - Зачем ты развел костер?

- Иначе я замерзну.

(Я развел костер (V), потому что если бы я не развел костер, то <позже> я бы замерз ($\sim C$) <а нужно, чтобы я не замерз (C)>(4).

Ср. также (9):

(9) - А иконка зачем?

- Ну да, иконка... но дело в том, что он, консультант, он, будем говорить прямо, с нечистой силой знается... и так

(4) Последнее утверждение - в угловых скобках - условно эксплицирует идею вхождения C в множество ситуаций, не требующих оправдания. Как только оказывается, что в качестве оправдания (любого типа) предъявляется ситуация, которая, по мнению слушающего, не принадлежит этому множеству, такое оправдание признается неудачным и начинается диалог типа (8):

(8) <- Еду сено косить.>

- На что тебе сено?

- Коровок кормить.

- А на что тебе коровки?

- Молоко доить.

- А на что молоко?...

который продолжается до тех пор, пока, спрашивающему, наконец, не будет предъявлена ситуация, не требующая оправдания.

его не поймаешь.

(Булгаков)

\simeq Нужна иконка (B), потому что так (то есть без иконки - $\sim B$) не поймаешь консультанта ($\sim C$), <а нужно поймать (C)>.

Контрапозиции такого рода утверждений ($C \implies$ раньше B) сохраняют истинность, хотя и не используются в качестве реальных оправданий(5), ср.: Я не замерз, потому что <раньше> развел костер; Если консультанта поймали, то непременно с иконкой.

Оправдания второго рода вводятся причинными союзами: B , потому что если B , то позже $C' \implies$ Потому что тогда (так) $C' \iff$ Тогда (так) $C' \iff C'$, ср.:

(10) - Зачем ты развел костер?

- С ним не так холодно.

(11) - Послушайте, зачем вы сбрили баки?

- Гримироваться удобнее.

(Булгаков)

Оправдание третьего рода также вводится причинными союзами: B , потому что в некоторый более ранний момент имело место A , такое, что если A , то позже $B \iff B$, потому что $A \iff$ Потому что A .

(12) - Почему ты развел костер?

- Хотел посмотреть, как он будет гореть.

Заметим, что три указанных выше типа оправданий представляют собой реализацию трех из следующих шести возможных отношений между двумя ситуациями - P и Q , где P - данная ситуация, а Q - ситуация, предлагаемая в качестве оправдания:

(5) Как можно заметить, все оправдания используются только в той форме, которая содержит стрелку \implies позже.

1) $Q \Rightarrow$ позже P	5) $\sim Q \Rightarrow$ позже P
2) $P \Rightarrow$ позже Q	6) $\sim P \Rightarrow$ позже Q
3) $\sim Q \Rightarrow$ позже $\sim P$	7) $Q \Rightarrow$ позже $\sim P$
4) $\sim P \Rightarrow$ позже $\sim Q$	8) $P \Rightarrow$ позже $\sim Q$

А именно: случаю (1) соответствуют оправдания третьего рода, случаю (2) - оправдания второго рода, случаю (3) - оправдания первого рода; ситуация, связанная с ситуацией Q отношением (5)-(8), не может служить ей оправданием. Случай (4), по-видимому, допускает интерпретацию P как оправдания Q (хотя в реальных текстах нам не встретилось соответствующих примеров), ср. следующий ответ на вопрос *Зачем ты развел костер? (Зачем P ?) - Не замерз бы, не разводил бы ($\sim A \Rightarrow$ позже $\sim B$)*. Случай (4) мы в дальнейшем рассматривать не будем (6). Таким образом, остаются три типа канонических отношений, которые естественно считать исходными при построении ответа на вопрос, требующий оправдания некоторой ситуации. Такие ответ мы будем считать прямыми. Косвенными в этом случае будут ответы, имеющие любую другую синтаксическую природу, но при этом не приводящие к провалу речевого акта, ср. (13):

(13) - *Зачем вам очки, Лида?*

- *Что я, хуже людей, что ли? Все вокруг носят.*

Утверждается, что во всех таких случаях существуют <семантические> преобразования, которые позволяют получить из косвенного ответа тот или иной тип оправдания ситуации (то есть некоторый прямой ответ). Подобное исследование косвенных ответов не входит, однако, в нашу задачу.

Замечание. Определяя прямой ответ на вопрос, мы фактически

(6) Заметим, что в ответах, реализующих отношение (4), оправдание не может быть введено с помощью союза.

ки пользовались только синтаксическими критериями. Между тем у этой проблемы есть и семантический аспект - а именно, установление связи между P и Q и отождествление ее со связью (1)-(3). Мы формулируем свою задачу таким образом, как если бы семантический аспект проблемы был бы уже исчерпан - то есть как если бы мы располагали своего рода базой данных, в которой имелись бы все интересующие нас ситуации и типы связей между ними были бы заранее заданы, так что можно было бы легко определить их соответствие (1)-(3). Определение прямого ответа было бы, возможно, иным, если бы мы, напротив, имели в виду решение следующей задачи: дан текст и база данных, содержащая ситуации, которые этот текст описывает; требуется установить все отношения между ситуациями, исходя из лингвистического анализа текста.

3

До сих пор мы говорили собственно об оправданиях, то есть, с точки зрения ситуации диалога, о возможных ответах на определенные вопросы. Перейдем теперь к анализу самих вопросов, а именно, вопросов со словами *зачем* и *почему*.

При описании значения конструкций *Почему P?* и *Зачем P?* естественно исходить из гипотезы об их семантическом **тождестве**. В таком случае семантика этих конструкций будет сводить к требованию оправдания ситуации, попадающей в сферу действия вопросительного слова, причем оправдания, вообще говоря, любого рода. Различие между вопросами с *почему* и *зачем* может быть целиком отнесено за счет прагматического фактора, а именно - за счет разных исходных предположений этих вопросов (о понятии исходного предположения и некоторых связанных с ним проблемах см. ниже, с. 150). С нашей точ-

ки зрения, исходное предположение вопросов со словом *зачем* состоит в том, что ситуация *B*, оправдание которой требуется сообщить, представляется говорящему **управляемой**. тогда как исходное предположение вопросов со словом *почему* является противоположным и состоит в том, что соответствующая ситуация представляется **неуправляемой**. Поясним, что мы имеем в виду.

Говоря неформально, управляемость ситуации *B* предполагает наличие некоторого <разумного> деятеля *X*, от которого зависит, будет или не будет ситуация *B* иметь место. Соответственно, ситуация *B* должна входить в некоторый ряд альтернативных ситуаций *B*, *B'*, *B''* и т. д. (7), каждая из которых, в принципе, может быть "выбрана" *X*-м, то есть *X* должен принять решение относительно того, какая из альтернативных ситуаций будет иметь место. Так, обычно неуправляемыми являются ситуации, описывающие явления природы: *смеркает*, *белеет снег*, *замерзает река* и т. п., поскольку предполагается, что не существует такого разумного деятеля, который мог бы решать, шуметь лесу или нет, светать или нет и т. п., который мог бы быть ответственным за наступление этих ситуаций.

(7) Очевидно, что составление такого альтернативного ряда не является произвольным. Установление того, какие именно ситуации образуют альтернативный ряд по отношению к ситуации *B*, представляет особую и довольно сложную проблему, которую мы не имеем возможности подробно обсуждать. Некоторое представление об отношениях, связывающих ситуации из одного альтернативного ряда, может дать понятие ассоциативной связи, см. [Крейдлин, Падучева 1974]. Более строгое определение этих отношений должно быть связано, по-видимому, с формализацией структуры толкования предикатных лексем. Один из вариантов такой формализации обсуждается (в связи с другими задачами) в [Туровский 1985].

К предикатам, обозначающим ситуацию, которая интерпретируется как неуправляемая, в современном русском языке нельзя задать вопрос со словом *зачем*, ср.: *?Зачем в полях белеет снег?*, *?Зачем смеркается?* *?Зачем замерзает река?* Ср. также вопросы с другими предикатами, обозначающими неуправляемые ситуации: *?Зачем вода состоит из водорода и кислорода?*, *?Зачем человек произошел от обезьяны?* и т. п. (8).

Существенными свойствами управляемости, выделяющими ее как особую характеристику ситуации, являются, с нашей точки зрения, следующие два.

1. Управляемость - это свойство конкретной ситуации, а не предикатной лексемы как таковой (а значит, это свойство не может быть занесено в словарную статью соответствующего предиката). Одна и та же лексема может в разных случаях обозначать как управляемые, так и неуправляемые ситуации. Так, вопрос, в обычной ситуации, видимо, грамматически неправильный, - например, *Зачем он так наивен?* - становится вполне приемлемым, как только оказывается, что этот вопрос задан автору или режиссеру пьесы об одном из персонажей: *Зачем он у тебя в первом акте так наивен?* (ср. в том же контексте: *Зачем ружье выстрелило?*). В этом случае утверждается существование такого лица (например, автора пьесы), от которого зависит "выбор" черт характера персонажа пьесы, - ситуация, в обычном мире вряд ли возможная. Именно поэтому в обычном мире в отличие, например, от мира театрального, ситуации типа 'быть наив-

(8) Как известно, здесь современный русский язык отличается от языка прошлого века, о чем свидетельствуют, в частности, следующие пушкинские строки: *Зачем крутится ветер в овраге?*, *Зачем арапа своего младая лкбит Дездемона?*, в которых предикаты *крутится* и *любит* обозначают явно неуправляемые ситуации.

ным' не являются управляемыми и не допускают вопроса со словом *зачем*.

2. Деятель, управляющий ситуацией, не обязательно должен быть субъектом данной ситуации и даже ее участником. В частности, стативные предикаты, обозначающие типичные результаты каузативных ситуаций, обычно без труда осмысляются как описывающие управляемые ситуации именно потому, что они семантически связаны с такими предикатами, у которых есть актанта, способный контролировать осуществление конечного результата. Соответственно, например, вопрос *Зачем здесь висит (стоит, лежит и т. д.) эта безобразная картина?* осмыляется как 'Зачем эту картину повесили (поставили, положили...) здесь?'

Замечание. Из перечисленных свойств управляемости следует, что термин *управляемость* никак нельзя считать синонимом известного термина *контроль*. Во-первых, контролирует ситуацию всегда ее участник (см. подробнее [Зализняк 1985; 1991] и цитируемую там литературу). Во-вторых, контроль обычно понимается скорее как лексикографический признак, приписываемый глагольной лексеме в словаре - так, принято говорить о *контролируемых vs. неконтролируемых предикатах* (ср., однако, "ситуативное" определение контроля, например, в [Булыгина 1982]).

Наконец, понятие контроля в целом представляется более сложным: оно возводится к большому числу разнородных семантических и синтаксических признаков, среди которых, вообще говоря, может оказаться и сочетаемость с целевыми компонентами (ср. уже упоминавшуюся работу Т. В. Булыгиной). Вместе с тем, мы не решились бы утверждать и то, что управляемость - это один из признаков в составе контроля.

В любом случае вопрос со словом *зачем?* может задаваться говорящим, только если он считает, что ситуация, о которой задается вопрос, управляема. Если это не так, то должен быть задан вопрос со словом *почему*. Сказанное означает, что если (при условии, что к данному предикату возможны оба типа вопросов) задан вопрос со словом *зачем*, то слушающий понимает, что ситуация представляется говорящему управляемой. Напротив, если при тех же условиях из двух вариантов вопроса об оправдании выбран вариант с *почему*, то слушающий понимает, что говорящий оценивает ситуацию как неуправляемую (ср. противопоставления типа: *Почему вы смеетесь? - Зачем вы смеетесь?; Почему вы так громко говорите? - Зачем вы так громко говорите?*).

Признание отвечающим (то есть адресатом вопроса) факта управляемости ситуации предполагает предъявление в ответе оправдания первого или второго рода, тогда как признание факта неуправляемости предполагает предъявление оправдания третьего рода. Это связано с тем, что управляемость ситуации *B* включает, как уже было сказано, возможность выбора между *B* и ее альтернативами. Оправдание же **выбираемой** ситуации в сущности равносильно оправданию выбора как такового. Если в этом случае может быть предъявлено только оправдание третьего типа и никакого другого - значит, фактически никакого (свободного) выбора нет - ситуация неуправляема, ее существование можно объяснить только как обязательное следствие некоторой другой, не требующей оправданий ситуации. Выбор ситуации из множества альтернатив (то есть управляемость этой ситуации) возможен только, если у этой ситуации есть оправдание первого или второго рода. Поэтому вопрос со словом *зачем* в нормальном случае, то есть в случае соблюдения слушающим (отвечающим) представлений говорящего (справшивающего) об управляемости ситуации, предполагает обоснование первого или второго рода, а со словом *почему* - третьего

рода.

Представления спрашивающего могут и не разделяться отвечающим, что однако не приводит к провалу речевого акта(9). Это последнее есть основное свойство семантической информации, называемой исходным предположением вопроса [Kieffer 1977; Падучева 1985]. Обычно нарушение исходного предположения иллюстрируется примерами вопросов со словом *кто*, где спрашивающий предполагает непустоту некоторого множества лиц, а из последующего ответа выясняется, что множество было пусто:

- *Кто решил задачу?* (Предполагается, что кто-то решил.)
- *Никто.*

Особенностью вопросов об оправдании является то, что нарушение исходного предположения в них сводится к замене одного предположения на другое - предположения об управляемости - на предполо-

(9) В отличие от заведомо неприемлемых предложений типа **Камень упал, чтобы убить собаку* (см. [Бульгина 1982]), вопросы типа *Зачем упал камень?* имеют право на существование даже и тогда, когда в ответе говорится: *Его просто ветром сдуло*. Утверждение предполагает сообщение некоторого положения, которое должно быть истинно и в мире говорящего, и в мире слушающего. "Диалоговый режим" не может предполагать полного совпадения этих двух миров, так как подобное совпадение достигается лишь в результате успешного диалога и является, по-видимому, своеобразной конечной целью собеседников. Отсюда возможность квалифицировать какие-то вопросы как детские, глупые и т.д. - то есть грамматически правильные, имеющие, вообще говоря, ответы, но обнаруживающие несовпадение мира спрашивающего с миром отвечающего. Таким образом, критерии семантической аномальности/неаномальности оказываются различными для повествовательного текста и для диалога.

жение о неуправляемости, и наоборот.

Замечание. Интересно, что вопросы с *почему* в принципе не допускают "стандартного" нарушения исходного предположения - если такой вопрос задан и является с языковой точки зрения правильным, то соответствующее множество оправданий не может быть пусто (в отличие, например, от множества лиц, решивших задачу), ср.:

- *Почему ты решил эту задачу?*

- *Нипочему,*

где ответ понимается только как демонстративный отказ от диалога.

4

Остановимся теперь на тех случаях, когда ситуация не может иметь оправдания. Заметим прежде всего, что логически мыслимые и лингвистически приемлемые оправдания, вообще говоря, вовсе не совпадают. Примером противопоставления такого рода могут служить оправдания состояний. Логическим оправданием некоторого наблюдаемого состояния во многих случаях естественно считать ситуацию, которая способствовала его возникновению: *он знает*, потому что в некоторый момент *узнал*; *он висит*, потому что в некоторый момент *повис*. Однако язык признает в качестве оправдания таких состояний нечто совсем другое - а именно, ситуацию *A*, которая препятствует их изменению. Вопрос *Почему в момент t_1 имеет место состояние B ?* означает \approx 'Назови такую ситуацию A ($A \Rightarrow$ позже B), что если бы A не имело места, то в момент t_1 имело бы место не B , а какое-то другое состояние, входящее в альтернативный ряд (B' , B'' , B''' и т. д.)'. Та-

ким образом, имеется альтернативный ряд (информация о нем, очевидно, составляет презумпцию) и требование предъявить ситуацию, мешающую данному состоянию перейти в альтернативное. Лингвистическим оправданием состояний *стоит*, *висит*, *лежит* и т. д. является, следовательно, не то, что привело к данному состоянию, а то, что мешает стоящему, висящему и т. д. объекту перестать стоять, висеть и т. п., ср.:

(14) - *Почему ты стоишь?*

- *Сесть некуда.*

а также:

(15) - *Почему вы молчите?*

- *Потому что не могу говорить ('Как только смогу говорить, перестану молчать').*

Вернемся к задаче поиска ситуаций, не имеющих оправданий. Оказывается, что именно среди состояний есть такие, которые не могут иметь оправданий. Это те, которые не могут меняться на альтернативные в произвольный момент t_1 только потому, что изменились какие-то внешние по отношению к данному состоянию обстоятельства - и в этом смысле не входят ни в какой альтернативный ряд по отношению к произвольному моменту времени. Таковы, например, ситуации *помнить*, *владеть*, *знать*, *болеть* и др., а также *быть молодым*, *быть высоким* и т. п. Например, для состояния *быть больным* никакой внешней ситуации типа А, способной вдруг прервать это состояние, не существует: человек заболел и после этого какое-то время остается больным, но только в силу естественного течения болезни, а не каких-то других факторов.

Такого рода состояния можно было бы назвать **детерминированными** состояниями - они развиваются, повинаясь только своим внутренним законам и не могут внезапно прекращаться или переходить в другие ситуации. А значит, эти состояния не имеют лингвистического

оправдания (10). Ср. недопустимость в обычной интерпретации вопросов: *Почему он знает?, *Почему он болеет?, *Почему он молодой? и др. (11).

Отступление. О причине-основании.

Здесь необходимо отметить существование другой интерпретации вопросов с *почему*, которая, в частности, допустима для приведенных выше вопросов. Имеется в виду такое понимание вопроса с *почему*, при котором вопросительное слово связано не непосредственно с предикатом состояния, а с некоторым опущенным предикатом мнения, который его подчиняет. Ср. вопрос *Почему он молодой?* в интерпретации 'Почему ты думаешь (считаешь, полагаешь), что он молодой?'. Такого рода интерпретации вопросов с *почему* в литературе принято называть **причина-основание** (ср. в [Davidson 1967] противопоставление *cause* и *reason* - каузальной причины и причины-основания; см. также [Арутюнова 1970; Арутюнова, Падучева 1985, с. 24; Разлогова 1988]). Вообще говоря, любой вопрос с *почему* может быть осмыслен как вопрос об основании. Рассмотренные выше примеры с детерминированными ситуациями допускают, как мы видели, только такую интерпретацию.

(10) Вопрос о логическом оправдании здесь, конечно, не обсуждается.

(11) Что касается вопросов с *зачем* к этим предикатам, то они, как и следовало ожидать, допускаются только в тех нетривиальных случаях, когда данные состояния представляются управляемыми, то есть подразумевают сознательно действующего каузатора этих ситуаций.

Легко интерпретируются как вопросы об основании - согласно принципу семантического согласования - вопросы, содержащие оценку: оценка сама по себе есть мнение, ср.: *Почему он глупый?* (= 'Почему ты думаешь, что он глупый?').

Суть семантического противопоставления между оправданием ситуации и ее основанием состоит в том, что то, что является оправданием мнения о ситуации (то есть основанием), является лишь следствием самой ситуации, а не оправданием ее:

- *Почему ты думаешь, что В?*
- *Я думаю, что имеет место В, так как имеет место S. а когда В, то [всегда] S.*

Ср.:

- *Почему <ты думаешь, что> рубят лес?*
- *Потому что щепки летят.*

(Очевидно, что на вопрос об оправдании ответ такого рода невозможен.) Совпадение причины и следствия - то есть фактически неразличение оправдания и основания - происходит в случае, когда В и S состоят в отношении необходимости и достаточности. Такого рода совпадения касаются прежде всего постоянных свойств - языковым оправданием такого свойства может служить какое-то другое свойство, а в силу того, что постоянные свойства не зависят от времени, они легко могут вступать в отношения необходимости и достаточности. Для утверждения: *если сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы, то это необходимо и достаточно для того, чтобы треугольник был прямоугольным*, вопросы об оправдании и основании будут синонимичны, ср.:

- (а) - *Почему треугольник прямоугольный?*
- *Потому что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы.*
- (б) - *Почему ты думаешь, что треугольник прямоугольный?*

- Потому что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы.

Интересно, что противопоставление оправдание ~ основание встречается не только в диалоге. На наш взгляд, похожим образом организована пара союзов *если ... то* ~ *если... значит*.

Союз *если ... то* аналогичен оправданию третьего рода: *если А, то В*; союз *если ... значит* - аналогичен основанию: *если S, значит В* ~ 'Я думаю, что В, так как S, <потому что всегда если В, то S>'. Ср.: *Если гора не идет к Магомету (А), то Магомет идет к горе (В)* и совершенно нетрадиционное понимание этого высказывания при замене союза *если ... то* на *если ... значит*: *Если гора не идет к Магомету (S), значит Магомет идет к горе (В)* - 'Я думаю, что Магомет идет к горе, так как <я вижу, что> гора не идет к Магомету'. Ср. также: *Если человек берется за два дела, прямо противоположных друг другу (А), то одно из них непременно не удастся ему (В)* (Экзюпери), где замена *если ... то* на *если ... значит* приводит к парадоксу: *?Если человек берется за два дела, прямо противоположных друг другу (S), значит одно из них непременно не удастся ему (В)* - 'Я думаю, что одно из дел не удастся ему, раз он берется за два противоположных дела сразу'.

5

Вернемся к оставленным нами терминам "причина" и "цель". Могут ли эти традиционные понятия быть использованы для описания рассмотренных выше явлений? По-видимому, да - но только в том случае, если будет учтено различие между, так сказать, поверхностными и глубинными причинно-целевыми отношениями. С одной стороны, под причинными и целевыми отношениями можно понимать такие вопросы или такие ответы, которые вводятся соответствующими вопросительными

или союзными словами.

С другой стороны, под причинно-целевыми можно подразумевать более глубокие, логико-семантические отношения между событиями. В этом случае цели будет соответствовать то, что мы называли оправданиями первого и второго рода, а причине - оправдания третьего рода (и, возможно, причина-основание). При таком употреблении терминов семантического противопоставления вопроса о причине вопросу о цели нет - они различаются только исходными предположениями. Это позволяет объяснить отмеченный выше языковой феномен "структурной несоотнесенности", то есть возможности замены в ответе логико-семантической причины на логико-семантическую цель, и наоборот. Обязательность замены *зачем* на *почему* при глаголе с отрицанием интерпретируется в таком случае как чисто поверхностный запрет на употребление одной из по сути дела синонимических (в строгом смысле - квазисинонимических) конструкций (13).

(13) Автор приносит благодарность В. В. Рыжикову и Д. П. Скворцову за консультации, касающиеся формального аппарата описания.

Ekaterina V. Rakhilina

SEMANTICS OR SYNTAX?

(Answering WH-Questions in Russian)

S U M M A R Y

*Now you've asked me questions three,
Parsley, sage, rosemary, and thyme,
If you can answer for those of me,
You shall be a true lover of mine.*

This work is a study of WH-questions in Russian. The main idea imposed by the analysis of linguistic data is that **syntactic treatment** of WH-questions which is the most widespread in applied linguistic systems has to be replaced by the **semantic approach** that takes into account inner and not only formal properties of question.

Accordingly, the work is organized as follows. Chapter I deals with some general theoretical problems in modeling natural language dialogue. Chapters II and III illustrate theoretical statements made in the previous chapter, Russian attributive and locative questions being discussed in detail.

I. General information

To make the dream that people should some day communicate with computer in a natural language, that computer should become a real partner of a business dialogue come true, first of all an adequate model of dialogue is needed. To begin with, we have to imitate the simplest kind of the man-computer dialogue - namely, the pair of question and answer.

The approach used in chess computers seems to be suitable here: the computer calculates all possible moves and chooses the most appropriate one. When applied to our task, it would mean that we have at least to teach the computer to generate automatically all possible answers to a question. On the second step we should have to teach it to choose relevant answers out of the set of all possible correct answers. We shall concentrate on the first part of this task.

The main objective of this work was to obtain a formal representation of question which would allow to calculate all possible answers. The problem seems to be the most difficult when the so called WH-questions are involved, in which case the number of possible answers is in principle unlimited. This opposes WH-questions to general questions which allow only two classes of answers (*yes* or *no*), as well as to alternative questions, the answers to which are strictly determined by the form of the question. Moreover, WH-questions presenting great difficulties in semantics from the theoretical point of view, are of great interest for applied investigations, since the information the users of applied systems need mostly requires the form of WH-questions. Therefore this work focuses on dialogues with the WH-questions. The formal representation proposed here is intended for this class of

questions only. It should be noted that all the WH-questions share the principles which underlie their semantic representation, these principles being fully independent of the formal (morphological and syntactical) properties of various WH-markers.

The traditional syntactic approach to WH-questions having interrogative words in the center is replaced here by the semantic approach based on the notion of **interrogative variable**. Interrogative variables and not interrogative words are claimed to be the main interrogative element of the dialogue. It is the procedure of detecting interrogative variables that computer has to perform in order to "understand" WH-questions.

II. Semantic analysis of WH-questions (theoretical principles)

1. The concept of the question-answer pair.

A pair of a question and an answer is assumed to be a minimal unit of description. So, it is supposed that an ideal conversation (consisting of questions and answers only) can be divided into pairs of semantically coherent sentences, one of them being a question and the other - the answer to it, and not into isolated sentences as the monological text can be. This solution is quite natural if the man-computer dialogue is taken into account: its most elementary variety will be the situation of an inquiry received and an answer given.

The linguistic tradition, however, is quite different in what concerns the study of questions: linguists use to consider

questions independently of the answers. That is why dictionaries and grammars, while describing interrogative words never illustrate their usage with the help of question-answer pairs, confining themselves to a mere enumeration of questions. Meanwhile, the problems linguists could solve by analysing bare questions without answers are very few and have a pure syntactical character (1). They are of no value, however, for studies in semantics (2). First, not every interrogative sentence represents a question proper (a question of standard semantics in the sense of [Hintikka 1978]), i. e. not every question is supposed to have answers: there are rhetorical questions, questions-requests, questions-invitations and so on (cf., for example, [Петраш 1968; Searle 1975] and many others). These questions are formally identical to the questions of standard semantics (in the sense of [Hintikka 1978], but they do not constitute a correct question-answer correspondence.

Moreover, a question as such can be polysemantic, cf. a typical polysemy in the attributive *what*-questions (Russian *kakoj* - questions):

(1) - *What TV-programmes do you prefer?*

(a) - *Political programmes.*

(1) Cf., for example, a very popular among GB-oriented authors problem of *multiple questions*, which seems to be reduced to a more general syntactic problem of word order in a sentence including interrogative words (cf. [Kuno, Robinson 1972; Bolinger 1978b; May 1985a; Aoun 1986] and others).

(2) Cf. the J. Hintikka's critics of the linguistic approach to the question-answer problems [Hintikka 1974].

(b) - "600 seconds". (3)

With (1a) it is supposed that the question is about the character of the programmes: 'name a common feature of all the programmes you prefer'. With (1b) it is supposed that the answer will enumerate all the names of TV-programmes in question. Obviously, we have here two questions, different from the semantic point of view, but we can come to this conclusion only after having analysed the possible pairs of questions and answers. With questions treated without answers, the polysemy of this kind is being easily "lost". Therefore, it turns out that such a polysemy (and this very kind of polysemy will be the main point of our research) is left unrevealed in most linguistic studies.

2. The syntactic approach and its weak points.

In general, the syntactic approach seems to be dominating in linguistics, as far as dialogue models are concerned. The approach is characteristic to [Katz 1958; Conrad 1978] and many others; these works reduce the procedure of the answer generation to a mere substitution: to obtain the answer, the interrogative word is to be replaced by an item belonging to a certain syntactic class, so that the operation would yield a grammatically correct sentence.

Cf. a typical example illustrating results of such a syntactical substitution:

(2) - *Who is the author of "Cien años de soledad"?*

- *G. G. Marques is the author of "Cien años de soledad".*

The answer fully coincides with the question, the only difference consisting in interrogative words replaced by the subject lexeme.

(3) A very popular news programme on the Leningrad TV.

The principle of substitution is usually exemplified by subject question, namely, the question with *who*, and indeed, it is a rewarding substance for syntaxists: there are practically no cases of polysemy (4). Nevertheless, as we shall see further, the whole picture becomes more intricate if we consider questions with other interrogative words.

The principle of substitution presupposes that a WH-question makes the hearer reproduce the syntactic structure of a question, but the examples of dialogues occurring in the real texts show that the listener (respondent) has the right to neglect absolutely the syntactic structure of the question. Cf.:

- (3) - *Tell me, marquis, how should I act in this strange case?*
 - *Sir, the card game rules prescribe you to hit in his face with a candlestick.*

(M. Bulgakov)

In fact, the speaker (inquirer) is interested first of all to get a new information. In principle, the way this information is packed up (syntactically) makes no difference to him. So, the model generating the answers to WH-questions by substitution sufficiently restricts the class of correct answers - it does not account for the answers like (3). On the other hand, it leads to an unjustified extension of the set of correct answers.

Let us return to the example (1):

- (1) - *What TV-programmes do you prefer?*

A trivial syntactic substitution generates the answers like *political*, but not like "*600 seconds*". Here both types of answers are equally acceptable - everything depends on the pragmatic

(4) The semantic difficulties arising in this case are somewhat different (cf. [Барудин 1980, Conrad 1986]).

context of the question. But there are cases when this does not hold. Cf. Russian:

(4) - *Kakie cvety rastut v vašem sadu?*

'- What flowers grow in your garden?'

The answer *Krasivye* 'beautiful (ones)' generated by the trivial syntactic substitution is not appropriate (at least in Russian), it would be taken as deliberately incorrect. Only the answers like *Rozy* 'roses' will be correct in such cases; this type of answer, however, is not generated by a mere substitution. Of course, one could make the procedure of substitution more sophisticated, assuming that the whole noun phrase and not only the interrogative word can be substituted. It would make it possible to describe both attributive answers (*political, beautiful* etc.) and the answers like *Roses*. Still this solution is unsatisfactory in at least three aspects.

First, the problem remains, what are the conditions determining the choice of each type of these answers: when do we substitute the interrogative word only, and when - the noun phrase as a whole? Actually we cannot explain with the help of syntactical means how to answer the question with the word *kakoj* (*what*).

Second, this solution is aimed at simplifying the matter only for the *kakoj*-questions; it does not hold for the other interrogative words. Meanwhile, similar problems arise for these, too.

Cf. for example the question with *gde* 'where':

(5) - *Gde on spit?*

'- Where is he sleeping?'

The trivial substitution of the interrogative word *where* by a noun phrase of the same syntactical class may form at least in Russian absolutely incorrect pair:

*(5a) - *Gde on spit?*

- *Pod odejalom.*

★'- Where is he sleeping?

- He is sleeping under the blanket'.

(The proper answer would be: *On spit na divane; v stolovoj* 'He is sleeping on the sofa; in the dining room' etc.) Cf. a possible pair:

(6) - *Gde on prjačetsja?*

- *Pod odejalom.*

'- Where is he hiding?

- Under the blanket.'

Third, there are many other types of usage of the word *kakoj*, which cannot be described with the help of "extended" substitution, cf.:

★(7) - *Kakoj vopros zadal Prezident?*

- *Prezident zadal interesnyj vopros.*

★'- What question did the President put?

- The president put an interesting question.'

The possible answer here would be of the kind: *Prezident zadal vopros o Germanii* 'The President put a question about Germany'. It can hardly be explained proceeding from syntactic principles only, why does the syntactically conformed word *interesting* turn out to be unacceptable though a far less congruous (from the syntactic point of view) noun phrase *a question about Germany* fits in successfully.

It should be noted that the answers like *Pod odejalom* 'Under the blanket' and *Prezident zadal interesnyj vopros* 'The President put an interesting question', unacceptable for the real speaker, are quite grammatical, since the substitution generates grammatically correct sentences of a certain syntactic class, but incorrect answers. Obviously, these are two different sets of

sentences; moreover, the only grammatically correct sentence could be correct answer, which, as it will be shown below, meet certain semantic conditions(5). These semantic restrictions on the correct answer are revealed only under a deep semantic analysis of a question. The latter is completely ignored by the syntactic approach.

3. The logical tradition.

Nevertheless, there is a considerable class of works, which provide the analyses of questions implying the generation of a **correct answer**, and not the grammatically correct sentence of a certain syntactic class. These works are based on the semantic representation of questions; cf.:

"I do believe this: every interesting extant semantic theory of questions implicitly contains a theory of answerhood; it is there to find, even when the author of the theory has not provided it; for if it does not <...> permit a reasonably clear and determinate account of answerhood, then that very case will not permit a reasonably clear and determinate and *interesting* account of (say) equivalence between questions via their semantics" [Belnap 1985, p.274].

It is this trend which proposes the notion of question -answer pair as the main unit for the analysis of dialogue. For them "a question <...> is simply a propositional function" and "an answer

(5) Certainly, one has to take into account not only semantic restrictions, but also pragmatics of a question; this class of problems, however, is not discussed here. For more details see, e.g., [Searle 1975; Gordon, Lakoff 1975; Conrad 1983; Grewendorf 1983].

to a question must be simply a proposition which is a value of a given propositional function" ([Cohen 1929, p.353-354]; quoted in [Belnap 1985, p.274 -275]).

Logical representation of a question differs from a corresponding representation of a statement, first, since it includes a specific interrogative operator [usually marked as $?(x)$ or $Q(x)$] and second, since it includes the so called interrogative or erotetic variable - a variable bound by the interrogative operator itself (*queriable* in terms of [Belnap, Steel 1976])(6).

This variable relates the unknown information, i.e. the information queried. We accept the interpretation of the interrogative operator proposed by L. Aqvist and J. Hintikka 'bring it about that I know', specified later by E. Paducheva [1986](7). So, in general terms, the logical structure of a question like

(6) The notion of interrogative variable, borrowed from logic, has appeared in recent works of N. Chomsky [1977]; cf. also [May 1985a; Aoun 1986]. Yet the theory of Government and Binding uses it mainly for syntactic purposes.

(7) It should be noted that this mode of interpretation ("reduction", in N. D. Belnap's terms) was criticized by many authors (see [Belnap 1985]), since it does not reflect in an adequate way the very content of the demands of the person who has put a question. Nevertheless, even the opponents admit that this interpretation can be useful for certain purposes in the semantic analyses of question. Cf.: "It may well be that the style of "reduction" they propose can shed light on questions" [ibidem, p.270]. It seems to be true for the area the present work deals with as well.

Where was J. Brahms born? looks as follows: $?(x) \langle \{x/x \in M\} (J. Brahms \text{ was born in } x) \rangle$, where $?(x)$ is an interrogative operator, x - an interrogative variable, M - a set of its values, and the whole formula is interpreted as: 'Bring it about that I know the value of the variable x belonging to the set of possible localizations, such that J. Brahms was born in x '.

4. Principles of the semantic analysis of WH-questions.

The further investigations of the logical formula of the question as concerning the interrogative variable usually are reduced to the study of M - a set of values of the variable, kinds of reference, belonging to this set, types of nomination and so on (8). But there is another problem which is left disregarded - the position of x in the semantic structure of the predicate P . Meanwhile, the very expression $P(x)$ as such implies that there exists a relationship between a variable x and the semantic structure of P : from the linguistic point of view, the expression $P(x)$ could be interpreted only as a predicate lexeme P having an argument position (semantic variable) x .

When describing WH-question with the help of the formula $?(x) \langle \{x/x \in M\} P(x) \rangle$ the logicians did not imply the linguistic (in their terms, grammatic) interpretation of this formula, according to which the variable x has to fill the semantic valences in the semantic structure of the predicate P . However, the studies in semantics of WH-questions make to conclude that in this point the linguistic and logical analyses happily coincide. Indeed, a semantic variable fills first of all a semantic valence of the predicate P ; so, the interpretation of a question as a question to

(8) These problems are discussed in Chapter I, § 3.

an argument of the main predicate turns out to be the most natural. Certainly, this argument has to "agree" with the domain of M : if it is time that is under the question, then the interrogative variable runs through all possible moments of time, and therefore the predicate's argument to be chosen should be temporal; the same holds for the causal, locative and other types of questions.

Thus in the most trivial case WH-question, according to the formula $?(x) \langle \{x/x \in M\} P(x) \rangle$, is built as follows. '

Suppose, we have a locative question, then M is a set of localizations. In this case we begin with choosing a predicate P , having the semantic valence of localization. If such a valence is lacking, the locative question to this predicate is impossible: **Gde ty veriš'*? 'Where do you believe?'; **Gde ty boiš'sja?* 'Where are you afraid?' etc. If a predicate has such a valence, the latter is chosen and is filled by an interrogative variable.

The question *Where was J. Brahms born?* discussed above is built exactly according to this model. The predicate *to be born* has an (obligatory) locative valence (*somebody was born somewhere*). When a locative question is put, it is this argument of the predicate which is replaced by an interrogative variable. The set of answers to this question is formed by all the possible fillings of the given predicate valence.

5. Some difficulties.

There are cases for which this model of generation of questions (resp., of answers) will be too unsophisticated.

5.1. The predicate queried can have more than one locative valence. Cf.:

(8) - *Gde on napisal èto stixotvorenìe?*

(a) - *V sadu.*

(b) - *V al'bome.*

'- Where did he write this poem?

(a) - In the garden.

(b) - In the album.'

So, we are to decide which valence is to be filled by an interrogative variable, i.e. which of the locative arguments is to be queried. In this case, the choice of the relevant answer becomes complicated.

5.2. Another difficulty is how to achieve the congruence of the set of values *M* of the interrogative variable *x* and the domain of the argument queried. These two sets coincide in the simple example discussed above: *Where was J. Brahms born?* The question is about the localization and the predicate *to be born* has exactly the valence of localization unfilled. The other examples, however, can provide a rather different picture.

In fact, there are several types of locative valences: apart from the valence of general localization, they are point of departure, point of arrival (9), path, direction and so on. The type of valence a given predicate possesses is determined by the meaning of the predicate.

On the other hand, there exist several types of locative questions since there exist several types of interrogative words with locative meaning (cf. Russian *gde, kuda, otkuda, v čem, na čem, iz čego ...*, English *where, where from, where to ...*). While a

(9) Cf. Ch. Fillmore's *Source and Goal* respectively [Fillmore 1983].

locative question is interpreted as a question addressed to a locative argument, a type (or types) of relevant locative argument is to be established for each locative question (resp., for each interrogative word with locative meaning). So the totality of different locative valences happens to be distributed between different interrogative words with locative meanings. For example, in Russian **path** is queried using an interrogative word *gde*, **point of departure** - using *kuda*, and so on. This distribution is language-specific, the number of interrogative words being of particular importance (typological aspects of this issue are discussed in the Typological Excursus, Chapter III). If a language has a developed system of interrogative words, specific problems may occur; the choice of the right interrogative word is often non-trivial, because semantically close arguments are often queried using different interrogative words, cf. Russian:

(9a) - *Gde (* v čem) p'jut čaj?*

- *V gostinoj.*

'- Where are they drinking tea?

- In the drawing room.'

(9b) - *Iz čego (* gde) p'jut čaj?*

- *Iz čašek.*

'- What are they drinking tea from?

- From cups.'

Thus, modeling WH-questions implies, on the one hand, a thorough study of WH-word meaning, and, on the other hand, an account of the meaning of the predicate *P* queried, in order to understand the mechanism responsible for establishing interrogative variables (in other words, to understand which arguments of *P* can be queried in the context of the given WH-question).

5.3. However, the study of the predicate meaning is based mainly on the obligatory arguments. As for various types of adverbials, they remain beyond the scope of lexicographic description of a predicate. Yet when discussing the choice of the right argument to be replaced by an interrogative variable, it should be noted that these arguments may include not only obligatory arguments of a predicate, but also adverbials (both actants and circumstantials, in the tradition ascended to L. Tesnière).

Adverbials (circumstantials) are being affected when a position of a relevant obligatory argument (actant) is already filled. Thus, asking *Gde ty rabotaeš'*? 'Where do you work?', one usually expects to hear the name of an institution, in accordance with the semantic restrictions on *Y* in the structure *X rabotaet v Y* 'X works in/at Y' where *Y* is a research institution. But when the speaker is already aware of this information, the circumstantial answer which describes the localization of work in the proper sense, i.e. an address of a working place, is acceptable:

(10) - *Gde ty rabotaeš'*?

- *Na Tverskoj ulice.* 'On the Tverskaja street'.

In this pragmatic situation the speaker presumes that an obligatory valence of localization is actually filled.

So, in general, the circumstantials may become interrogative, and even be unique candidates to this role. Cf.:

(11) - *Gde vy p'jete čaj?*

- *Na verande.*

'- Where do you drink your tea?

- On the terrace'.

The predicate *pit'* 'to drink' does not have actants with locative meaning. Therefore the adverbial is replaced by an

interrogative variable.

However, the problem is that not all predicate lexemes are capable of combining with a given adverbial: for example, not all the verbs combine with locatives. Cf. the verbs like *verit'* 'believe' and others discussed before, which cannot be queried using the word *gde* because they do not possess neither obligatory nor optional locative arguments (actants and circumstantials). Certainly, it holds not only for locative variables (for a more detailed information see [Плунгян, Рахилина 1990], where some non-trivial cases of predicate-adverbial combinations are discussed).

Thereby, it is obvious that the information about circumstantials (not only about actants) is essential. I.e. it is necessary to mark whether a predicate can to combine with a given circumstantial or not. Otherwise the list of possible answers to WH-questions would be not precise: either it would not contain the circumstantial answers, or superfluous answers would be generated for the predicates which do not combine with a circumstantial of the type.

5.4. Finally, let's point out that not only a predicate (which has valences a priori) can be queried using WH-question, but also a non-predicate lexeme, which does not (or, at least, may not) have valences. Cf. the questions with *kakoj*, *kotoryj* 'what, which': to determine the place of interrogative variable is a special problem in this case. Chapter II provides a detailed account of the types of variables in the semantic structure of non-predicate lexeme which can be queried; the list of semantic variables is established for *kakoj*-questions.

Thus the rules generating well-formed question-answer pairs presuppose:

1. The semantic analysis of queried lexemes - the lexemes in the scope of an interrogative word.

2. Determining the valences in the semantic structure which are semantically compatible with the domain of the interrogative variable imposed by the WH-question.

3. Checking for each valence whether it can be filled by an interrogative variable, exploring the conditions under which it takes place.

4. Determining other fragments of semantic structure, different from the obligatory arguments of a predicate (i.e. circumstantials or the fragments of semantic structure of non-predicate lexemes) which can be replaced by an interrogative variable.

These are Chapters II and III which demonstrate this approach. The semantic structure of WH-question with *kakoj* (Chapter II) and *gde, kuda, otkuda* (Chapter III) is analysed.

6. Some pragmatic aspects of answerhood.

Beyond the main line of this work lies the problem of, so to speak, surface shaping of the answer, when an interrogative variable is being replaced by a certain item. § 5 of Chapter I contains some remarks concerning this procedure, the description of which belongs, in our opinion, rather to the pragmatic aspect of answer, than to the semantic one. It is demonstrated that the surface shaping of answer is preceded by the choice of a relevant extralinguistic object and the choice of a relevant nomination. Even if the semantic analysis of question is correct and the interrogative variable is determined, each stage of this final

pragmatic procedure can be misperformed by the speaker; and in this case the answer proves to be unsuccessful - the speech act fails. Cf. a famous joke discussed by E. Paducheva:

(12) - *Where are we ?* (the men flying on a balloon ask a man who is on the earth)

- *You are on the balloon.*

This dialogue corroborates the possibility to make a mistake while choosing an extralinguistic object: the semantic variable was chosen correctly, but the extralinguistic object was not, the principle "do not tell what is known" (cf. P. Grice's maxim of quantity) being violated. An example from [Hintikka 1978]:

?(13) - *Who lives there?*

- *The richest man in town*

demonstrates a mistake in the second choice. The speaker was not mistaken at bottom - he pointed at the person who is the real owner of the house, but he failed with the choice of nomination: the one who asks does not know who is the richest man in town.

Therefore the definition of the **direct answer** which is a stumbling block for many linguistic works dealing with the theory of question, should be based, in our opinion, on the following principles:

a) the rules for choosing semantic variables capable to become interrogative variables;

b) the (pragmatic) rules for replacing this variable with a natural language expression.

Roughly speaking, a direct answer is an answer which observes both rules. The problem is just in providing their linguistic description. It seems, however, that the problem (b) cannot be solved before the problem (a) is (cf. [Kiefer 1983, p.6]): the latter is discussed in Chapters II and III.

III. Questions with *kakoj*

The Chapter II ("Semantic structure of questions with *kakoj*") examines the questions of the type *Kakoj W P ?* where *W* is the noun phrase dominating the interrogative word *kakoj* syntactically and *P* is a predicate, the head of a sentence. Cf.:

(14) - *Kakaja gora samaja vysokaja v mire?*

'- What mountain is the highest in the world?'

1. Types of possible answers.

While answering questions of this type, the choice of an element is made from the set of objects which can be described by the lexeme *W*. (In the example above, the choice of the highest mountain from the set of all mountains). In fact, the simplest way to choose an object is to present it. The linguistic presentation is provided by deictic answers like *that/this one* and so on. Nevertheless, to understand the mechanism of choice, i.e. the mechanism generating well-formed question-answer pairs, we should take heed of the other type of questions - those which not only point at the chosen object, but also describe it, marking out the essential features of it.

One of the main goals in studying *kakoj*-questions is to find out which features are essential for description of an object denoted by the lexeme *W*. In any case, these features belong to semantic representation of this lexeme. If one of them is undefined, a variable corresponds to it in the semantic representation of *W*. This variable can be bound by the interrogative operator and become an **interrogative variable**. So, the *kakoj*-question is being interpreted as a question about a value of a given feature of an object.

As for the features of *W* themselves, or the semantic variables in the structure of *W*, they can be of different nature.

First, these are the obligatory arguments (actants) of *W*, if *W* is a depredicate noun; cf.:

- (15)=(7) - *Kakoj vopros zadal Prezident?*
 - *Prezident zadal vopros o Germanii.*
 '- What question did the President put?
 - The President put the question about Germany.

(The depredicate noun *vopros* 'question' has a valence 'content of question' unfilled: *question about Y*).

Second, an essential feature of some lexemes is the **name** of its referent; the name often appears in answers to *kakoj*-questions. To give a formal description of this fact, we introduce a special semantic variable, which also can be bound by the interrogative operator. Cf.:

- (16) - *Kakoj èto gorod?*
 - *Nu, Jalta. (M. Bulgakov)*
 '- What town is it?
 - Well, Yalta.'

Third, the question with *kakoj* can be answered by hyponym of a lexeme *W*:

- (17) - *Kakie nebesnye tela vrasčajutsja vokrug solnca?*
 - *Planety i ix sputniki.*
 '- What heavenly bodies turn round the sun?
 - Planets and their satellites.'

(*Planety* 'planets' and *sputniki* 'satellites' are hyponyms of *nebesnye tela* 'heavenly bodies'). To have hyponyms is the essential feature of lexeme, i.e. a feature to be reflected in its lexicographic representation.

Fourth, the so called **encyclopedic** characteristics (colour,

form, size) of a non-predicate lexeme (i.e. lexeme which denotes objects, not situations) can also be represented with the help of the semantic variable, and in this case the *kakoj*-question is interpreted as a question about the value of this variable.

- (18) - *Kakuju mebel' vy xotite sebe v kabinet?*
 - *Orexovogo dereva, s barxatnoj pokryškoj.* (A. Čexov)
 '- What kind of furniture do you want for your office?
 - Hazel, with a velvet cover.'

The sections of Chapter II provide a detailed account of these and other characteristics of *W*.

2. *Kakoj* vs. *čto za*

A special section of this chapter examines how a name of the object is being chosen when answering *kakoj*-questions.

If we compare this procedure with that for the questions with other interrogative words, some clear-cut distinctions come to light.

Let us take a typical question-answer pair with the interrogative word *gde* 'where':

- (19) - *Gde vy učilis'?*
 - *Ja učilsja v Moskovskom Universitete.*
 '- Where have you graduated from?
 - I have graduated from the Moscow University'.

Here the predicate *učit'sja* 'to graduate from' sets the filling of its object variable: when answering we are limited in our choice, only the educational institutions belonging to the scope. Having chosen a relevant referent, we proceed to the choice of its right nomination. Referent and its nomination relate as Frege's *Sinn* and *Bedeutung* of one and the same sign.

For *kakoj*-questions this does not hold. Cf.:

(20) - *Kakie fil'my ty predpočitaeš'?*

- *Cvetnye.*

'- What films do you prefer?

- Colour ones.'

Indeed, the set of referents coincides here with the set of films; it is described with a lexeme *W* in the question. But the answer describes not the referent as such, but its characteristics.

Thus the *kakoj*-question implies three stages of the answer choice, resp. three sets: a set of referents, a set of their characteristics and a set of modes of nomination for the chosen characteristics.

It should be noted that Russian also has a simplified variant of this procedure, triggered by the compound interrogative *čto za* 'what/which'. In *čto za*-questions the object is already chosen, i. e. known to the speaker and the hearer. The hearer has only to choose its characteristics. So the analysis of question-answer pairs establishes only two sets, namely a set of characteristics of referents and a set of modes of nomination for the chosen characteristics (essential characteristics of referents in the *čto za*-questions being the same). Therefore it is the reduction of the choice procedure in *čto za*-questions as compared with *kakoj*-questions that makes the substitution of these questions impossible. Cf.:

(21) - *Poslušajte, golubčik, čto za Džonson zasypaet nas zakaznymi pis'mami?*

- *A, èto interesnyj slučaj. Izobretatel'. Straxovoj agent iz Kentukki. Predlagaet sposob polnogo uničtoženija komarov.*

'- Listen, my dear, who's that Johnson who keeps heaping letters on us?

- Oh, it's an interesting case. He's an inventor. An insurance agent from Kentucky. He's offering a means of complete extermination of mosquitoes'.

Both the speaker and the listener mean one and the same person (Johnson), but the speaker would like to know more about him. The *kakoj*-question (resp. *Kakoj Džonson zasypaet nas zakaznymi pis'mami?*, lit. 'Which Johnson keeps heaping letters on us?') is inappropriate here, because in this case one would in addition have to make the choice from a set of people named Johnson.

IV. Locative questions

1. Types of answers.

The Chapter III "A semantic analysis of locative questions" deals primarily with *gde*-questions of the type *Gde P?* 'Where P?'. Three types of interpretation of these questions are established.

In the first case the interrogative operator binds an obligatory argument (actant) of P having a locative meaning. Cf. the questions *Gde živeš?* 'Where do you live?', *Gde učiš'sja?* 'Where do you study?' and so on. If P is a causative verb, then the locative actant describes a localization of the causee. Cf.:

(22) - *Gde vy xranite bumagi?* 'Where do you keep your papers?' = 'Where are the papers you keep situated?' and not 'Where are you <situated> when you keep your papers?'.

The second type of interpretation of *gde*-questions arises due to the fact that not only obligatory arguments (actants), but also adverbials (circumstantials) can be queried. In this case predicates describing permanent qualities, relations as well as causatives to them (cf. *bespokoit'sja* 'bother', *verit'* 'believe',

vesit 'weight', *vladet* 'own' and other) do not have adverbials of this kind.

The term **partitive** seems to be the most appropriate for the third type of interpretation. It occurs when the question *Gde P(Y)?* can be analysed as a question about a part of *Y*: 'In what part *X* of *Y* is *P(Y)* localized?'. Cf.:

(23) <- *Usad'ba gorit, barin!*>

- *Gde, gde gorit?*

- *Von, za fligelem zanjalos'.*

'<- The estate is on fire, master!>

- Where, where's the fire?

- Over there, there are flames behind that wing.'

The question is about the part of the estate, where the fire has started. (Cf. also a possible *Usad'ba gorit za fligelem*, lit. 'The estate is on fire behind that wing.')

The syntactic and semantic characteristics determining this interpretation of the question are discussed in § 3.

2. Verbs of motion.

§ 4 deals with a restricted group of verbs - verbs of motion. A remarkable feature of verbs of motion is that they describe situations the participant of which has (or may have) several localizations. The semantic representation of a verb of motion points out these localizations - it contains corresponding semantic variables, cf. a possible pattern of definition:

'Having left *A*, *X* moved in the direction *B* by the path *C* in order to get to *D*'.

Some of these variables may become interrogative in locative questions, i.e. may be bound by the interrogative operator. The questions differ in their form, depending on the variable queried,

different interrogative words being chosen.

Thus, the verbs of motion can serve as a good example of locative question ambiguity, since different semantic variables can be queried. On the other hand, while studying verbs of motion we realize how the semantic structure of the predicate and that of interrogative word interact: what kind of semantic variables become interrogative in the context of this or that interrogative word.

To solve these problems, the data of questions with *gde*, *kuda* and *otkuda* is considered. A preliminary stage of the study of locative questions in the context of verbs of motion is the classification of these verbs. The main idea of this classification is borrowed from [Fillmore 1983], though the context allowing to divide the verbs into different groups is somewhat altered. Besides, the classification being applied to the Russian verbs, four classes instead of Ch.Fillmore's three are obtained: **goal-oriented verbs** (*prijti*, *priexat'* 'come/arrive'), **source-oriented verbs** (*ujti* 'leave', *udalit'sja* 'move away'), **neutral verbs** (*idti* 'walk', *plyt'* 'sail', *letet'* 'fly'), as well as a small group of **double-oriented verbs** like *vyjti* 'go out'.

Goal-oriented verbs (or verbs of arrival) having an obligatory argument of the final point of the motion, source-oriented verbs (or verbs of departure) having an obligatory argument of the initial point of the motion, and the neutral verbs having both of these arguments non-obligatory (optional), the group of *vyjti* has the final and the initial point of the motion equally important and both of these arguments obligatory.

Thus, there exist two main locative variables in the semantic structure of motion verbs: one of the initial point and one of the final point. A general rule describing the behaviour of motion verbs in the context of locative questions is that if their

semantic representation has a variable of the final point (an obligatory or optional one), then the *kuda*-question is possible, and if it has a variable of the initial point, then *otkuda*-question is possible. However, the general rule is demonstrated to be violated in some cases.

First, as it follows from the classification, every motion verb has either an argument of the initial point, or an argument of the final point. Nevertheless, not every motion verb can be queried using *kuda*- or *otkuda*-questions.

Second, it turns out that some other variables can be queried using the same questions; § 4 of Chapter III provides a detailed discussion of these variables. The main variables of the kind are:

- exit/entrance of an enclosed area;
 - path;
 - position of motionless (fixed) causer;
 - direction of motion,
- and others.

The final part of Chapter III is a typological Excursus where the principles which underlie the comparison of languages with different interrogative words systems are discussed.

Appendix I examines a special type of questions with *gde*. These questions contain the predicate *byt'* 'to be' in the present continuous tense expressed by the zero lexeme:

(25) - *Gde moja novaja šal'?* 'Where is my new shawl?'

This is one of the most frequent types of questions with *gde*. Its peculiarity is that it is to be interpreted not as a question about localization, but as a question about a **cause**: the speaker,

having a presupposition that an object is in his range of vision, wants to know the cause of its absence.

Appendix II deals with the synonymy of the WH-questions with the interrogative words *začem* and *počemu*. The linguistic tradition considers the former as questions about the purpose and the latter - as questions about the cause. It is claimed, however, that the relationship between these types of questions is much more complicated with (partial) synonymy occurring in some cases. The verbs that cannot be queried with *začem* and/or *počemu* are discussed as well.

V. Conclusion

To sum up, let us present brief theses generalizing our main results.

1. The work was focused on WH-questions and the rules providing the set of correct answers to them.

2. A context-independent question-answer pair was considered to be a minimal unit of analysis.

3. The results of syntax-oriented studies of WH-questions are claimed to be insufficient to provide correct question-answer pairs. The main idea of the syntactic approach - that of syntactic substitution - emphasizes the **form** of the answer, whereas the question determines the **content** of the answer, the choice of the form remaining almost free.

4. The main theoretical notion is an **interrogative variable**. It is a formal counterpart to the content of the question ("aboutness"). Thus, an adequate semantic analysis of WH-questions implies the search for the interrogative variable position within the semantic representation of an interrogative sentence.

5. Questions with *kakoj* 'which/what' and *gde* 'where' represent a rewarding material for illustrating the advantages of the semantic approach proposed. As the result we get not only the set of all possible answers, but also the rules for synonymic transformation of these questions. In this connection, the questions with *kuda* 'where (to); whither', *otkuda* 'where from', *čto* 'what; why', *čto za* 'what/which', *kak* 'how', *začem* 'why/what for' *počemu* 'why' are also considered.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1967: Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. - М.: Наука, 1967.

Апресян 1974а: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. - М.: Наука, 1974.

Апресян 1974б: Апресян Ю. Д. Значение и оттенок значения. - Известия АН СССР, СЛЯ, 1974, т. 33, N 4. - с. 320-330.

Апресян и др. 1979: Апресян Ю. Д. и др. Англо-русский синонимический словарь. /Под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна. - М.: Русский язык, 1979.

Апресян 1980: Апресян Ю. Д. Типы поверхностно-семантической информации для описания языка в рамках модели "Смысл \Leftrightarrow Текст". - Wien, 1980. - (Wiener slavistischer Almanach; Sonderband 1).

Апресян 1985: Апресян Ю. Д. Личная сфера говорящего и наивная модель мира. - В кн.: Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности (Школа-семинар "Кутаиси-85": Тезисы докладов). - М.: ВИНТИ, 1985. - с. 263-265.

Апресян 1986а: Апресян Ю. Д. Синтаксические признаки в модели языка (на материале класса атрибутивных конструкций). - В кн.: Вопросы кибернетики, вып. 115: Прикладные аспекты лингвистической теории. - М.: Наука, 1986.

Апресян 1986б: Апресян Ю. Д. Личная сфера говорящего. - В кн.: Семиотика и информатика, вып. 28. - М.: ВИНТИ, 1986.

Ардентов 1973: Ардентов Б. П. "Что" в современном русском языке. - Кишинев: Штиинца, 1973.

Арутюнова 1970: Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и "почему"-реплики в русском языке. - ИДВШ, Филологические науки, 1970, N 3. - с. 44-58.

Арутюнова 1977: Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение. - В кн.: Языковая номинация (общие вопросы). - М.: Наука, 1977. - с. 188-206.

Арутюнова 1979: Арутюнова Н. Д. Семантическая структура и функция субъекта. - Известия АН СССР, СЛЯ, 1979, т. 38, N 4. - с. 323-334.

Арутюнова 1980: Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. - В кн.: Аспекты семантических исследований. - М.: Наука, 1980. - с. 156-249.

Арутюнова, Падучева 1985: Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики. - В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. - М.: Прогресс, 1985. - с. 3-42.

Балли 1955: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. /Пер. с франц. - М.: ИЛ, 1955.

Баранов, Кобозева 1983: Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки). - Известия АН СССР, СЛЯ, 1983, т. 42, N 3. - с. 263-274.

Барулин 1980: Барулин А. Н. Некоторые проблемы семантического анализа вопросительных местоимений (на материале русского языка). - В кн.: Теория и типология местоимений. - М.: Наука, 1980. - с. 27-49.

Барулин 1985: Барулин А. Н. Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы. Автореферат ... канд. филол. наук. - М., 1985.

Белнап, Стил 1976: Белнап Н. Д., Стил Т. Б. Логика вопросов и

ответов. /Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1981 (перевод книги: Belnap N. D., Steel T. B. The logic of questions and answers. - New Haven; London: Yale Univ. press, 1976).

Богуславский 1985: Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. - М.: Наука, 1985.

Булаховский 1958: Булаховский Л. А. Местоимения как предмет синтаксического анализа и школьного усвоения. - Русский язык в школе, 1958, N 4.

Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в современном русском языке. - В кн.: Семантические типы предикатов. - М.: Наука, 1982. - с. 7-85.

Булыгина, Шмелев 1982: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Диалогические функции некоторых типов вопросительных местоимений. - Известия АН СССР, СЛЯ, 1982, т. 41, N 4. - с. 314-326.

Взаимодействие 1985: Диалоговое взаимодействие и представление знаний. - Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1985.

Вольф 1978: Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. - М.: Наука, 1978.

Вольф 1982: Вольф Е. М. К вопросу о классификаторах признаков. - ИДВШ, Филологические науки, 1982, N 2.

Вольф 1985: Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985.

Всеволодова, Владимирский 1982: Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в русском языке. - М.: Русский язык, 1982.

Гинабург, Крейдлин 1982: Гинабург Е. Л., Крейдлин Г. Е. Родо-видовые отношения в языке (таксономические операторы). - Научно-техническая информация, 1982, сер. 2, N 8. - с. 24-31.

Гловинская 1981: Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. - М.: Наука, 1981.

Грамматика 1980: Русская грамматика, т. II. - М.: Наука, 1980.

Евгеньева 1970: Словарь синонимов русского языка: В 2-х томах.

/Под ред. Евгеньевой А. П. - Л.: Наука, 1970.

Есперсен 1958: Есперсен О. Философия грамматики. /Пер. с англ. - М.: ИЛ, 1958.

Зализняк 1985: Зализняк Анна А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния. - Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

Зализняк 1991: Зализняк Анна А. Понятие контроля. - В кн.: Логический анализ языка: Модели действия. - М.: Наука, 1991 (в печати).

Зуев 1961: Зуев Ю. И. К логической интерпретации вопроса. - В кн.: Логико-грамматические очерки. - М.: Наука, 1961.

Ильин и др. 1971: Ильин Г. М., Новицкая И. М., Смирнова Л. Н. О соотношении вопроса и ответа в информационных системах. - Научно-техническая информация, 1971, сер. 2, N 10. - с. 13-19.

Ильин и др. 1976: Ильин Г. М., Новицкая И. М., Смирнова Л. Н. О вопросительных элементах в системе "запрос-ответ". - В кн.: Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. - Л.: ЛГУ, 1976, вып. 3. - с. 65-74.

Ильин и др. 1982: Ильин Г. М., Новицкая И. М., Смирнова Л. Н. Описание семантики слова *где* для диалоговых систем. - В кн.: Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. - Л.: ЛГУ, 1982, вып. 5. - с. 50-61.

Иоанесян 1990: Иоанесян Е. Р. Понятие перспективы в семантическом описании глаголов движения. - Вопросы языкознания, 1990, N 1. - с. 128-132.

Иомдин 1980: Иомдин Л. Л. Симметричные предикаты в русском языке и проблема взаимного залога. - Предварит. публикации Ин-та русского языка. - М., 1980, вып. 131.

Исаченко 1961: Исаченко А. В. Глаголы движения в русском языке. - Русский язык в школе, 1961, N 4. - с.12-16.

Кибрик 1970: Кибрик А. Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков). - В кн.: Язык и человек. - М.: МГУ, 1970. - с.110-156.

Корельская 1975: Корельская Т. Д. О формальном описании синтаксической синонимии. - М.: Наука, 1975.

Крейдлин 1982: Крейдлин Г. Е. О порядке слов в вопросительных предложениях с несколькими вопросительными словами. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1980. - М.: Наука, 1982. - с.92-98.

Крейдлин, Падучева 1974: Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а*. - Научно-техническая информация, сер. 2, 1974, N 10.

Крейдлин, Рахилина 1983а: Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Моделирование вопросо-ответного соответствия на материале вопросов со словом *какой*. - В кн.: Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности (Школа-семинар "Телави-83": Тезисы докладов). - М.: ВИНТИ, 1983. - с.206-208.

Крейдлин, Рахилина 1983б: Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Сопоставительный анализ способов выражения притяжательности в русском языке. - В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. - М.: Наука, 1983.

Крейдлин, Рахилина 1984а: Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Семантический анализ вопросно-ответных структур со словом *какой*. - Известия АН СССР, СЛЯ, 1984, т. 43, N 5. - с.457-470.

Крейдлин, Рахилина 1984б: Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Восклицательные предложения с местоимением *какой*. - В кн.: Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. - Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. - с.76-83.

Крейдлин, Рахилина 1985: Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. К проб-

леме моделирования диалога на естественном языке. - В кн.: Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности (Школа-семинар "Кутаиси-85": Тезисы докладов). - М.: ВИНТИ, 1985. - с. 309-312.

Кржижкова 1967: Кржижкова Е. Адвербиальная детерминация со значением места и направления. - Вопросы языкознания, 1967, № 2. - с. 32 - 48.

Крылов 1985: Крылов С. А. Прилагательные в составе определенной дескрипции. - В кн.: Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников ИВ АН СССР, т. I, ч. 2. - М.: Наука, 1985.

Лазурский 1988: Лазурский А. В. Конструкции со смещенным дополнением при глаголах, управляющих названием части тела, во французском языке. - В кн.: Вопросы кибернетики, вып. 137: Проблемы разработки формальной модели языка. - М.: НСК, 1988. - с. 28-47.

Мальцев 1949: Мальцев М. Д. Заметки о вопросах и вопросительных предложениях причины и цели в языке А. С. Пушкина. - Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1949, т. 76. - с. 211-220.

Маслов 1948: Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. - Известия АН СССР, СЛЯ, 1948, т. VII, вып. 4.

Мельчук 1974: Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \Leftrightarrow Текст". - М.: Наука, 1974.

Падучева 1974: Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. - М.: Наука, 1974.

Падучева 1981: Падучева Е. В. Вопросительные местоимения и семантика вопроса. - В кн.: Разработка формальной модели естественного языка. - Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1981. - с. 80-105.

Падучева 1982а: Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэррола. - Семиотика и информатика, 1982, вып. 18. -

с. 76- 119.

Падучева 1982б: Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога. - Известия АН СССР, СЛЯ, 1982, т. 41, N 4. - с. 305-311.

Падучева 1985: Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. - М.: Наука, 1985.

Петерсон 1940: Петерсон М. П. О вопросах. - Русский язык в школе, 1940, N 2. - с. 38-40.

Пешковский 1923: Пешковский А. М. Вопрос о "вопросах". - В кн.: А. М. Пешковский. Избранные труды. - М.: Учпедгиз, 1959. - с. 33-49.

Плунгян, Рахилина 1990: Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Сирконстанты в толковании? - В кн.: *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. - Białystok, 1990 (в печати).

Прокопович и др. 1975: Прокопович Н. Н., Дерibas Л. А., Прокопович Е. Н. Именное и глагольное управление в современном русском языке. - М.: Русский язык, 1975.

Разлогова 1988: Разлогова Е. Э. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях. - В кн.: Знание и мнение. М.: Наука, 1988.

Разлогова 1989: Разлогова Е. Э. Когнитивные установки в прямых и не прямых ответах на вопрос. - В кн.: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. - М.: Наука, 1989.

Распопов 1958: Распопов А. П. Вопросительные предложения. - Русский язык в школе, 1958, N 1. - с. 34-37.

Рахилина 1981: Рахилина Е. В. Собственно-возвратные глаголы в современном русском языке. - В кн.: Проблемы дериватологии: Тезисы докладов, вып. 2. - Пермь: ПГУ, 1981.

Рахилина 1982: Рахилина Е. В. Отношение принадлежности и способы его выражения в русском языке (дательный посессивный). - Научно-техническая информация, 1982, сер. 2, N 2. - с. 24-30.

Рахилина 1991: Рахилина Е. В. Предметные имена в словаре. II. -

Семиотика и информатика, 1991, вып. 32 (в печати).

Рестан 1968: Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения. - Oslo: Universitetsforlaget, 1968.

Селиверстова 1975: Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов. - М.: Наука, 1975.

Словарь 1948: Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. М.-Л.: Наука, 1948-1964.

Словарь 1981: Словарь русского языка в четырех томах. Т. I-IV. М.: Русский язык, 1981-1984.

Смирницкий 1953: Смирницкий А. И. Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках. - Иностранные языки в школе, 1953, N 1. - с. 3-12.

Стеблин-Каменский 1954: Стеблин-Каменский М. И. Об основных признаках грамматического значения. - В кн.: М. И. Стеблин-Каменский. Спорное в языкознании. - Л.: ЛГУ, 1974. - с. 3-19.

Степанов 1981: Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. - М.: Наука, 1981.

ТКС 1984: Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. - Wien, 1984. - (Wiener slavistischer Almanach; Sonderband 14).

Туровский 1985: Туровский В. В. О соотношении значений многозначного слова. - Семиотика и информатика, 1985, вып. 26.

Успенский 1977: Успенский В. А. К понятию диатезы. - В кн.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. - Л.: Наука, 1977. - с. 65-84.

Устинова 1988: Устинова Е. Г. О семантике слов *первый*, *второй*, *третий* и подобных. - В кн.: Вопросы кибернетики, вып. 137: Проблемы разработки формальной модели языка. - М.: ИСК, 1988. - с. 100-110.

Хинтиikka 1974: Хинтиikka Я. Вопрос о вопросах. - В кн.: Философия в современном мире. /Пер. с англ. - М.: Наука, 1974. -

с. 303-362.

Хинтиikka 1980: Хинтиikka Я. Логико-эпистемические исследования. /Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1980.

Aoun 1986: Aoun J. Generalized binding: The syntax and logical form of WH-interrogatives. - Dordrecht etc.: Foris, 1986.

Aqvist 1965: Aqvist L. A new approach to the logical theory of interrogatives. - Uppsala, 1965.

Aqvist 1971: Aqvist L. Revised foundations for interrogative logic. - Theoria, 1971, vol.37. - p.33-73.

Aqvist 1972: Aqvist L. On the analysis of logic of question. - In: Contemporary philosophy in Scandinavia: /Ed. by Olson R.E., Paul A.M. - Baltimore; London, 1972. - p.27-39.

Aqvist 1975: Aqvist L. A new approach to the logical theory of interrogatives: analysis and formalization. - Tübingen: Narr, 1975.

Baker 1970: Baker C. Notes on the description of English questions: the role of an abstract question morpheme. - Foundations of language, 1970, vol.6. - p.197-217.

Bäuerle 1979: Bäuerle R. Questions and answers. - In: Semantics from different points of view. - B., 1979. - p.61-73.

Belnap 1969: Belnap N.D. Aqvist's corrections - accumulating question-sequences. - In: Philosophical logic./Ed. by Davis J.W. et al. - Dordrecht etc.: Reidel, 1969. - p.122-132.

Belnap 1985: Belnap N.D. Approaches to the semantics of questions in natural language: Part I. - In: From models to modules./Ed. by Gopnik I., Gopnik M. - Norwood (New Jersey): Ablex, 1985. - p.257-284.

Bierwisch 1967: Bierwisch M. Some semantic universals of German adjectivals. - Foundations of language, 1967, vol.3, N 1.

Bolinger 1978a: Bolinger D. Yes-No questions are not alternative questions. - In: Questions/Ed. by Hiž H. - Dordrecht

etc.: Reidel, 1978. - p. 87-105.

Bolinger 1978b: Bolinger D. Asking more than one thing at a time. - In: Questions/Ed. by Hiz H. - Dordrecht etc.: Reidel, 1978.

Bresnan 1970: Bresnan J. On complementizers: Towards a syntactic theory of complement types. - Foundations of language, vol. 6. - p. 297-321.

Chomsky 1965: Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. - Cambridge (Mass.): MIT press, 1965. - (Русск. пер.: Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: МГУ, 1972).

Chomsky 1977: Chomsky N. Essays on form and interpretation. - Amsterdam: North-Holland, 1977.

Cohen 1929: Cohen F.S. What is a question. - Monist, 1929, vol. 39. - p. 350-364.

Collins 1986: Collins dictionary of the English language. - London; Glasgo: Collins, 1986.

Conrad 1968: Conrad R. Über die Struktur russischer Fragesätze. - Zeitschrift für Slawistik, 1968, Bd. 13, H. 2. - S. 201-208.

Conrad 1973: Conrad R. Syntaktische and semantische Funktion russischer Fragepronomina. - Zeitschrift für Slawistik, 1973, Bd. 18, H. 4. - S. 471-479.

Conrad 1978: Conrad R. Studien zur Syntax and Semantik von Frage und Antwort. - B.: Akademie-Verlag, 1978.

Conrad 1983: Conrad R. Fragesätze als indirekte Sprechakte. - In: Studia grammatica XXII: Untersuchungen zur Semantik./Hrsg. von Ružička R. und Motsch W. - B.: Akad.-Verlag, 1983. - S. 343-367. - (Русск. пер. в кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. - М.: Прогресс, 1985).

Conrad 1986: Conrad R. Einige theoretische Aspekte der automatischen Generierung von Fragen. - In: Linguistische

Arbeitsberichte, 56. - Leipzig, 1986. - S.2-10.

Cresswell 1965: Cresswell M. J. The logic of interrogatives. - In: Formal systems and recursive functions. - Amsterdam: North Holland, 1965. - p.8-12.

Davidson 1967: Davidson D. Causal relations. - The journal of philosophy, 1967, vol.LXIV, N 21.

Fillmore 1983: Fillmore Ch. How to know whether you're coming or going. - In: Essays on deixis./Ed. by Rauh G. - Tübingen: Narr, 1983. - p.219-227.

Forsyth 1970: Forsyth J. A grammar of aspect: Usage and meaning in the Russian verb. - N.Y.; L.: Cambridge univ. press, 1970.

Frantz 1973: Frantz D. On question word movement. - Linguistic inquiry, 1973, N 4. - p.531-534.

Gordon, Lakoff 1975: Gordon D., Lakoff J. Conversational postulates. - In: Syntax and semantics./Ed. by Cole P. and Morgan J. - N.Y.: Acad. press, 1975, vol.3: Speech acts. - p.83-106. - (Русск. пер. в кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. - М.: Прогресс, 1985).

Grewendorf 1973: Grewendorf G. What answer can be given? - In: Questions and answers/Ed. by Kiefer F. - Dordrecht etc.: Reidel, 1983. - p.45-85.

Grice 1985: Grice H. P. Logic and conversation. - In: Syntax and semantics./Ed. by Cole P. and Morgan J. - N.Y.: Acad. press, 1975, vol.3: Speech acts. - p.41-58. - (Русск. пер. в кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. - М.: Прогресс, 1985).

Grosu 1975: Grosu A. The position of fronted WH-phrases. - Linguistic inquiry, 1975, vol.6. - p.588-599.

Halliday 1970: Halliday M. A. K. Functional diversity in language as seen from a consideration of modality and mood in

English. - Foundations of language, 1970, vol.6. - p.322-361.

Hamblin 1963: Hamblin C.L. Questions aren't statements. - Philosophy of science, 1963, vol.30. - p.62-63.

Hamblin 1973: Hamblin C.L. Questions in Montague English. - Foundations of language, 1973, vol.10, N 1. - p.41-54.

Harrah 1963: Harrah D. Communication: a logical model. - Cambridge (Mass.): MIT press, 1963.

Hausser, Zaefferer 1978: Hausser R.R., Zaefferer D. Questions and answers in a context-dependent Montague grammar. - In: Formal semantics and pragmatics in natural languages/Ed. by Guenter F., Schmidt S.J. - Dordrecht etc.: Reidel, 1978. - p.339-358.

Hintikka 1972: Hintikka J. Constructions and epistemological terms. - In: Contemporary philosophy in Scandinavia./Ed. by Olson R.E., Paul A.M. - Baltimore; London, 1972. - p.27-39.

Hintikka 1978: Hintikka J. Answers to questions. - In: Questions/Ed. by Hiž H. - Dordrecht etc.: Reidel, 1978. - p.279-300.

Hiž 1978a: Hiž H. Difficult questions. - In: Questions/Ed. by Hiž H. - Dordrecht etc.: Reidel, 1978. - p.211-226.

Hiž 1978b: Hiž H. Introduction. - In: Questions/ Ed. by Hiž H. - Dordrecht etc.: Reidel, 1978. - p. IX-XVIII.

Jackendoff 1968: Jackendoff R. Speculations on presentences and determiners. - Bloomington, 1968.

Karttunen 1978: Karttunen L. Syntax and semantics of questions. - In: Questions/Ed. by Hiž H. - Dordrecht etc.: Reidel, 1978. - p.165- 210.

Katz 1968: Katz J. The logic of questions. - In: Logic, methodology and philosophy of science. - Amsterdam, 1968. - p.463-493.

Katz, Postal 1964: Katz J., Postal P.M. An integrated theory

of linguistic description. - Cambridge (Mass.): MIT press, 1964.

Keenan, Hull 1973: Keenan E., Hull R. The logical presuppositions of questions and answers. - In: Präsuppositionen in Philosophie und Linguistik./Hrsg. von Franck D., Petöfi J. - Frankfurt: Athenäum, 1973. - p.441-466.

Kiefer 1977: Kiefer F. Some semantic and pragmatic properties of WH-questions and the corresponding answers. - Statistical methods in linguistics, 1977, vol.3. - p.42-71.

Kiefer 1983: Kiefer F. Introduction. - In: Questions and answers/Ed. by Kiefer F. - Dordrecht etc.: Reidel, 1983. - p.1-19.

Klima 1964: Klima E.S. Negation in English. - In: The structure of language: Readings in the philosophy of language/Ed. by Fodor J.A. and Katz J.J. - Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1964. - p.246-323.

Kuno, Robinson 1972: Kuno S., Robinson J.L. Multiple WH-questions. - Linguistic inquiry, 1972, N 3. - p.463-487.

Langacker 1974: Langacker R.W. The question of question. Foundations of language, 1974, vol.11. - p.1-38.

Larousse 1986: Grand Larousse de la langue française. P., 1986.

Lees 1960: Lees R.B. The grammar of English nominalization. The Hague: Mouton, 1960.

Malone 1967: Malone J.L. A transformational re-examination of English questions. - Language, 1967, vol.43. - p.686-702.

Malone 1978: Malone J.L. Generative-transformational studies in English interrogatives. - In: Questions/Ed. by Hiz H. - Dordrecht etc.: Reidel, 1978. - p.37-85.

Manor 1982: Manor R. Answers and other reactions. - Theoretical linguistics, 1982, vol.9, N 1. - p.69-94.

May 1985a: May R. Syntactic rules and semantic rules: Their

relation in WH-constructions. - In: Grammatical representation. /Ed. by Guéron J. et al. - Dordrecht etc.: Foris, 1985. - p.187-201.

May 1985b: May R. Logical Form: Its structure and derivation. - Cambridge (Mass.): MIT press, 1985.

Paducheva 1986: Paducheva E.V. Question-answer correspondence and the semantics of questions. - In: Language and discourse: Test and protest. /Ed. by Mey J.L. - Amsterdam etc.: Benjamins, 1986.

Searle 1975: Searle J.R. Indirect speech acts. - In: Syntax and Semantics. /Ed. by Cole P. and Morgan J.L. - N.Y.: Acad. press, 1975, vol. 3: Speech acts. - p.59-82. - (Русск. пер. в кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVII. - М.: Прогресс, 1986).

Sgall 1983: Sgall P. Relevance of topic and focus for automatic question answering. - In: Questions and answers /Ed. by Kiefer F. - Dordrecht etc.: Reidel, 1983. - p.257-273.

Talmy 1975: Talmy L. Semantics and syntax of motion. - In: Syntax and Semantics. /Ed. by Kimball J. - N.Y.: Acad. press, 1975, vol. 4. - p.181-238.

Thelin 1978: Thelin N.B. Towards a theory of aspect, tense and actionality in Slavic. - Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1978.

Toman 1981: Toman J. Aspects of multiple WH-movement in Polish and Czech. - In: Levels of syntactic representation. /Ed. by May R., Koster J. - Dordrecht etc.: Foris, 1981.

Vendler 1967: Vendler Z. Verbs and times. - In: Z.Vendler. Linguistics in philosophy. - N.Y.; Ithaca: Cornell UP, 1967.

Wierzbicka 1972: Wierzbicka A. Semantic primitives. - Frankfurt: Athenäum, 1972.

Wierzbicka 1979: Wierzbicka A. Ethnosyntax and the philosophy of grammar. - Studies in language, 1979, N 3.3. - p.313-383.

Wierzbicka 1985: Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. - Ann Arbor: Karoma, 1985.

УКАЗАТЕЛЬ ЛЕКСЕМ**I. Общая часть**

<i>ансамбль</i>	60-61
<i>аплодировать</i>	84
<i>аппетит</i>	59-60
<i>быть</i>	76, 124-137
<i>варить</i>	73
<i>видеть</i>	79-80
<i>в чем</i>	24, 76
<i>где</i>	13, 16, 17, 23, 27, 45, 62, 68-90, 104-107, 112-119, 124-137
<i>если ... значит</i>	155
<i>если ... то</i>	155
<i>зачем</i>	27, 138-156
<i>искать</i>	72-73
<i>как</i>	46-50
<i>какой</i>	13, 16, 17, 27, 33, 35, 38-67, 122
<i>какой из</i>	66-67
<i>когда</i>	25, 27, 31, 45, 85, 93-96
<i>кто</i>	31-35, 45, 150

<i>куда</i>	24, 27, 76, 82, 99-119, 136, 122
<i>купить</i>	74-76, 88
<i>ловить</i>	71
<i>находить</i>	71-72
<i>на чем</i>	24, 76
<i>откуда</i>	24, 76, 81-82, 100-119, 134-135, 122
<i>работать</i>	70
<i>рисовать</i>	80-81
<i>потому что</i>	139, 142-143
<i>почему</i>	8, 127-128, 133-134, 138-156
<i>сеять</i>	70-71
<i>сколько</i>	25
<i>у</i>	106
<i>хранить</i>	70-71
<i>что</i>	8
<i>чтобы</i>	139, 142
<i>что за</i>	35, 64-66

II. Глаголы движения

<i>бежать</i>	93
<i>бросать, бросить</i>	91, 93, 109-111
<i>везти</i>	97, 107, 113
<i>вести</i>	107, 108
<i>вбежать</i>	101, 103, 111
<i>ввалиться</i>	101
<i>ввезти</i>	101

влететь	96
войти	93, 106, 107, 111
вползти	111
встать	106
вставить	98, 106
выбросить	111, 112
вывести	95
выйти, выходить	95-96, 107, 110, 111
вынести	95
выдвигать, выдвинуть	93, 107
выдергивать, выдернуть	99, 107
вылезти	111
вылететь	96
выкинуть	111
вынести	101
вынимать, вынуть	100-101, 107
выпасть	93
выпустить	111
вырвать	104
высунуть	111
высыпать	107
высыпаться	107, 112
вытаскивать, вытащить	91, 93, 104, 107
вытекать, вытечь	112, 113
донестись	98
доставать	100, 107
доставить	93, 98
ехать	73-74, 76, 91, 93, 94, 96-97, 115, 107
зайти	106

<i>идти</i>	91-92, 96, 97, 107, 113
<i>капать</i>	112
<i>кататься</i>	97
<i>кинуть</i>	111
<i>класть, положить</i>	93, 98, 100-101, 104-106
<i>лететь</i>	93, 96, 97, 113
<i>лечь</i>	106
<i>наступать</i>	107
<i>нести</i>	107
<i>опустить</i>	98
<i>опуститься</i>	98
<i>отойти</i>	99, 101
<i>отползти</i>	113
<i>отпустить</i>	93
<i>отступать, отступить</i>	101, 103, 107
<i>переехать</i>	93
<i>плыть</i>	91, 93, 97, 107, 113
<i>побежать</i>	103
<i>повесить</i>	104, 105-106
<i>подойти, подходить</i>	98, 101, 113
<i>подползти</i>	113
<i>подъезжать, подъехать</i>	98, 107
<i>поехать</i>	94
<i>полететь</i>	94
<i>ползти</i>	93, 96, 113
<i>положить</i>	106
<i>поплыть</i>	94
<i>посадить</i>	106
<i>прибыть</i>	98
<i>привезти</i>	98

приехать	92, 93, 98
прийти	91, 98, 103, 106, 107, 113
принести	106
прислониться, прислоняться	100-101, 106
пройти	106
пролезть	111, 112
проползти	111
просунуть	111
прыгнуть	95
развести	99
разойтись	101
ронять, уронить	95-96, 112
садиться, сесть	100, 101, 106
сажать	100-101
сбегать	101
сходить	101
сходиться	98
тащить	113, 114
тянуть	114
убежать	106
увести	99
удалиться, удаляться	99, 107
уехать	91, 92
уйти, уходить	93, 99, 101, 103, 107, 113
улететь	113
унести	99
упасть	91, 95, 104
уползти	113

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

Актанты, обязательные валентности	
(см. также фиксированный актант)	22-23, 25-27, 68-77
Ассоциативная связь	146
Вход/выход из замкнутого пространства	108-112, 114, 115
Вопросительная переменная	19-37, 137
Вопросо-ответная пара	5-10
Вопрос стандартной семантики	6, 103, 128, 136-137
Глаголы восприятия	81
Глаголы деформации	89-90
Глаголы движения	77, 91-119
Глаголы "длительного результата"	106-107
Глаголы перемещения	91-99, 113-114
Глаголы прибытия	91-99, 114
Глаголы приобретения	75
Глаголы психической каузации	90
Глаголы удаления	91-99, 114

Замкнутая вопросо-ответная пара	9-10, 83-84
Исходный пункт движения	91-107, 114-115
Исходное предположение вопроса	32-33, 145-146, 150-151, 156
Каузативные глаголы (см. также глаголы деформации; глаголы психической каузации)	70-71, 77, 81, 90, 113-114, 115
Конечный пункт движения	91-107, 114-115, 116-119
Контроль	148
Наблюдатель	101-104, 109-112
Название (имя)	51-54, 56, 61
Направление движения	107-108, 114-115, 119
Множество выбора	29-35, 62-67
Оператор вопроса	17-19
Оправдание ситуации	141-156
Отпредикатное имя	40-49, 58, 61, 129-130
Оценочное имя	57-58
Отношение <i>род/вид</i>	55-58, 61
Отношение посессивности	105-106
Отношение <i>часть/целое</i>	87-88
Партитивный ответ	78, 86-90, 115
Повышение валентности	87-88
Правильный (прямой) ответ	10, 35-37, 127-128, 144-145

Предикаты детерминированного состояния	152-153
Предикаты локализованного состояния	89-90
Предикаты постоянных свойств	77-78
Предикаты состояния	151-153
Предикаты устойчивого состояния	77-78, 79-80, 90, 130
Предметное имя	50-61
Предметная область вопроса	29-35, 62-67
Презумптивная часть толкования	71-73, 84-85, 101-103
Причина	124-156
Причина-основание	153-155
"Прозрачность"	78-80, 90
Расщепление валентности	87-88
Соотносительно-временной ответ	78, 83-86, 115
Семантическая валентность, семантическая переменная	22-37
Сирконстанты, факультативные валентности	22-23, 25-27, 77-86, 115
Траектория движения	113-114, 115, 118-119
Упорядоченное множество	53-55
Управляемость	146-151
Фиксированный актанта	100-101
Фразовое ударение	132-133
Цель	138-156
Цель движения	115
Экзаменационный вопрос	102-103

SAGNERS SLAVISTISCHE SAMMLUNG

HERAUSGEGEBEN VON PETER REHDER

Band 1: Vuk Stefanović Karadžić:

Kleine serbische Grammatik.

Übersetzt und mit einer Vorrede von Jacob Grimm. — Neu herausgegeben und eingeleitet von Miljan Mojašević und Peter Rehder.
1974. Hln. 342 S. Faksimile-Edition. 52.- DM (ISBN 3-87690-086-7).

Band 2: Alberto Fortis:

Viaggio in Dalmazia. Bd. I-II.

Mit einer Einführung und Bibliographie herausgegeben von Jovan Vuković und Peter Rehder.
1974. Hln. 486 S. Faksimile-Edition. 72.- DM (ISBN 3-87690-088-3).

Band 3: **The New York Missal.**

An Early 15th-Century Croato-Glagolitic Manuscript. Edited by Henrik Birnbaum and Peter Rehder. Part One: Facsimile Text with an Introduction by Henrik Birnbaum.
1977. Ln. 608 S. Faksimile-Edition. 65.- DM (ISBN 3-87690-119-7).

Band 4: Die alttschechische Reimchronik des sogenannten Dalimil.

Herausgegeben im Jahre 1620 von Pavel Ješín von Bezdězí. Nachdruck mit einer Einleitung von Jiří Daňhelka.

1981. Ln. 293 S. Faksimile-Edition. 68.- DM (ISBN 3-87690-213-4).

Band 5: Joachim Dietze:

Frequenzwörterbuch zur jüngeren Redaktion der Ersten Novgoroder Chronik.

1984. Ln. VI, 677 S. 120.- DM (ISBN 3-87690-282-7).

Band 6: Text • Symbol • Weltmodell.

Johannes Holthusen zum 60. Geburtstag. Herausgegeben von Johanna Renate Döring-Smirnov, Peter Rehder, Wolf Schmid.

1984. Ln. 631 S. 160.- DM (ISBN 3-87690-289-4).

Band 7: Erzpriester V. M. Metallov:

Russische Semeiographie.

Zur Archäologie und Paläographie des Kirchengesangs. Paläographischer Atlas der altrussischen linienlosen Gesangsnotationen. - Kommentiert und herausgegeben von Johann von Gardner. Nach der Ausgabe des Kaiserlichen Archäologischen Instituts „Kaiser Nikolaus II.“, Moskau 1912.

1984. Ln. 261 L. Faksimile-Edition. 98.- DM (ISBN 3-87690-290-8).

Band 8: Litterae Slavicae Medii Aevi

Francisco Venceslao Mareš Sexagenario Oblatae. Herausgegeben von Johannes Reinhart.

1985. Ln. 427 S. 120.- DM (ISBN 3-87690-308-4).

Band 9: Mauro Orbini:

Il Regno degli Slavi.

Pesaro 1601. Nachdruck besorgt von Sima Ćirković und Peter Rehder. Mit einem Vorwort von Sima Ćirković.

1985. Ln. 544 S. Faksimile-Edition. 160.- DM (ISBN 3-87690-309-2).

Band 10 (1.-2.): Engel, P. Mrazović (Hgb.):

Kontrastive Grammatik Deutsch-Serbokroatisch.

Autoren: Jovan Đukanović, Ulrich Engel, Pavica Mrazović, Hanna Popadić, Zoran Žiletić. Mit einem Vorwort von Rudolf Filipović.

1986. Ln. 1510 S. 196.- DM (ISBN 3-87690-326-2).

Band 11: Velimir Chlebnikov 1885-1985.

Herausgegeben von J. Holthusen †, J. R. Döring-Smirnov, W. Koschmal, P. Stobbe.

1986. Ln. 278 S. 48.- DM (ISBN 3-87690-330-0).

Band 12: Б. А. Успенский:

История русского литературного языка (XI-XVII вв.).

1987. Ln. XII, 367 S. 86.- DM (ISBN 3-87690-380-7).

Band 13: Vera Bojić:

Vuks musikalische Erben.

Neue Materialien zur Rezeption serbischer Volkslieder in der europäischen Musik. Texte und Noten. — Вуково наслеђе у европској музици.

1987. Ln. 476 S. 120.- DM (ISBN 3-87690-360-2).

Band 14: Петр Андреевич Гильтебрандт:

Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету.

Nachdruck besorgt von Helmut Keipert und František Václav Mareš. Mit einer Einleitung „Zur Geschichte der kirchenslavischen Bibelkonkordanzen“ (I. Band) und einer Einführung in „Die neukirchenslavische Sprache des russischen Typus und ihr Schriftsystem“ (II. Band).

1988-1989. Ln. 2538 S. (Bd. I: S. 1-20, I-XX, 1-400. — Bd. II: S. I-XXXVIII, 401-768. — Bd. III/IV: S. I-IV, 769-1424. — Bd. V: S. I-IV, 1425-2000.—Bd. VI: S I-IV, 2001-2448.) — 860.- DM (ISBN 3-87690-389-0).

Band 15: Ars philologica slavica.

Festschrift für Heinrich Kunstmann. Herausgegeben von V. Setschkareff, P. Rehder, H. Schmid.

1988. Ln. 509 S. 148.- DM (ISBN 3-87690-419-6).

In Vorbereitung:

Справочный и объяснительный словарь к Псалтыри, составленный Петром Гильтебрандтом. SPb. 1898. VI, 551 S.

**Verlag Otto Sagner, Postfach 340108,
D-8000 München 34.**